ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА
АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ВЗЯТЬ ЖИВЫМ МЁРТВОГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

– Не позволю казнить Бабу-ягу! – орал царь Горох, топая ногами так, что терем шатался.

Но судебное постановление из Нюрнберга у нас на руках, да и бабка по юности много чего в лесах накуролесила, так что старое дело о якобы съеденном ею принце Йохане легло на наши плечи. И чтобы доказать невиновность нашей бабушки, всей опергруппе придётся ехать аж в Европу!

Ну да где наша не пропадала!

И тут бы не пропала, если б не скандальный дьяк и «волчий крюк»…

- Андрей Белянин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Андрей Белянин
Взять живым мёртвого

Меня разбудил петух.

Сколько раз я обещал себе расстрелять его перед строем без права на последнюю сигарету?

Но первые «ку-ка-ре» уже прогремели, а пока последнее «ку!» ещё не до конца отозвалось эхом на всё Лукошкино, моих губ нежно коснулись губы Олёны. Как же чудесно, когда утро начинается с поцелуя любимой…

Я немного вернусь назад (кто-то объяснял мне, что в художественной литературе так принято), возможно, эта книга попадёт к читателю, который ничего не знает ни обо мне, ни о милицейской службе, ни о всей нашей героической опергруппе? Хорошо, играем по вашим читательским правилам.

Итак, представлюсь, я – Ивашов Никита Иванович, родился и вырос в Москве, выпустился младшим лейтенантом милиции и во время общегородских учений полез не за тем, не в тот дом, не в тот подвал, а наружу выбрался уже в другом мире. Как говорится, добро пожаловать к нам, в сказочную Русь правления царя Гороха, в стольный град Лукошкино!

Расквартирован в тереме настоящей (зуб даю!) Бабы-яги. Милая старушка с жуткой улыбкой, чуть прихрамывает на костяную ногу, возраст – лет за триста, полагаю; ещё у неё есть большущий чёрный кот и хозяйственный домовой Назим из горного Азербайджана. Кстати, сама бабка на пенсии, со скуки втянулась в наши милицейские расследования, и, скажу я вам, лучшего эксперта-криминалиста на всём белом свете не найдёшь!

В том же тереме как-то ухитрилось разместиться всё наше отделение: тут и допросная, и поруб во дворе для особо буйных, наш архив за печкой, конюшня со служебным транспортом (рыжая кобыла и волшебная Сивка-Бурка), а ещё по двору марширует стрелецкая сотня Фомы Еремеева, которую в народе давно милицейской прозвали. Серьёзные ребята, почти спецназ.

Ещё у нас есть Митя. Легендарная личность. Фигура молодого Ильи Муромца с умственным уровнем Карлсона. У него даже моторчик жужжит в одном месте, спокойно жить не даёт, ни дня без приключений, и уж если Митька куда влипнет, то не по помидоры, а сразу по грудь! Во всём прочем – свойский парень, добрый, верный, и отделение для него дом родной. Вроде всё?

Ох нет, я же ещё женился недавно, мы потом даже в свадебное путешествие на Стеклянную гору ездили. Весело,

конечно, но желания повторить как-то нет.

– Никитушка, Олёнушка, идите ужо, завтрак стынет!

– Иди, иди, – ласково подтолкнула меня молодая жена, в прошлом профессиональная бесовка на службе Кощея Бессмертного.

Это у нас, если кто забыл, такой криминальный авторитет. Если взять все резонансные преступления за последние сто – сто пятьдесят лет, то практически за каждым будет маячить зловещая тень этого гения преступного мира. Он далеко не дурак, образование имеет отменное и мог бы быть полезным членом общества, если бы не его маниакальные наклонности и уверенность, которую он лично культивировал в себе с младенчества, что законы не для него писаны.

– А ты?

– А я причешусь и за тобой.

– Нет, давай я тебя здесь подожду.

– Никитушка-а! – На этот раз в бабкином голосе прозвучали далёкие отголоски близкой раздражительности.

После нашего последнего дела Яга вернулась в Лукошкино молоденькой горбоносой красоткой. Но по непонятным для меня причинам оставаться таковой не захотела, добровольно вернувшись в старый облик. Хотя… не знаю… возможно, она и права, жить с молодым телом и умом трёхсотлетней старухи – это… Нет, у меня в голове не укладывается.

Да и, честно говоря, к классической Бабе-яге мы уже все как-то привыкли. Притерпелись и даже по-своему любим. В общем, мне и вправду лучше поспешить вниз. В третий раз бабка звать уже не станет, сама прибежит с топором.

– Доброе утро, бабуль. – Быстро сбежав по лестнице вниз, я чмокнул Ягу в морщинистую щёку. – Олёна скоро будет, причёсывается. Что у нас на сегодня?

– Ну, по первому делу кашку пшеничную с ветчиной домашней откушай. – Бабка усадила меня за богато накрытый стол. – Хлеб свежий, расстегаи рыбные только из печи, сметанка к блинам с маслицем да чай с мёдом!

– Я лопну.

– Пузо зашить – дело нехитрое.

– Тогда растолстею и перестану в дверь проходить.

– А тебе оно так уж надо, милок? – парировала Яга. – Дома сиди, пущай за тебя вон еремеевцы бегают, да и Митяй, коли без дела сидит, сразу портиться начинает.

– Кстати, где он?

– На базар пошёл, капусты свежей прикупить, мясца говяжьего, круп владимирских, маслица подсолнечного, соли

баскунчакской да ещё…

– Бабуля, его к капусте вообще подпускать нельзя! Для него это слово, «капуста», воспринимается как приказ свыше: иди и сожри весь бочонок у тётки Матрёны! – напомнил я.

– Да тьфу на тебя, Никитушка, не доверяешь ты парнишке, не любишь его.

Ну, спорить не буду, жену я люблю больше, чем Митю, это верно. Он у нас специфический типаж, сам по себе просто обожает милицейскую службу, но ещё никто по большому счёту не приносил столько вреда имиджу самой милиции, как наш младший сотрудник Дмитрий Лобов!

Хорошо ещё, что лукошкинцы у нас граждане сознательные, если что, они его то в ковре завернутого, то в том же бочонке упакованного в отделение доставляют. Мы извиняемся и перевоспитываем, и всё по новой, это наш крест…

– Явилась – не запылилась, сноха ненаглядная. – Баба-яга церемонно расцеловалась с Олёной в чисто московской манере.

То есть чмоки-чмоки, но не касаясь щёк друг друга. Они «сдружились» за время совместного пребывания на Стеклянной горе в плену у Змея Горыныча. Не сказать, что наипервейшие подружки, конечно, но уже и не враги. А ведь было время, они тут так собачились – туши свет, бросай гранату.

– Да ешьте уже, остынет всё!

Мы втроём церемонно уселись за стол. Как раз вовремя, чтобы краем глаза увидеть, как в ворота отделения въезжает карета немецкого посла Кнута Гамсуновича. Это наш старый добрый арийский друг.

– Ещё одну тарелку поставлю, – сорвалась с места Яга. – Такие ж люди! Энтот добрый человек Кнут Плёткович…

– Гамсунович, – на автомате поправил я.

– …мне на прошлом месяце мазь европейскую для поясницы представил. На пчелином укусе! Уж до того полезная, прям слов нет, аки молоденькая кругами по двору забегала, ибо так жгло, так жгло, что уж убила бы гада-а!!! Пойти, что ль, хлебом-солью встретить?

Пока моя домохозяйка дунула к себе в горницу наряжаться к визиту дорогого гостя, мы с женой уставились в окно. Из кареты, распахнув дверцы, вышел… Митя.

– А где Кнут Гамсунович? – в один голос спросили мы, дружно косясь на большой бочонок из-под кислой капусты, который наш младший сотрудник выкатил из той же кареты. Из-под плотно прижатой крышки виднелись локоны посольского парика. Мать моя юриспруденция-а…

– Милый, и ведь уволить его нельзя, я правильно помню?

– Увольняли уже раз шесть, всё без толку, – тоскливо подтвердил я. – Но на такой крупный международный скандал он нарывается впервые. Ну и мы, получается, тоже, на радость всей Чукотке, сели голой задницей в тёплый тюлений жир.

Олёна покосилась на меня с недоуменным уважением (если так можно выразиться), но не объяснять же ей, что у нас в школе милиции полковник-якут и не такие шуточки отпускал. В массе своей крайне неприличные.

– Здрав будь, Кнут Гамсунович, гость дорогой, – на автомате выдала Баба-яга, в новеньком сарафане, в руках хлеб-соль на подносе, а в глазах искренняя любовь ко всей цивилизованной Европе.

Митяй молча бухнул бочонок с послом на пол, снял крышку и широко, от плеча к плечу, метр на метр, перекрестился.

– Докладывай, – приказал я, пока Олёна обмахивала полотенцем осевшую на пол бабку.

– А и шёл я, шёл да добрый молодец, – распевно начал наш богатырь, которому по факту место не в органах, а на сахалинской каторге. – Никого не забижал, доброму люду весь улыбался, а… Что ж вы, и «ай люли-люли» не скажете?

– Митя, не заводи, и так нервы не казённые, – ответил я и вдруг сорвался: – Ты с какого пьяного лешего вдруг иностранного дипломата в бочонок упаковал, сволочь? Третью мировую спровоцировать решил, а?!

– Утешьтесь, Никита Иванович. – Наш младший сотрудник легко и очень вежливо отвёл мои руки от своей шеи. – Причина на то имеется весомейшая. Ибо наш общий друг, посол немецкий, самолично меня на базаре остановил и до отделения довезть предложил в своей же карете.

– И за это ты его мордой вниз в квашеную капусту?

– Нет, как можно! Я же честь мундира блюду со страшной силою. Не за это дело мне Кнута Гамсуновича паковать пришлося. А за заявление!

– Какое заявление, дубина?!

Олёна на минуту оставила бабушку, чтобы повиснуть на моих плечах.

– Так он же… это… на Бабуленьку-ягуленьку полнейшее заявление написал, – скорбно выдохнул Митя. – Дескать, убийца она и преступница страшная. Таким, дескать, в отделении не место! И, главное дело, подлец, врал бесстыжим образом, будто бы доказательства у него имеются.

– Какие ещё доказательства? – опешил я.

– А такие, что якобы принц австрийский Йохан-прекрасный в последнем письме сообщил отечеству, что гостит на Руси у

красавицы Яги. Опосля о нём ничего известно не было. Ну, окромя традиционного «йоханского мясца поем, а на его же косточках покатаюся». Но то слухи…

В отделении повисла тишина. Долгая и очень нехорошая. Баба-яга замерла с разинутым ротиком, чуть согнув колени и расставив руки в позе городничего из «Ревизора», говорящего «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!».

Олёна с испугом уставилась на меня, я с недоумением и обидой на Митьку, он с полным осознанием своей правоты на всех нас. Пауза затянулась…

Вдруг из бочонка поднялась узкая немецкая рука, погрозив всем нам длинным сухим пальцем.

– Посла в баню, – быстро скомандовал я. – Вымоешь, выпаришь, водкой угостишь и в чистом белье сюда! Мы хоть как-то успеем подготовиться.

– Слушаю и…

– …и повинуюсь.

– Слушаю и повинуюсь, батюшка сыскной воевода! – вытянулся под козырёк наш младший сотрудник. – Разрешите идтить выполнять, мыть, поить, парить?

– Разрешаю.

Митька вновь взвалил себе бочонок на плечо и строевым шагом умёлся в баню. Мы с супругой осторожно выдохнули.

– Что это было, милый?

– Не знаю, Олёна. Но, с другой стороны, у нас тут есть кое-кто, способный пролить свет на эти «преданья старины глубокой». Бабуля? Подъём!

Яга подскочила так, словно ей дефибриллятор к ягодичным мышцам подключили – с места и маковкой до потолка! По-моему, там даже какая-то доска хрустнула, не знаю, не уверен.

– Вы всё слышали? Если я правильно понимаю ситуацию, то, возможно, нам грозит внутрислужебное расследование. Не поделитесь, что там на самом-то деле вы учиняли со всеми этими царевичами-королевичами?

Баба-яга сдвинула бровки, поджала губки и, едва сдерживая слёзы обиды, гордо ушла к себе в комнату. Ну, типа «ой, всё!».

– Еремеева сюда! – устало приказал я.

Олёна картинно козырнула, прищёлкнула каблуками, резко развернулась, махнув косой, и скрылась в сенях. Фома Еремеев, начальник стрелецкой сотни при отделении милиции, явился меньше чем через минуту, словно просто ждал за дверью.

– Здрав будь, Никита Иванович!

– Присаживайся. Чай будешь?

– Нет, не до того, уж прости за прямоту.

– Понял, в задницу чай, докладывай.

Доклад, как вы, наверное, уже поняли, был пространным…

Еремеевцы дежурят по всему городу: семьдесят пять парней днём и двадцать пять ночью. То есть свидетелей того, как наш Митя Лобов ни с того ни с сего бросился на немецкого посла, подмял под себя, как медведь скомороха, забил в рот кляп из кислой капусты, при всех матом проклял тётку Матрёну за то, что она, стерва, бруснички недокладывает, и, сложив Кнута Гамсуновича вчетверо, сунул в пустой бочонок, – хватало выше крыши царского терема!

Кто-то из прохожих выразил даже не протест, а некоторое изумление этим беззаконием, но заткнулся, получив в физиономию солидную порцию всё той же кислой капусты с брусникою. Рука у нашего сотрудника тяжёлая, и капусты в ладонь помещается много. Также куча народу видела, как он вкатил бочонок в карету посла и погнал перепуганного кучера матом прямиком в отделение. В общем и целом ситуация выходила неприглядная.

К тому же не успел Фома толком разъяснить мне, что в принципе его ребята полностью на стороне отчаянного Митяя, как в ворота отделения вломилась целая делегация от боярской думы. Как им и положено, с двумя хоругвями и одной иконой наперевес, с царской охраной, пищалями, топориками, пушками! Обнаглели в хлам…

Нет, пожалуй, я увлёкся, это раньше они заезжали сюда, как к себе домой, а теперь уже вполне себе пообтесались. Поняли, что звучная дворянская фамилия ни в коей мере не защищает от «милицейского произвола», как думские бояре называют законопослушание. Короче, при всей помпе замерли под недобрыми взглядами еремеевцев. Ждут-с…

– Заводи.

– Может, в порубе потомить до вечера? Вежливее станут.

– Фома, не искушай, самому хочется. Веди их уже.

Олёна, поспешно убрав со стола, присела в уголке, изображая Бабу-ягу, а я постарался сделать максимально строгое выражение лица, бояре такое любят. У них, как у любых чиновников, крайне выражено врождённое преклонение перед силой. Уж поверьте, вот если с этого всё и начиналось, то в будущем ничего не изменится.

– Здоровья тебе и блага сему дому, сыскной воевода! – с поклоном приветствовали меня двое молодых, зелёных бояр. Наверняка подросшие сыночки тех, кто ещё в прошлом году требовал моего публичного повешения.

– И вам не хворать, граждане. Чем обязан?

– Батюшка сыскной воевода, не вели башкой в поруб совать,

вели слово молвить, – осторожно выдал самый умный из двух. – Слухи ходят, что, дескать, сотрудник твой, Дмитрий Лобов, самого посла из Немецкой слободы заарестовал за невесть что, на базаре в бочку сунул и смерти безвременной предал через казнь лютую!

– Ну что ж, – подумав, широко улыбнулся я, подмигнув Олёне. – Немецкий посол, как известно, добрый друг нашего отделения милиции и в данный момент весело парится в бане с тем же Митей Лобовым. Да я и сам хотел к ним присоединиться. А как вы смотрите на баньку в милиции?

Бояре быстро переглянулись.

– А что ж, сотрудник твой младший парить будет?

– Естественно! Рука у Мити тяжёлая, но нежная.

Молодые боярские сынки нервно сглотнули и пошли на попятную, – думаю, у них были определённые указания на эту тему. По крайней мере, я даже не успел толком описать им все замечательные перспективы, как ребят ветром сдуло из горницы. Хм, прежние были покрепче, пока башкой в поруб не сунешь – не унимались. Эх, молодёжь…

– Никита, мы в дерь… В смысле – у нас беда?

– Беда не то слово. Вот в дерьме – это правильно. И не слабо! По ноздри как минимум.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю. Но это ведь не уменьшает уровень проблем на моей работе?

– Нет, – честно согласилась бывшая бесовка. – Более того, я в таком аху… оху… То есть если Баба-яга хоть в чём-то виновата, то ведь это пятно на всё отделение, верно?

– Верно, Олёнушка, – скорбно откликнулась моя старая домохозяйка, выходя из своей комнатки. – Чую я, пора нам одним нос к носу пошушукаться, покуда царь Горох цельное войско не прислал моего ареста ради.

– А есть повод?

– Есть, Никитушка. Сам знаешь, повод для ареста – он завсегда есть.

И, быть может, впервые я не нашёлся с ответом.

Да, мы не в первый раз подвергались подозрениям со стороны государевой боярской думы. И нет, до сих пор все их инсинуации касались исключительно нас, не задевая граждан других государств. Да какого русского хрена в импортном маринаде я несу?!

Это же Кнут Гамсунович! Порядочнейший немец на всём белом свете! Друг нашего отделения, поставлявший нам настоящий кофе, а в пиковый момент сумевший личным

примером поднять под ружьё всю Немецкую слободу на защиту нового «фатерлянда», то есть родного Лукошкина!

У нас никогда не было такого друга, и он тоже знал, что, случись что, вся лукошкинская милиция выступит единым фронтом за порядок и закон в его слободе. Да что там, многие русофилы на базаре упрекали нас в отсутствии патриотизма за дружбу с иноверцами! А теперь немецкий посол направился к нам с предложением арестовать Бабу-ягу?! Слов нет…

– Никита, по-моему, тебе пора в баню, – практически в один голос объявили моя домохозяйка и моя молодая жена.

– Кстати, да, – поспешно согласился я. – Действительно, почему бы покуда не сходить помыться? Я же ещё вчера в бане был. Перепачкался за ночь, как зебра в ксероксе – и вроде чёрная, и вроде белая, как посмотреть. А вы со мной не пойдёте?

На меня и посмотрели так, что я предпочёл ретироваться без слов. То есть всего того, что я до этого наговорил, было более чем достаточно. Я, конечно, не знаю, что бы мне сказала Олёна, но то, что бабка могла колдануть вслед, и неслабо, кто бы сомневался.

– Пусть Еремеев никого в отделение не пускает! Через час-полтора я сам приеду к государю и всё объясню.

В ответ один воздушный поцелуй и один сострадательный кивок. Ну и ладно, не в первый раз, в конце концов. Азербайджанский домовой Назим уже в сенях, из-под лавки, подал мне комплект чистого белья и полотенце. Хороший мужик, хоть и горбоносый, а готовит вообще как бог! Не наш православный, а какой-то их, бакинский бог, но долма у него невероятно вкусная…

– Митя, открывай, свои. – Я деликатно постучал в дверь старой баньки.

Из маленького полуприоткрытого оконца донеслись хлещущие звуки ударов веника и приглушённые стоны: «Я, я! Дас ист фантастиш!» Ну, посол у нас в Лукошкине давно живёт, привык ко всему и поддать русского парку любит.

Я толкнул дверь посильнее, не заперто. Что ж, тогда можно не стесняться, в бане генералов нет. Я быстро разделся в предбаннике и шагнул в парилку. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что орал не Кнут Гамсунович.

– Я, я, майн камрад, – в голос стонал Митька, пока красный от натуги немец яростно охаживал его берёзовым веником. – Зер гут, битте, битте, данке шё-о-он…

– Так, младший сотрудник Лобов, приказываю прекратить участие в съёмках взрослого кино, – рявкнул я. – Быстро окатился водичкой и приготовил нам чай в предбанничке!

Он бодренько вскочил на ноги, вылил на себя ушат ледяной

воды, заставив взвизгнуть от попавших капель и меня, и немецкого гостя, после чего метнулся исполнять. Мы с послом голышом (в рифму!) завели необременительный разговор о погодах, видах на урожай в Вестфалии и планах погулять с глинтвейном на католическое Рождество где-нибудь в том же Бремене.

Спрашивать в лоб о причинах его планируемого визита в отделение было как-то неудобно.

Да и сам Кнут Гамсунович вёл себя несколько странным образом. Человек, который ехал в отделение милиции для подачи заявления на нашу бабушку, а в результате без ордера и объяснений арестованный Митяем, доставленный в собственной карете упакованным в пустой бочонок из-под квашеной капусты и приведённый в порядок в бане, ни капли не обиделся и даже оказал ответную услугу в парилке своему недавнему мучителю?!

Ну, положим, «мучитель» – сильное слово. Наверное, Митин поступок можно было бы охарактеризовать как «превышение разумных границ служебного рвения, вызванное стрессовой ситуацией в связи с избыточным пониманием своего милицейского долга».

– Чай, чаёк поспел! – высунулся из предбанника наш проблемный парень. – Никита Иванович, отец родной, прошу пожаловать чаю откушать! И жидомора этого тощего с собой зовите, у меня рука не поднимается, как вспомню, что он на бабуленьку преподлейший донос накатал!

– Брысь! – рявкнул я, и Митя гордо удалился, довольный своим патриотическим героизмом.

Типа и правду-матку в лицо изрезал, и начальства не убоялся, на казнь египетскую за это дело пойдёт со всем христианским смирением. Он у нас такой, позёр со стажем.

– Нам надо поговорить, так?

– Яволь, гражданин сыскной воевода, – покивал Кнут Гамсунович, опустив взгляд. – Во-первых, я не жидомор. Это айн! Во-вторых, я не тощий, у меня сухопарое телосложение. Это цвай!

– Гражданин Шпицрутенберг, прошу вас принять мои официальные извинения за грубость нашего младшего сотрудника.

– Это есть обычная, как у вас говорят, отмазка?

– Совершенно верно.

Мы пожали друг другу руки и уселись в тёплом предбаннике, завернувшись в простыни. На низеньком столике (ну или, честнее, на свободной лавке) были расставлены расписные чашки, блюдечки с вареньем, сушками, баранками, урюком, пахлавой, цукатами и орешками. В пузатом чайнике настаивался

знаменитый «Азерчай». Домовой Назим мягко и ненавязчиво сумел сделать нашу домашнюю кухню не такой русской. Иногда мне даже кажется, что кормят у нас прямо как в московском филиале «Бакинского дворика».

– Итак, что же касается «доноса» и претензий немецких спецслужб к старейшей и заслуженной сотруднице нашего отделения…

– Я охотно объяснюсь, герр Ивашов, – в привычно церемонной, дипломатичной манере начал наш гость. – Вы прекрасно знаете, сколь долгие и, я бы сказал, дружественные отношения связывают Немецкую слободу и отделение милиции. Было время, когда ваши доблестные стрельцы защищали нас, мы в свою очередь не единожды вставали против врагов нашего общего дома, прекрасного города Лукошкина. Более того, лично вы спасли мою жизнь и честь. Однако, мин херц…

– Я понимаю, что вам трудно, но вы обязаны.

– Да. Увы, но я обязан передать его величеству царю Гороху ноту протеста от нашего государя Фридриха Вильгельма. Неожиданно в европейских кругах…

– Вы имеете в виду СМИ и всякие газеты?

– Газеты – это развлечение легкомысленных французов. Нам, честным немцам, важнее сплетни. Больше всего мы боимся разговоров за спиной. – Посол взял один розовый цукат, пожевал и с удовольствием отхлебнул чаю. – Ситуация такова, что если вина вашей Яги в убийстве принца будет доказана, то мой король Фридрих потребует её наказания где-нибудь в Мюнхене или в Бамберге.

– Но это не Австрия.

– Зато там прекрасные большие площади, идеально подходящие для сжигания ведьм.

На мгновение я вдруг ощутил всю прелесть опасного Митиного безумия. То есть мне жутко захотелось тут же на месте придушить посла и убрать дело «под сукно». Видимо, Кнут Гамсунович прочёл что-то подобное в моих глазах.

– Даст ист майне шульд[1], герр Ивашов. Я, быть может, не был достаточно вежлив и корректен. Но поймите меня правильно, в Европе уже зреют некие протесты, определённые круги заинтересованы в ключевом противостоянии России и Австрии. Поэтому если дело о пропавшем наследнике престола не получит должного разрешения, то государю Вильгельму просто придётся объявить вам войну. Без вариантов!

– Да неужели?

– Я, я! Он не хочет этого, но он будет вынужден спасать свой авторитет. Пропавший принц Йохан-прекрасный Себастьян был

очень популярен у знатных фройляйн королевской линии многих стран. И, как это ни странно звучит, похоже, именно ваша Баба-яга видела его последней.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы более-менее уложить в голове события, реальность, факты, домыслы, фантазии, планы геополитики и предположить, что будет прямо сейчас, если мы не вмешаемся в это крайне мутное дело…

– Еремеев! – Я высунулся из бани.

– Здесь, Никита Иванович, – откликнулся с крыльца командир стрелецкой сотни.

– Хватай всех своих в охапку и рысью дуй к Немецкой слободе! Приказываю окружить их со всех сторон и защищать всеми законными средствами.

– Да что случилось-то?

– Очень надеюсь, что ничего НЕ случится. Немцы не должны пострадать. Давай же, Фома неверующий, не тяни!

Он пожал плечами, но уже через минуту по двору забегали вооружённые стрельцы: еремеевская команда быстрого реагирования готовилась к короткому походу.

– Кнут Гамсунович, вам нужно остаться здесь. Когда царь Горох узнает, что король Фридрих Вильгельм грозит ему войной, если он не позволит европейскому суду сжечь нашу Бабу-ягу… Всё! Абзац! Немецкой слободе конец, а вы отправитесь либо в тюрьму, либо на каторгу, либо на плаху.

– Тогда я обязан быть со своими соотечественниками! Мы ни в чём не виноваты, мы законопослушные немцы и любим свою новую Родину! Государыня Лидия Адольфина не допустит…

– Учитывая её личную дружбу с бабулей, государыня своими руками закуёт вас в кандалы, – прорычал я, лихорадочно одеваясь. – Вот вроде бы взрослый человек, дипломат, прожили здесь куда больше, чем я, а элементарных вещей не знаете.

– О, это опять ваша таинственная русская душа? – нервно фыркнул посол.

– Нет, скорее тот факт, что «таинственная русская душа» штука заразная. И теперь ваша австрийская принцесса воспринимает себя исключительно русской царицей. Русской! И ныне интересы Лукошкина для неё превыше интересов любой объединённой Европы! Так понятнее?

Кнут Гамсунович замолчал. Видимо, подобный расклад просто не приходил ему в голову.

– Письмо с претензией в царской канцелярии?

– Да. Я поспешил, сначала нужно было обратиться к вам, верно? Но это дипломатическая почта, мне непозволительно нарушать правила.

– Ещё раз убедительно прошу вас, оставайтесь в отделении, Митя за вами присмотрит. А я – пулей к Гороху.

Старая телега с надписью на задке «Опергруппа» была подана в рекордно короткое время. С благообразной рыжей кобылой я отличнейше управлялся сам. Поцеловал жену, крепко обнял Митьку, шёпотом дав ему строжайший приказ беречь немецкого посла, и вслед за еремеевцами выехал за ворота. Яга всё это время даже носу не высунула из своей горницы. Только толстый чёрный кот Васька прощально помахал мне лапкой с крыльца, и на морде его было написано самое скорбное выражение…

– Пошла-а, рыжая! – Я присвистнул на разбойничий манер, и загорающаяся не меньше нас милицейским азартом лошадка перешла на бодрую рысь.

Неровная булыжная мостовая вела через Базарную площадь, но ещё ни разу не было такого случая, чтобы моё явление народу осталось неоткомментированным. Да, да…

– Люди добрые, да куда ж это Никита Иванович с утра спешит? Все мужики-то ещё в бабской ласке греются, а его словно змеюка подколодная за одно место укусила! Да знаю я, что он женат! Жёны, они тоже порой кусаются. И именно за энто место зубами норовят…

– Ой вей, кругом одна милиция! Стоит скромному еврею выйти на улицу, а органы от правопорядка уже там и все в напряжении. Шо я такого сделал, шо милиция за мной таки уже и скачет? Не за мной?! Какая досада, а мы уже думали, шо наконец-то начались гонения и притеснения. Опять жалобу не на кого писать, шо за жизнь, таки нас снова кинули, евреи?!

– От ить сыскной воевода полетел. Куды? Не сказал. Почто? Не признался? Вот она, молодёжь, пошла, никакого уважения к старости. Нет чтоб сесть по-людски, объяснить дедушке не спеша – куда, зачем, почему, чё будет, кого арестують, кто плохой, какой срок дадут? Поехал себе, да и тьфу!!!

Не то чтобы мне всё это было жутко интересно, но базар есть базар, тут всего и всякого наслушаешься, без вариантов. Народ у нас разный, и, как говорится, на все рты платков не хватает, а наши люди всегда лепят в лицо всё, что думают.

– Эх, да будь я помоложе, хрен бы он у меня вообще из постели вырвался! Какая к лешему служба? На мне служи! И так и сяк, и слева, и справа, и сверху, и вообще, чтоб самих мыслей с бабы слезть не было! А я те тоже отслужу, хучь в ошейнике, хучь в собачьем намордник. А почему нельзя? Кто сказал? А ежели мне оно так нравится? А мужик пущай терпит, на то он и мужик! Чё скажете, бабы, где я не права?!

В общем, вы всё поняли, слышали не в первый раз, да? Хотя,

как понимаете, привыкнуть к этому невозможно. Примерно с той же степенью нереальности, как не встретить дьяка на государевом дворе. То есть это по факту невозможно.

– Явился не запылился, – приветствовал меня стоящий за воротами гражданин Груздев Филимон Митрофанович, самый страшный сон всего отделения милиции.

Между собой мы называем его «геморрой во плоти», «происки Америки», «буревестник думского приказу», ну и ещё ряд уже не вполне приличных прозвищ. Любые попытки хоть как-то смягчить нашу вечную войну к положительным результатам не приводили. Даже когда он нам помогал, а один раз вообще чуть не женился на вдовой Митиной маме.

– Куды ты прёшь, милиция неподкованная?!

Дьяк едва успел отпрыгнуть в сторону, когда наша рыжая кобыла чуть не цапнула его зубами за длинный нос. Промахнулась, к сожалению.

– Не лезьте под колёса опергруппы! У меня срочное донесение к царю! – на весь двор проорал я, спрыгивая с телеги. – Мужики, пропустите без записи?

Царские стрельцы кивнули, они знали нас не первый день и, уж как водится, в бюрократических приёмных не томили.

Пока дьяк матом лаял меня и раздражённую несправедливым обвинением лошадь, я быстренько взлетел по ступенькам на третий этаж царского терема.

– Где Горох?

– Государь бояр слушать изволит, – шёпотом объяснили мне два бородача с топориками у дверей. – Но ты заходи, сыскной воевода, ежели что, уже два раза об тебе вспоминали.

– С меня причитается, парни, обращайтесь!

– Понимаем, сами службу несём, – весомо подтвердила царская охрана, опуская бердыши и, соответственно, пропуская меня в зал заседаний боярской думы. Ох и страшное это место, доложу я вам…

– Никита-ста Ивашов, сын Иванов, – доложили стрельцы, распахивая передо мной двери. – Сам сыскной воевода царю Гороху челом бьёт и нижайше принять просит!

Я кротко выдохнул и шагнул вперёд. Это как прыжок с разбегу в крещенскую прорубь!

В думе ко мне хорошо относится лишь один старый боярин Кашкин да пара-тройка сочувствующих молодых бояр. Прочие находятся под влиянием пузатого думца Бодрова, на которого в свою очередь изо всех сил давит его жена. В общем, там всё запутано, тёмно, сложно и стрёмно, не пытайтесь понять, я сам в каждодневном недоумении. Чего я ей такого сделал, если мы

даже и не встречались ни разу?

Однако царь Горох продолжал прислушиваться к милиции чисто из принципа, так как абсолютизация власти штука опасная во все времена.

– Ну заходи, заходи, сыскной воевода, я на тебя гневаться изволю, – в традиционной русской манере принял меня наш государь. – Жалуются граждане! Вот, целую петицию на латинский манер накатали, а дьяк Филимон Груздев все претензии народные к милиции записать успел да через бояр моих верных пред очи мои светлые представил.

Бояре грозно хмурили брови, исподлобья прожигая меня многообещающими взглядами. Чего уж, один раз они меня прямо тут, в царском дворе, едва не повесили! Навалились пятьдесят на одного, тот же дьяк Филька верёвку притащил, и если б не Горох…

– Что скажешь, милиция? Велю тебе при всей думе боярской ответ держать.

– Подтверждаю, – честно кивнул я. – Жалобу писал гражданин Груздев, очи у вас светлые, ответ держу. Ещё вопросы есть?

– Так что ж, бояре, есть ли у нас ещё вопросы? – Царь выгнул соболиную бровь дугой.

– Дык… не отказывается ни от чего вроде… казнить бы по случаю, государь?

– Казнить – это дело нехитрое, однако ж обратно ему голову не пришьёшь. Раз всё признаёт и кается, стало быть…

– Миловать, что ли?! – едва ли не со слезами взвыл толстяк Бодров, закусывая бороду. – Что за жизнь настала, что за порядки? Хочешь человека на плаху отправить, а фигу! Законы какие-то понавыдумывали…

– Я так понимаю, это вы сейчас на царя наезжаете, гражданин? – строго заметил я. – Будете заявление писать или сразу пешком на каторгу? Сочувствующие есть? Кто ещё разделяет вашу точку зрения? С кем вы состоите в переписке? Сколько человек вовлечено в вашу тайную организацию? Минуточку, я достану блокнотик. Итак, записываю!

– Бежим, православные! – истошно завопил кто-то из самых первых рядов. – Милиция дело шьёт, срок мотать заставит, небо в клеточку, друзья в полосочку. Бежи-и-им!!!

Собственно, и минуты не прошло, как заседание думы было приостановлено в связи с отсутствием ранее присутствующих. Это стадо бородатых слонопотамов с посохами и длинной родословной успешно затоптало в пути гордого дьяка Груздева, автора очередной петиции «от народа супротив органов».

Наверное, можно было бы чуточку позлорадствовать, но ведь дьяк-то всё равно выживет, он у нас как цветок в проруби – суть неутопляемый.

– Пошли ко мне, Никита Иванович. – Горох снял корону, повесил её на спинку трона и протянул мне ладонь. Рукопожатие царя было крепким и тёплым.

– Нет, к вам пойди, вы настойками угощать станете, а у меня дело серьёзное.

– Да я уже третий день капли в рот не беру. Ей-богу! Кстати, зануда ты и есть.

Угу, можно подумать, он сам не берёт. Ему царица не позволяет. Лидия Адольфина, бывшая австрийская принцесса, сухая, как швабра, но с четвёртым размером бюста, гвардейской выправкой и нежнейшим сердцем, всегда искренне заботилась о здоровье мужа.

Тем более после недавнего приключения на Стеклянной горе. В смысле, когда они оба вернулись в Лукошкино, надёжа-государь, он же рыцарь, паладин, Лоэнгрин мэйд ин Раша, на радостях запил, и пил ровно неделю! Так что нет, я ему не собутыльник, он же опять сорвётся, и тащи его за шиворот из синей ямы, а его величество руками-ногами упираться будет и мне же казнью грозить.

– Чего там у тебя приключилося, рассказывай.

– Кхм, ну если честно, то проблема серьёзная. – Я прокашлялся, огляделся по сторонам и вполголоса тихо прояснил государю сложившуюся ситуацию.

Горох охнул.

– Царица знает?

– Надеюсь, ещё нет. Но как только в вашей канцелярии вскроют официальное письмо…

– Немецкую слободу под охрану!

– Уже.

– Ягу твою, милейшую бабушку, чтоб её ангелы на небеса от нас живьём вознесли, спрячь где-нибудь подальше!

– Она в отделении, за ней Олёна смотрит.

– Кнута Гамсуновича велю сей же час…

– Он тоже в отделении, под Митиной охраной.

– Слушай, а зачем тебе вообще царь, если ты и так всё знаешь?! – на минуточку обиделся Горох, но так же быстро остыл. – К тебе поеду. Изволю с послом немецким да Бабою-ягой лично переговорить. А покуда никому ни слова! Ежели только бояре мои прознают…

Двери распахнулись так, словно их тараном вышибли. Одна створка повисла на косяке, другая хлопала, словно флюгер на

ветру, а на пороге стояла бледная от ярости царица Лидушка.

– Свет очей моих, – нежно пропел Горох, на всякий случай прячась за трон.

Государыня молча оторвала длинную полосу от собственного подола, связала её в узел, прикинула вес, покрутила над головой и пошла в атаку.

– Майн гот! Майн возлюбленный дальний кузен Йохан убит в твоей… моей… нашей России! Я всё знать, а ты мне всё молчать?!

– Это не совсем так, – попытался встрять я, героически закрывая грудью Гороха. – Пока есть только предположение, но нет фактов. Вы же не будете верить голословным обвинениям?

– О найн! Я сначала вас всех убить из-за моей горячий австрийский кровь, а потом плакать и думать! Можно даже просто плакать, я, я, и совсем ничем не думать. Ферштейн зи?

Мы уворачивались, как могли, парчовая ткань, связанная в тугой узел, свистела в воздухе не хуже разбойничьего кистеня. Четверо стрельцов, пытавшихся врукопашную остановить гневную государыню, полегли на месте. Мат стоял такой, что я только диву давался, как эта нежная иностранная принцессочка столь быстро всё подхватывает?!

На каком-то этапе Горох просто оттолкнул меня в сторону, поднырнув ей под руку, и, блокируя удар, припал к губам супруги крепким мужским поцелуем. Лидия Адольфина замерла, орудие разрушения рухнуло на пол, побитые стрельцы быстро поползли к выходу, а я, морщась от боли в ушибленной пояснице, полез в тайный государев шкафчик за троном, доставая бутылочку валерьяновой настойки на спирту. Нам всем надо было чуточку успокоиться.

– По пятьдесят?

Царь с царицей кивнули. Пили из маленьких серебряных стопок без тостов, просто потому что надо. Стрельцы по-тихому восстанавливали двери. Бояре, даже лояльные милиции, не рисковали и носу сунуть в зал для заседаний, так как теперь уже никто не знал, у кого более вспыльчивый нрав – у государя или у государыни. Но не лезть под горячую руку ума хватало всем.

– Давай-ка, Никита Иванович, друг сердешный, поведай нам ещё раз об сём деле.

– Я, я! Ви есть и мой добрий дрюг-полицай, битте шён, расскажите нам, как есть всё по-вашему без прикола. Найн, без протокола.

Что ж, я пожал плечами и, тихо вздохнув, видя, как Горох разливает по второй, ещё раз со всеми деталями рассказал всё, что знал. А как вы понимаете, знал я немного. Да и то немногое, признаться, с чужих слов. Собственно, со слов одного лица, Кнута

Гамсуновича, хотя никаких доказательств в подтверждение выдвинутых обвинений он представить не смог.

Подчеркиваю, именно не смог, а не не успел.

– Допустим, кто-то там в Австрии вообразил, что их принц когда-то и зачем-то попёрся в Россию. Не буду спорить, принцев клинит на всю голову, они ребята эмоциональные, даже девичьи трупы целуют в губы, но мы-то здесь при чём? Откуда появилась информация, что именно наша Баба-яга была последней, кто его видел? Кстати! Даже если это и так, то с чего вдруг появились мысли, что она каким-то боком причастна к его (возможной!) смерти? Что, если австрийский принц Йохан спокойно уехал от Яги в ту же Финляндию, Польшу, да хоть в Китай, и до сих пор находится в гостях у местных мандаринов.

– У кого? – дружно спросили царь с царицей.

Мне пришлось вспомнить школьные знания и объяснять им, почему властелины Китая назывались фруктами. Ну или наоборот? Ох, блин… не знаю… как там, кто был первым, кого в честь кого назвали мандарином? Но не принципиально же!

– Письмо из канцелярен подать сразу мне, оно дас ист дипломатический почта, – начала Лидия Адольфина, чуточку подуспокоившись и накрывая свою стопку ладонью – ей хватит. – Боюсь, я быть вся как есть чрезмерно сгоряча?

– Я, я, – подтвердили мы с государем.

– Но если кто-то шпрехен, что немцы хотят экстрадишен вашей… моей… нашей Бабы-яги в… на суд в Нюрнберг, то будет бунт! Российский, жестокий унд беспощадный?

– Натюрлих, – переглянулся я с Горохом. – Так что, все втроём едем к нам в отделение?

Вот это, наверное, было бы самым разумным и правильным решением на тот момент, если бы, распихивая старательных стрельцов, в зал для заседаний не влетел запыхавшийся боярин Кашкин.

Дядька довольно древних лет, но бодрый, как огурец, и с такими же прогрессивными взглядами на работу правоохранительных органов. То есть он не только милицию любил, но и нашей бабушке при всех глазки строил. К тому же этот тощий дед и супротив всей боярской думы ни разу не побоялся встать на мою защиту! Стержень имел.

– Беда, государь! Народ на Немецкую слободу пошёл. Говорят, будто бы немцы всю нашу милицию под корень извести хотят в суде неправедном, в Гаагском!

– Коня мне! – взревел Горох, ибо мало того что у него нрав горячий, так ведь и пили только что, но не закусывали.

– Два раза коней! Их бин можно есть кобылу, – в голос

поддержала Лидия Адольфина.

– Ну а я, видимо, следом на телеге поеду.

Мне с трудом удалось сохранить серьёзное выражение лица, представляя, как скромная Лидочка пытается есть кобылу. Впрочем, привычные ко всякому и невозмутимые стрельцы кинулись исполнять царский приказ, а я, пользуясь случаем, тихо подошёл к боярину.

– Кто сдал немцев, выяснили?

– Да дьяк Филька, кому оно ещё надо!

– Я сейчас очень занят буду. Как встретите, передадите ему от меня леща?

– Со всем моим удовольствием, – клятвенно пообещал Кашкин. – И от себя на орехи добавлю.

– Имейте в виду, что я, как сотрудник милиции, этого не слышал. А в остальном удачи!

Я втихую, не спеша, вышел из царского терема. Вот, значит, кто, пользуясь доступом к дипломатической переписке, полез вдохновлять горожан на «защиту родного отечества». А ведь сколько раз мы практически подводили этого мятежного балабола под статью, но каждый раз он успевал вывернуться, изображая из себя мученика власти и жертву милицейского режима.

Рыжая кобыла, запряжённая в телегу с надписью «Опергруппа», честно ждала у забора, пережёвывая какие-то случайные травинки. А из главных ворот уже резвым галопом вылетали два всадника, за которыми следом бодро бежали царские стрельцы с бердышами наперевес.

Ну, будем надеяться, что ничего серьёзного они там устроить не успеют. Еремеев заранее прикрыл слободу своими людьми, а простой народ в Лукошкине милицейским нарядам доверяет больше, чем царским. Это, наверное, хорошо. Всё должно решаться здесь и на месте, не дожидаясь прилёта федералов в голубом вертолёте с бесплатным кино.

Пока неспешно ехал развалясь себе в телеге, народ традиционно сопровождал меня самыми разными комментариями.

– Гляньте, люди добрые, сыскной воевода опять без дела катается! Как, значится, мужа моего, сволочь и пьяницу, в поруб башкой макнуть, так ему заявление надобно. А ежели я сама то заявление только для его вразумления и пишу? Ежели, когда милиция припёрлася, я за мужа горой, хоть сама ту же милицию и вызывала?! У нас, баб, таковая весёлая логика… и чё?! Заарестуйте его, пьяницу, воспитанию ради, но и пальцем не трогайте, ибо муж он мне, вот так-то! Чего ж непонятного?

– Салам тебе, Никита Иванович-джан! А иноверцам в твоей

милиции служить можно, э? Вот я дагестанец, мой дядя кумык, мой тесть чеченец, моя мама из-под Саратова, так, может, к вам в отделение уже пора муллу пригласить, нет? Мы, мусульмане, очень-очень России верные! У нас даже оружие незарегистрированное есть. Пусти в милицию, а?

– Ой лышеньки, ой мамоньки, ой боженьки! И що? Ну коли милиция куда едет, нам с того горе или счастье, га? Що вы тут шумиху подняли, коли ни разу ни одной серьёзной проблемы нема?! От я ж верю милиции! Ежели куда едет, стало, ей туды и надоть. А все те ваши теории заговора, що там Запад творит, що они в той Европе надумали, шоб усим нам напакостить, дак я в то не верю. От глазами вижу, но не верю! А що вы хотели? От такая я сложносоставная баба-а…

И кстати, это всё не значит, что я слушал. Скорее вот это всё я просто не мог вытряхнуть из своих ушей! Народ у нас, в Лукошкине, очень разный, со всех областей Руси-матушки, а также из прилегающей местности. Честно говоря, по совести, лично мне до сих пор не ясно – мы (Лукошкино!) и есть вся пресвятая Русь? Или царь Горох правит своей определённой вотчиной, а в Московской, Тверской, Рязанской или Новгородской областях есть свои такие же цари? Всё возможно, я же тут ни разу толковую географическую карту не видел.

Когда наконец добрался до Немецкой слободы, то там уже всё было окружено бунтующим народом. Ну, в смысле как сказать «бунтующим»? Скорее оппозиционно настроенным! Ох, мать их, прародительницу Еву по языческому календарю, что же они тут все удумали-то…

– Пропустить милицию, православные! Ибо, ежели не милиция, тогда кто же за вас постоит?

Я остановил кобылу посреди колыхающейся волны народа, впритык к воротам Немецкой слободы. По периметру стояли вроде как неизвестно кем возбуждённые толпы.

Вру. Известно кем. И я его убью!

У немецких ворот дружно держали оборону суровые еремеевцы. Фитилей у пищалей не зажигали, но и ладоней с рукоятей сабель также убирать не спешили. Самого сотника видно не было, зато мне показали проклятого дьяка Фильку, смиренно изображающего коновязь.

То есть он держал поводья лошадей Гороха и его супруги. Сволочь!!!

Понятно, что в отсутствие Кнута Гамсуновича именно Лидия Адольфина сочла себя обязанной взять контроль над осаждённой слободой.

– Филимон Митрофанович, а вы что здесь делаете?

– Я уже заарестованный, ась? Тогда предъяви обвинение, участковый. А коли нет, так я на твои вопросы отвечать не обязан. Съел?!

– Я имею подозрения, что это вы сообщили боярам о письме австрийского короля Фридриха Вильгельма. То есть косвенно причастны к народным волнениям.

– Ничего не буду говорить без адвокату, раз собака ты легавая и есть!

Мне с трудом удалось удержать себя в руках. Но даже невооружённым глазом было видно, что этот ушлый тип нагло провоцирует меня на прямой арест с заламыванием рук за спину прямо тут, на глазах перевозбуждённой толпы. Причём люди ведь ни в чём не виноваты, они ещё и сами толком не знают, против чего собирались тут бунтовать. Им же просто бросили слух, что, дескать…

– Немцы в своей слободе царя подменили-и! – неожиданно громко тонким голосом взвыл дьяк. – Спасай государя, православные-е! Бей милици… ик!.. уй… ой?!

Договорить я ему не дал, поймав шею гражданина Груздева в удушающий захват.

Все вокруг замерли. Я молча передал задержанного стрельцам, попросил присмотреть за царскими лошадьми, а сам первым шагнул навстречу возмущённому народу.

– У кого ещё тут претензии к милиции?

– Дык дьяк… дьяк-то… от… чё… и энто, ась?!

– Мятежник, смутьян, дурак и просто пьянь зелёная. Пить у нас на Руси можно, но закусывать тоже стоит. Все в курсе?

– Знаем, и то верно же: как без закуски? – чуть ободрившись, с пониманием загомонили люди, но всё ещё не собираясь расходиться. – Так что ж, сыскной воевода, поди, война с немцами будет?

– Нет.

– Тады… э-э… слободу жечь рановато, что ль?

– Что-либо жечь в городе – это бандитизм, разбой и вообще арест на пятнадцать суток, – строго напомнил я. – Граждане лукошкинцы, вы не первый день меня знаете. Расходитесь по домам! Немцы из Немецкой слободы – наши родные немцы! Уж простите за тавтологию. В прошлый раз при нападении орды шамаханской кто Лукошкино оборонял, пока вы все в пьяном угаре валялись?

– Так ты ж сам просил…

– А вот это не важно! Важно то, что город отстояло ополчение Немецкой слободы, кто спорит?

– Дык чё ж… было такое дело… ну не каждый раз однако же.

А и чё мы и вправду здесь собрались, православные? Кто помнит?

– Приглашаем всех на царский двор! – неожиданно появляясь в воротах, громко прокричал Горох. – Пять бочек зелена вина открыть для верных сынов нашего Отечества!

– Уря-а-а… – без чрезмерного энтузиазма откликнулась толпа, но народное мнение привычно качнулось в другую сторону.

Русским людям тоже особые потрясения всерьёз не нужны.

Одно дело – набить морду тихому немцу, семеро на одного, за прошлые обиды, и совсем другое, когда тебя призывают дотла сжечь иностранную слободу, где находятся законные царь с царицей, а по периметру стоят грозные стрельцы милицейской сотни. Эти и сдачи дать могут, смысл нарываться-то?

Люди начали потихоньку расходиться…

– Выручили, спасибо, – поблагодарил я царя.

– Тебе спасибо, Никита Иванович, – кивнул государь. – А предательскому дьяку Фильке я велю завтра же голову рубить как мятежнику и смутьяну. Иди сюда, сукин ты кот!

– Батюшка, – придушенно пискнул пленённый дьяк, изо всех сил изображая патриотический обморок. – Да я ж всё за-ради тебя, Отечества любимого и Руси, синеокой матушки нашей светлой. Ох, братцы-брательнички, как же сердце щемит при виде берёзки одинокой над обрывом. Ох, Русь, Русь святая, благословенная, светом Божьим одарённая, аж до слёз на глазах!

– С ума спрыгнул? – обернулся ко мне Горох.

– Нет, просто косит себе под великомученика, – на ухо прошептал я. – Не спешите с казнью. Пусть он у нас в порубе посидит, обычно это быстро вправляет мозги. Ну а не протрезвеет, тогда и расстреливайте.

– Искушаешь, Никита Иванович, друг сердешный.

– Но я прав?

– Вот скажи, а почему ты всегда прав? Ить я царь!

Мне казалось, что разговор повторяется, но вспоминать сейчас, где и когда это было, вряд ли выглядело бы разумным. По крайней мере, на данный момент.

Через десять – пятнадцать минут, когда все окончательно разошлись, Лидия Адольфина Карпоффгаузен русским матом быстро успокоила напуганных немцев в слободе. Царская чета отправилась к себе домой, а я приказал на всякий пожарный оставить шестерых стрельцов у ворот. Остальное оцепление можно было спокойно снять.

В родное отделение вернулся уже к обеду, ведя привязанного к задку телеги поникшего дьяка Груздева. Он упирался,

сквернословил, богохульствовал, молился, рыдал, грыз верёвку, но всё равно волочился следом. Лукошкинцы хоть и добрый народ, но лишними вопросами не донимали, любому ясно: если в милицию замели, то, стало быть, за дело, невиновных у нас не сажают.

Ну, не так чтобы уж совсем всех и никогда, но мы всё-таки боремся за главенство закона над традиционным русским самодурством.

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода. – Еремеевские стрельцы распахнули ворота.

– Митька! – громко крикнул я. – Принимай аппарат, махнул не глядя!

– Чегось? – вытаращился он, выглядывая из-за бани.

– Кобылу, говорю, прими, телегу на место поставь, заключённого в поруб сопроводи.

– А кто это у нас тут? Филимон Митрофанович, какими судьбами?! Мы ж по вас тока-тока и соскучиться не успели.

– Ирод ты милицейский! Всё как есть твоей милейшей маменьке на деревню отпишу! Уж она тебе задаст, уж она-то…

– Она читать не умеет, – нежно оборвал дьяка наш младший сотрудник, взвалил его на плечи и вприпляску понёс через весь двор.

Гражданин Груздев ловко плевался во все стороны, но ни в кого не попал, посему был без мордобития донесён до поруба и кубарем спущен вниз. После недавних событий, когда этот прощелыга в ермолке с косичкой и бегающими глазками внаглую предавал нас направо-налево, не считаясь ни с христианской моралью, ни с верноподданническим долгом, миндальничать с дьяком думского приказа мы тоже перестали. Да и сколько уже можно, а?

Олёны в доме не оказалось, тот же Митя пояснил, что она-де на базар пошла, а зачем – не сказалася. Немецкий посол, вымытый, отдохнувший, довольный, сидел за столом, гоняя чай с Бабой-ягой.

– Не помешаю? – запнулся я на пороге.

– Да что уж там, заходи, Никитушка, – скромно опустив глаза, вздохнула бабка. – Я ить в своём доме, на своей земле, чего уж мне-то на старости лет в родном отделении от своих же сотрудников прятаться? Покуда тебя не было, я тут Кнуту Гамсуновичу всю правду как есть рассказала.

– Я, я, – подтвердил седой немец, поправляя парик на взопревшей от чая голове. – И должен сказать, что ваша гроссмуттер-полицай была очень убедительна. Лично я бы не имел к ней ни одной претензии.

– То есть дело закрыто?

– Дело ещё и не начато, соколик, – грустно усмехаясь, поправила меня Яга. – Вона Олёнка твоя со двора побежала кой-чего прикупить для колдовства чародейского. А уж как результат на руки получим, тогда и прикинем по уму, что да куда. Дело пытать али от дела лытать?

– Ну вы хоть вкратце объясните, в чём проблема?

Моя домохозяйка переглянулась с послом, и они оба, перебивая друг дружку, пустились расписывать блюдечко гжелью и тарелочку хохломой. Это образно выражаясь, а по сути всё проще и понятнее. Я вам вкратце перескажу.

Да, да, в годы золотой молодости Баба-яга, будучи себе уже вполне состоявшейся ведьмой с именем, действительно несколько раз встречалась со всякими там царевичами-королевичами.

Цари в массе были наши славянские: русские, болгарские, сербские. Королевичи – исключительно из Центральной Европы. С принцами Персии, Азии и стран мусульманского Востока дело как-то не очень заладилось. Возможно, вопрос в религиозных тонкостях, возможно, бабка просто была противницей многожёнства. Кто знает, отзовись?!

Разумеется, никаких специальных учётных книжек роковая красавица не вела, дневниковыми записями не баловалась, а уж так называемая девичья память была у неё значительно короче, чем у подавляющего числа представительниц слабого пола. Это я очень-очень-очень прозрачно намекаю, что супружеской верностью Яга особо не страдала и всяческих там мужчин меняла на раз чаще, чем плетёные лапти в весеннюю распутицу. Как-то так…

На определённом этапе она жила нехилой криминальной жизнью, добывая средства к существованию исключительно преступным путём. Если вы поняли, то немало принцев-царевичей-королевичей, выпив зелена вина в бане с горбоносой красавицей-шалуньей, вдруг просыпались в глухом лесу неизвестно где, без гроша в кармане, да и вообще хорошо если в нижнем белье.

Однако убивать Яга не любила, что в конце концов заставило её в преклонные годы пройти духовное очищение в каком-то дальнем северном монастыре, а потом, сменив пару-тройку мест жительства, окончательно осесть в скромном Лукошкине.

– Йохана вашего я не трогала, – тихо и не вполне уверенно бормотала бабка, теребя платочек. – Немцы, венгры, французишки, британцы, поляки всякие частенько заглядывали. Но вот был ли тот австриец? Уж и не припомню наверняка… Иоганн, Йохан, Иван, уж больно имя распространённое.

– То есть алиби у вас нет?

– Белку в глаз бьёшь, Никитушка.

– Однако и у вас, Кнут Гамсунович, как я понимаю, на руках только косвенные улики?

– Натюрлих, герр Ивашов, но, к сожалению, политики играют другими картами.

В общем, хотим мы того или не хотим, есть улики или нет улик, было на самом деле какое-то преступление или не было, если определённые политические круги решили стравить Фридриха Вильгельма с Горохом, то они пойдут на всё! Один государь не может показать свою слабость в защите пропавшего наследника трона, а другой точно так же не позволит, чтобы известная на всё Лукошкино бабка-экспертиза была выдана европейскому суду и в кандалах отправлена на костёр.

Значит, если не война, то как минимум международный скандал и разрыв дипломатических отношений. Вы и сами понимаете, что это значит.

– Куда ни кинь, всё клин, – припомнил я подходящую случаю поговорку.

Яга с послом согласно кивнули. В такие тонкие политические игры мы ещё не играли. Да, собственно, это вообще не уровень маленького отделения милиции, согласитесь, да…

Интересно, есть ли у Гороха в боярской думе свой дипломатический корпус? Должен же хоть кто-то решать столь важные вопросы без войн, разруливая все острые моменты международных отношений…

Я ещё со школьной истории помню, что сначала все непонятки пытались урегулировать именитые священники с высокими вельможами или ещё какими-нибудь важными советниками, а уж по результативности этих переговоров в дело грозно вступали военные. Значит, какой-никакой шанс на мир всё-таки есть. И на том спасибо.

За дверью послышались лёгкие шаги, в горницу вошла Олёна. В руках бывшей бесовки была небольшая корзинка, прикрытая белой холстиной.

– Милый, тебе уже всё рассказали?

Я пожал плечами. Моя жена тихо улыбнулась и покосилась на Ягу. Бабка язвительно хмыкнула и так же молча кивнула. Кнут Гамсунович твёрдо отодвинул чайную чашку, потянулся и молчаливо уставился на корзинку. Общая сцена группового молчания интриговала и зачаровывала.

В многозначительной тишине из корзинки на стол перекочевали: сухая воронья лапка, пузырёк с кровью (да, я не ошибся!), мешочек с чёрным порохом, кусок берёзовой коры и две

серебряные монеты немецкой чеканки. Кажется, так…

– Ну что ж, напарнички, – бабка потеребила бородавку на носу, значимо цыкнув зубом, – разойдись сей же час на три шага в стороны, я тут колдовать стану. А ты, гость немецкий из земли австрийской, сиди, как сидел, да тока под руку не болтай и с советами не суйся.

– Яволь, уважаемая. – Кнут Гамсунович невольно коснулся рукояти золингеновской рапиры на перевязи, но тут же отдёрнул руку. Он реально верил нашей бабке, кто бы и что бы ни думал.

Мы с Олёной послушно сели на лавку, плечом к плечу, как лапушки. Я знал, сколь опасно вмешиваться в бабкины экспертные дела. Она ж тут такой химик, что ради научного эксперимента ни с какими потерями не посчитается. Было дело, у нас разок от взрыва крышу на Базарную площадь снесло, хорошо никого не покалечило, но всё отделение три дня не могло чёрные рожи в бане отмыть. Расскажу при случае поподробнее, не сейчас…

– Никитушка, дверь запри, – попросила Яга, зажигая большую свечу чёрного воска.

Я быстро исполнил приказ моей домохозяйки и вновь тихо сел рядом с женой.

– Давай, чего принёс, Кнут Плёткович.

Посол охнул, хлопнул себя ладонью по лбу и быстро достал из внутреннего кармана небольшой медальон. Я видел такие, это портрет в миниатюре, чтоб удобно было подарить любимому человеку для ношения на шее. Шпицрутенберг протянул медальон бабке, та хмыкнула, словно бы подтверждая, что этот молодой красавчик ей знаком. Вот, значит, как выглядел пропавший принц…

Меж тем глава нашего экспертного совета вылила содержимое пузырька в чистую белую миску, булькнула на дно две монеты, замочила наполовину берёзовую кору и, неторопливо посыпая всё это месиво крупнозернистым порохом, забормотала вполголоса:

Кровь-кровь, руда-руда!
Дальний ветер отпустил повода,
Во лесу берёзовом дорога,
Чёрно-белая недотрога.

Где следы, где огни,
Где мужские плечи,
Сизый туман разгони,
Покажи встречи.

Загляни туда,
Где памяти вода,
Прошлое в блике,
В вороньем крике.

Не было, было,
Что не остыло?
Век-век, год-год,
Течёт хоровод…

Как вы помните, я уже на автомате был приучен фиксировать за Ягой всю прелесть её распевных заклинаний, хотя, когда бабка шептала или, наоборот, орала так, что уши закладывало, запомнить, а уж тем более записать всё это попросту не представлялось возможным. Да вы сами попробуйте!

Тем не менее общее впечатление получалось примерно такое: Баба-яга у нас натура поэтическая, да и, как говорят, вся женская магия, по сути, и есть поэзия чистой воды. Жаль, что я в стихах ничего не понимаю, не учили нас этому в школе милиции.

Кнут Гамсунович тоже сидел как каменный, вытаращив глаза и боясь даже рот раскрыть, дышал осторожно, через нос. Грозная бабка меж тем размешивала загустевшую бурую жижу вороньей лапкой, методично капая в середину горячий воск со свечи. Воск шипел, застывая безобразными каплями, пока не собрался в некое подобие мужского профиля.

– Он? – строго спросила Яга.

Немецкий посол осторожно заглянул в миску, охнул и кивнул. Глава нашего экспертного отдела задула свечку и без сил опустилась на скамью.

– Э-э… и что, так сказать, всё это значит? – осторожно спросил я, после того как Олёна крепко толкнула меня в бок.

– Был он у меня, Никитушка, – тихо призналась Яга. – Вспомнила я его. Хороший мужчинка, вежливый, с манерами, не приставал, под юбку руками не лез, в баню я сама его едва затащила. Наутро проснулась, а его, сердешного, и след простыл. Было чего меж нами, не было – не скажу.

– Почему?

– А потому как не знаю с гарантией, ибо пьяная была! Чё в душу-то лезешь, сыскной воевода? Чё те надо, соколик?!

– Ладно, ладно. – Я примиряюще поднял руки. – Давайте не будем о личном. Но всё равно получается, что вы единственная, кто видел покойного принца, и после встречи с вами никакой

информации о нём нет. Следовательно, вывод?

– Вы должны найти наследника австрийского престола, герр Ивашов, – твёрдо объявил немецкий посол, деловито убирая медальон обратно за пазуху. – Я буду просить вашего государя Гороха, чтобы он отправил опергруппу на расследование этого дела. Да, это поздно! Да, я сомневаюсь, что принц Йохан жив! Но это единственное, что может предотвратить войну, столь желанную некими тайными силами в Европе.

– Ферштейн, – в один голос откликнулись мы с бабкой.

Я покосился на Олёну, её глаза наполнились слезами. Согласитесь, мы же ещё толком медовый месяц не отпраздновали, а тут то одно, то другое, то третье задание…

– Никита Иванович, отец родной! – В дверь вдруг застучали так, что дубовые доски хрустнули. – Дико извиняюся, что я к вам обращаюся! Но пришла беда, откуда не ждали, царь-государь всю думу созвал по делу срочному международной значимости. Вас с Бабуленькой-ягуленькой пред очи свои светлые требует! Так что ж, стрелять, что ли?

Мы вчетвером недоуменно уставились друг на дружку.

– Я говорю, бояре стоят с приказом у ворот, – терпеливо пояснил Митя. – Стрельцы сказали, что, дескать, ежели дружно пальнуть, так четверых-пятерых сразу положим, а там уже за нас, поди, весь народ заступится. Массово!

– Народу под вечер заняться нечем, кроме как очередной бунт устраивать?! – рыкнул я на него. – Пищали убрать, ворота открыть, бояр пропустить, подзатыльники им не отвешивать.

– А вы откуда узнали, Никита Иванович? Я ить только разочек и попробовал…

– Я всё знаю! – Мне было невыгодно признавать, что Митю прямо сейчас сдал бабкин кот. – Никакого рукоприкладства в отделении. Только если я сам попрошу в воспитательных целях, а так ни-ни!

– А если они мне опять язык покажут?

– И думать не смей! – уже в полный голос рявкнули мы с Ягой. – А бояр уважительных сопроводить сюда со всей вежливостью.

– Трудности воспитания, – с пониманием кивнул Кнут Гамсунович. – Поверьте, герр Ивашов, вы просто мало его порете. Вот, к примеру, у нас в Немецкой слободе утро начинается…

– С молитвы, хорового пения гимна Германии и воспитательной порки, – привычно продолжил я. – А вы в курсе, что при первом же заявлении от любого нетрезвого немца мы будем иметь право прикрыть вашу лавочку? Телесные наказания у нас в Лукошкине определяет суд и государь, а не каждая

общественная организация отдельно.

– Вы хотите лишить нас священного германского права пороть?! Доннерветтер!

– Пока я смотрю на это сквозь пальцы, но ежедневная порка детей – это уже чрезмерно.

– Это наши дети, ферштейн, майн камрад полицай? Немецкие дети!

– Но на территории моего участка они будут защищены в соответствии с русским законодательством, а не варварскими традициями!

– Это мы-то варвары?!

– Никита, Кнут Гамсунович, вы чего сцепились-то? – влезла между нами Олёна. – Вон и бабушка уже за клюку взялась, домовой кинжал точит, давайте не будем сходить с ума-то.

Я тоже не мог бы внятно объяснить, какая муха прямо сейчас меня укусила. Что я на посла напустился? Какое мне, по сути, дело до внутреннего распорядка Немецкой слободы? Переутомился, что ли, отдохнуть надо, в отпуск на море, в санаторий какой-нибудь.

Мы с послом, не глядя друг на друга, успели молча пожать друг другу руки, когда дверь распахнулась. В горницу, пригнувшись из-за высоких шапок, вошли двое бояр. Носы вверх, морды наглые, вид самоуверенный. Ну здесь и не таких видали.

– Встань, сыскной воевода Никита-ста Иванов сын, – грозно потребовал один. – Указ государев холопам его велено стоя слушать! И все…

– И всем встать! – поддержал его второй, грозно пуча свои глаза.

– Митя, – тихо спросил я, – кто пустил клопов в отделение? Бумагу на стол положите и свободны.

– Мы указ царский принесли, а ты нам хамить?!

Наш младший сотрудник, стоя за боярами, нежно стукнул гостей головами и, когда звук пустых кастрюль стих, подхватил оба обмякших тела.

– В поруб, на холоде быстрее в себя придут. – Я встал и принял из рук жены выпавшую царскую грамоту. – А мы пока спокойно почитаем, что у нас тут. Ну-с…

Я сделал вид, что долго и внимательно вчитываюсь в короткий текст, написанный для солидности очень крупными буквами. Опустив обязательное перечисление титулов, восхваление государя с пожеланием ему многая лета, общая суть требований укладывалась в одну короткую строчку: срочно явиться в царский терем всей опергруппой! Не слишком хотелось на ночь глядя, но приказ есть приказ, и тут уж без вариантов.

– Думаю, я туда один прекрасно прогуляюсь. Смысл всем сразу тащиться?

– Нет, Никита, куда иголка, туда и нитка. А жена за мужем всегда идти обязана, – хлопнув себя по коленям, уверенно поднялась Олёна. – К тому же давненько я с царицей за чаем не сидела. С австрийским штруделем.

– Чай – это хорошо, это можно, – согласился я. – Главное, в баню больше вместе не ходите. Плохо это заканчивается.

– Мне тоже, видать, судьба на суд государев повинную голову нести. Погодите чуток, сотрудници, дайте старушке кацавейку на плечи накинуть – ночью такие сквозняки гуляют, аж жуть.

– Что ж, господа, надеюсь, никто не будет против, если и я прогуляюсь с вами? – решительно встал из-за стола Кнут Гамсунович. – В конце концов, как посол моего короля Фридриха Вильгельма, я имею право присутствовать при вашем разговоре с государем Горохом. Если не как обвинитель, то как свидетель, я?!

Почему бы и нет? Никто из нас особо спорить не собирался. Тем более что Митя во дворе уже подготовил посольскую карету и, весело посвистывая, сидел на облучке. Военный эскорт из двадцати бородатых стрельцов под командованием Еремеева раздувал фитили и строился по росту.

Похоже, всё-таки придётся идти всем составом с помпой и песнями. Ну и ладно, а то вечно я там один да один, увеличим количество милиционеров на заседании боярской думы.

Собирайтесь, девки, кругом, начинаем песни петь!
У кого подол с разрезом, разрешите подсмотреть!
Мы ж не инквизиция, а своя милиция-а! –

грянули было наши стрельцы, но бабка быстро шикнула на них из кареты:

– А ну цыц, охальники! Темно уж на дворе, нашли время глотки драть! Дети-то спят, поди.

Еремеев тут же показал кулак самому голосистому, и парни мигом сменили тон. То есть без песен стрельцы в походе не могут, но репертуар у них оказался широкий.

Тихой ночью спят лисёнки,
И зайчатки, и мышонки,
И цари, и кузнецы,
И монахи, и купцы.

Лишь милиция не спит,
Ей поставлено на вид

Охранять того мышонка,
И зайчонка, и лисёнка,
И пока мы так поём, спи-ка, дитятко моё…

Под такую колыбельную да с плавным покачиванием на рессорах я и сам чуть не уснул. Горящий свет в царских окнах было видно издалека. Значит, не лёг ещё надёжа- государь, действительно встревожен, раз даже до утра не дотерпел.

Царские стрельцы распахнули для нас ворота, карета въехала во двор, и Митяй ловко остановил лошадей, так что мы могли сойти со ступенек сразу на крыльцо. Седой боярин Кашкин с благообразной бородой и горящими глазами вечного Казановы приветливо обнял меня при встрече.

– Здрав будь, Никита Иванович! Вижу, всей опергруппой пожаловали. Это хорошо, это правильно, это прямо вот сейчас оченно к месту будет!

– Случилось что?

– Да подрались бояре в думе, – улыбнулся он так, что мне стала видна дырка от выбитого зуба. – Стало быть, время милиции вмешаться, порядок навести, ну а кое-кого за шиворот да на кол!

– Исполнением высшей меры наказания не занимаемся, – буркнул я и, обернувшись к еремеевцам, приказал: – Так, десять человек идут с боярином, выполняют его приказы. Четверо у кареты, мало ли чего? Остальные за мной.

– Сабли наголо? – предположил сотник.

– Фома, мы в гости пришли, а не государственный переворот устраивать. Не хватало ещё, чтоб наши стрельцы с царскими на пустом месте сцепились. Мы с Митей вперёд, а ты обеспечь охрану Бабы-яги и посла. Бабуля у нас важный свидетель.

– А я? – спросила Олёнушка и, не дожидаясь моего ответа, решила: – Я так, пожалуй, на женскую половину прогуляюсь с матушкой царицей парой слов перекинуться.

– Всем выполнять, – кивком подтвердил я. – Младший сотрудник Лобов, за мной!

Наверх мы поднялись вместе с еремеевцами, а там творилось натурально поле Куликово или Бородино. Весь зал для думских заседаний был практически поставлен на уши, местами не поменяли только пол и потолок, а в остальном разгромили всё, что могли.

Кстати, чего не могли, тоже чуточку погромили. Я к тому, что погнуть толстые медные подсвечники, два метра в высоту, две ладони в обхвате, даже Митька, наверное, не сразу смог бы, а тут

пожалуйста, едва ли не морским узлом завязали. Страшна ярость бояр-телепузиков!

Именитые герои недавнего сражения валялись кто где, словно разбросанные игрушки в детском саду. Ноги вверх, руки в разные стороны, бороды набекрень, посохи в щепки, шапки зажаты зубами, повсюду кровь, слюни, бардак и мат-перемат…

– Выносить по одному, – приказал я. – Складируйте на улице, пусть отлежатся на свежем воздухе. Если за кем придут жёны, отдайте без разговоров, а те им ещё и дома добавят. Особо буйных перевести к нам в отделение и башкой в поруб. Утром предъявим обвинение в организации несанкционированного мятежа и массовых беспорядков.

– Ну ты уж особо не лютуй, сыскной воевода, – прокашлялся за моей спиной подоспевший старик Кашкин. – Всё ж не простые людишки, а как один именитые бояре древних родов!

– Что только усугубляет…

Я уж не стал напоминать, что при желании его тоже можно (да и нужно бы) замести заодно со всеми. Вместо этого просто уточнил:

– Кстати, а где у нас тут царь?

Государевы стрельцы тут же загомонили, что-де уж Горох-то в сём безобразии явно не участвовал, не по чину ему оно. А сидит его величество себе в глухой печали в своём же отдельном кабинете со спаленкой, ибо с прекрасной матушкой императрицей при всех в хлам разругался на почве сложных международных отношений.

Кстати, из-за политики той проклятущей здесь же и честное боярство передралось. Одни кричали, что нельзя Бабу-ягу, как и любого русского, на иноземный суд отдавать, а другие орали, что-де то хороший повод милицию оборзевшую укоротить. Слово за слово, ну и началось…

– Спасибо за предоставленную информацию, – поблагодарил я, записывая всё в блокнот. Посмотрел на неуверенные лица стрельцов и добавил в понятной им манере: – Благодарю за службу, орлы!

Парни скромно заулыбались и дружно взялись помогать еремеевцам растаскивать побитых бояр.

Я дождался, покуда подтянутся сам Еремеев с бабкой и Кнутом Гамсуновичем, лично сопроводил их в соседнюю трапезную и попросил ждать там. Высунувшийся повар предложил чаю.

Яга по одной его расплывшейся роже на раз определила, что он на кухне сахар и масло гречишное тырит, после чего побледневший кулинар не только мигом выставил самовар, но и

так накрыл стол, что мне уходить расхотелось. Приятно же, когда тебя во всём слушаются.

– В тереме царило тихое безвластие, – сам себе бормотал я, словно вслух читая книгу. – Государь самоустранился в одну сторону, его супруга – в другую, родовитые бояре передрались, а растерянные верноподданные с охотою приняли справедливую руку органов правопорядка, дружно передав бразды правления родной милиции. Тьфу, да что ж у вас тут произошло-то?!

Горох действительно сидел у себя. В шёлковой рубахе навыпуск, босой, в плисовых штанах и короне набекрень. Перед самодержцем стоял уполовиненный штоф янтарного французского коньяка. И ещё два таких же пустых стояли в углу. Начинается-а…

– Здравия желаю, ваше величество. Вижу, вы тут в одиночку Бажова перечитываете, «Синюшкин колодец»?

Государь недоуменно выгнул в мою сторону правую бровь. Он считает, что это производит убойное впечатление, бояре падают на колени, дворовые девицы начинают через голову снимать сарафаны, но на меня как-то не действует.

– Имейте в виду, что скатиться в эту яму легко, а вытаскивать вас за уши кто будет? Опять опохмелин у Яги заказывать?

– Твоё какое холопское дело, – буркнул царь, задумчиво глядя на пустую стопку. – Нудный ты человек, Никита Иванович, а как женился, так и выпить с тобой толком нельзя.

– А есть повод?

– Понял, наливаю, края вижу. – Государь быстро достал вторую стопку, набулькав уже на двоих. – Пряником закусывать будешь?

– Рукавом занюхаю.

– Уважаю.

– За что пьём?

– Ну-у, судьба наша такая…

– Вот с этого момента поподробнее, – остановил его я, и Горох, тяжело вздохнув, понял, что тост будет долгим.

Деваться царю было некуда, он сел прямо на пол, опустил, как говорится, буйну голову ниже молодецких плеч и пустился в пространный рассказ «житие мое…».

Можно я не буду описывать всё это в деталях и подробностях с многочисленными «инда», «коли», «понеже», «сие», «блазнить», «доколе», «ендова», «виждь», «десница», «длань», «тать», «внемли», «блудилище задунайское»… и так далее? Горох, когда хорошо выпьет, любит говорить красиво, переходя на так называемый высокий стиль древнерусского литературного. Короче, язык сломаешь.

Если же взять самую выжимку, то в песне о его горькой жизни не было ничего такого, о чём бы я не догадался. Дума с перевесом в четыре голоса приняла историческое решение отправить нашу легендарную бабку на европейский суд в знаменитый (не в этом времени!) городишко Нюрнберг. Дело о пропавшем австрийском принце почему-то должно было слушаться именно там, а сама казнь Яги планировалась быть проведена уже в Бамберге. Всё, как предполагал посол.

Горох своей самодурской волей послал их боярское большинство даже дальше, чем у меня фантазии хватило, и, хлопнув короной об пол, ушёл пить горькую. А почему? А потому что чисто русское упрямство не позволяло ему сдавать своих, и в то же время все прекрасно понимали, что Фридриху Вильгельму тоже деваться некуда, а значит, разразившийся международный скандал такого уровня неизбежно приведёт к войне. Причём не только с Австрией.

Та стопроцентно заключит военный союз с Германий, Пруссией и Баварией, следом вечно буйная Польша подтянется, потом Франция вспомнит о каких-нибудь старых обидах, ну а Великобритания уж тем более не останется в стороне. Старая добрая Англия никогда не отказывала себе в удовольствии напасть скопом на одного. Но самое поганое, что передавать с рук на руки мою добрую домохозяйку судебным представителям иностранных государств обязан был я.

– Теперь понимаешь, почему надо выпить, Никита Иванович?

– Яга утверждает, что ни в чём не виновата. Мы провели небольшую магическую экспертизу в присутствии господина Шпицрутенберга и выяснили, что принц Йохан действительно… Вы меня не слушаете.

– За твоё здоровье, участковый!

– Нет, ну сколько же можно, мать вашу?!

– Не трогай маму, она была святая женщина! Господь прибрал её весёлую, счастливую, в преклонном возрасте, с кубком вина на пиру. Смерть, которую пожелаешь любому!

– То есть алкоголизм у вас наследственный?

– Ну да, есть такое. Ещё по чуть-чуть? – нетрезво икнул Горох. – Ты энто, давай уже, зови сюда свою Ягу-то, что ли…

Глава нашего экспертного отдела скромненько вошла в царский кабинет, так, словно втихую подслушивала за дверями. Кстати, если подумать, то так оно и было, с бабки станется.

– О, какие тут балерины без охраны ходют?!

– И тебе не хворать, надёжа-государь, – низко поклонилась Баба-яга. – Чую, здесь наливают забесплатно?

– Наш человек, – уважительно подмигнул царь, наполняя

свою стопку и пододвигая бабке мою.

В дверь деликатно сунулся немецкий посол.

– Прошу простить мою бесцеремонность, ваше величество, но я не смог сидеть в слободе, дожидаясь, как у вас говорят, у моря погоды.

– Кнут Гамсунович, друг сердешный, присоединишься, что ль?

– Данке шён! Почту за честь, ваше величество!

Ну, похоже, тут только я один трезвый как дурак стоять буду. Тем более что через пару минут в кабинет ворвалась грозная матушка императрица, за ней скользнула моя Олёна. Горох при всех получил по мозгам, безропотно отдал бутылку, и мы малым кругом крайне заинтересованных лиц провели срочное внеплановое заседание.

Прокуроров, адвокатов, обвинителей и судей не было, все искали компромисс. Если бы в тот момент писался протокол, то, наверное, он выглядел бы следующим образом:

«**Баба-яга**. Ни в чём не виновата, принца не ела, наоборот, накормила, напоила, в баньке выпарила.

Царь. Верю.

Царица. Допустить… допускать… допустим, я?

Посол. Не имею причин не верить, но хотел бы иметь доказательства.

Олёна. А я верю. И Никита тоже!

Я. Верю, разумеется. Я ж не самоубийца.

Баба-яга. Так вот, наутро он, кстати, сам убёг, не попрощавшись! Что мне, как женщине интересной, даже обидственно было, промежду прочим.

Я, царица, Олёна. Верим!

Царь. Да я сам сколько раз так сбегал, а?!

Посол. Вообще-то принц Йохан очень воспитанный. Имею лёгкое сомнение, что он мог так поступить с дамой.

Баба-яга. И чё теперича делать-то со мной будем?

Царица. Европейский суд в старий, добрий Нюрнберг есть самый гуманность и справедливость засудить в мире! Нихт ферштейн?

Я, Олёна, Баба-яга, царь и даже посол. Ничё не поняли…

Царица. О майне либен камераден, нет причин для стольких волнений, в Нюрнберг прекрасный здание тюрьмы, их бин памятник архитектуры. Посидеть там просто без дел, в ожидании казни, есть один полный удовольствий!

Я, Олёна, Баба-яга, посол. Без комментариев.

Царь. А я скажу! Дура ты после этого и есть, ферштейн, мин херц?

Царица. А ти… ти… есть алкаш!»

Пока эта венценосная пара орала друг на друга, как кошки на крыше, выясняя отношения, Кнут Гамсунович тихо поманил меня и прошептал на ухо:

– Герр полицай, у меня есть некий план. Признаем честно, что вашей уважаемой сотруднице в цивилизованной Европе не светит ничего, кроме костра на площади. Но если бы только она сумела предоставить неопровержимые улики смерти принца в другом месте от рук убийц или от естественных причин, то есть надежда…

– А вы уверены, что он умер? – уточнил я.

– Друг мой, вашей бабушке на вид лет триста, наследник престола пропал ещё лет сто назад! Естественно, он мёртв. Но по нашим австрийским законам некоторые преступления не имеют срока давности.

– Ваши предложения?

– Наверное, я уже слишком долго живу в России, – задумчиво протянул он, отводя взгляд. – У вас огромная страна, бескрайние земли, в них так легко затеряться беглецу. Что будет?

– Дело передадут милиции, которая обязана не только найти и вернуть преступника, но также подготовить доказательную базу под его вину или невиновность.

– Вам просто нужно время.

– Которого по закону нам никто не даст, – согласился я. – Значит, заговор?

– О найн! Мы, европейские дипломаты, предпочитаем называть это устным соглашением, – тонко улыбнулся посол и громко попросил: – Милые фройляйн, вы не могли бы на полчаса оставить нас одних. Нам предстоит суровый мужской диалог. Возможно, даже с нецензурными словами на русском и немецком. Потом нам будет стыдно смотреть вам в глаза.

Олёна и Лидия Адольфина после секундного размышления силой увели брыкающуюся бабку, кричащую, что вот она-то как раз бы иноземные матюки и послушала. «Образованию ради» и чтоб знать, чем судьям в том Нюрнберге в лицо правду-матку лепить! Когда мы остались втроём, я первым попросил царя:

– Тут такое предложение есть… Наливайте, короче.

Горох бодренько наполнил коньяком три стопки.

…В отделение наша опергруппа вернулась далеко за полночь, спать никто не ложился, смысла не было, а вот дела были, так что уже на рассвете Баба-яга, собранная и тепло одетая в дорогу, сидела в ступе, давая нам с Митькой последние указания:

– Васеньку, кота моего, кормить не забывайте! Назимка, он

хоть и хороший домовой, однако ж к Васе до сих пор ревнует меня зазря. В горницу мою не шастать! Мало ли чего я там из белья нижнего поразбросала. По сусекам не скрести, нигде ничего не шарить, весь алкоголь под замком, не облизывайтесь даже! За порядком пущай Олёнка твоя следит, увижу, что полы немытые али занавески нестираные – с неё одной по всей строгости спрошу! Я ить и клюкой могу вдоль хребта отметелить, у меня на энто дело разговор короткий, сам знаешь.

– Знаю, знаю, – поспешил успокоить я. – Вы, главное, не волнуйтесь, далеко не улетайте, уже после обеда мы встретимся на полпути в Подберёзовку. Дальше едем вместе.

– Ох, Никитушка, чёй-то всё ж таки боязно мне терем бросать. Да и чего я, старая, в тех Европах не видела?

– Давайте не будем, а? Договорились уже. Всё строго по плану! Главное, не забудьте сделать пару кругов над городом, на малой высоте, чтобы как можно больше людей могли подтвердить ваш несанкционированный вылет из Лукошкина.

Яга вздохнула, скорбно покивала, крепко обняла меня на прощанье, многозначительно подмигнула стоящей на крыльце Олёне, зачем-то погрозила сухоньким кулачком Митьке и низко поклонилась всему нашему отделению. Дежурные стрельцы в ответ сняли шапки и перекрестились.

Чёрный кот махал лапкой из-за оконного стекла. По небритой морде стоящего за ним азербайджанского домового катилась скупая закавказская слеза. И причина была весомой…

Наша всеми любимая домохозяйка волей судьбы, рока и общего собрания заговорщиков отправлялась в вынужденное изгнание на неопределённый срок, и никто на всем белом свете не мог дать гарантию, вернётся ли она вообще в тихое, родное Лукошкино.

– Никита Иванович, а ить я знаю, где бабуленька вишнёвую прячет, – как бы себе под нос пробубнил наш младший сотрудник, когда ступа с Ягой взвилась под облака.

– Даже не думай.

– А ежели что, мы на кота Ваську свалим.

– Митя! Пошёл вон!

– Куда?

– В… в баню! Помойся перед долгой дорогой, заключённых из поруба выпусти, избушку на курьих ножках в порядок приведи, сухой паёк у Назима получи, Олёна вещи тёплые выдаст, всё-таки не на один день уезжаем.

Он сурово сдвинул брови, развернул плечи и, старательно печатая шаг, отправился исполнять. Мне оставалось не более получаса до экстренного вызова в царские палаты. Кнут

Гамсунович и Горох должны были обеспечить необходимую часть шоу со своей стороны. Царицу мы в наши планы не посвящали, но своей жене я, естественно, во всём признался ещё ночью.

– Когда пойдёшь, Никита?

– Минут через десять Гороху доложат о бегстве Яги из города. Царь, естественно, будет в страшном гневе и вызовет меня на ковёр, поорёт, потопает ногами, а потом при всех официально отправит нас в погоню. Кнут Гамсунович успокоит мировое сообщество, европейские державы будут лишены морального повода для нападения на Лукошкино, поскольку виновница бежала, но правоохранительные органы уже идут по следу. Соответственно, пока все думают, как кому быть, мы с Бабой-ягой и Митей пытаемся проследить путь покойного принца и вернуться с весомыми доказательствами нашей полной непричастности к его смерти. Ну вот вроде как-то так.

– А если не найдёте?

– Мы же милиция, – улыбнулся я, обнимая Олёну. – Мы всегда всё находим, работа такая.

– Почему ты не берёшь меня с собой?

– Прости, но ведь кто-то должен присматривать за домом и отделением. Еремеев хороший мужик, но всё-таки будет спокойней, если тут останется человек, имеющий связи при дворе. А ты у нас первая подружка самой царицы.

– Хитрец ты, участковый. – Моя жена прижалась к моему плечу. – Вот ведь знаю я, что ты меня обманываешь, потому что любишь и бережёшь. Да и, правду сказать, в конце концов, кто ж тут сможет за всем и всеми присмотреть, как не бывшая бесовка?

При этом слове что-то тренькнуло у меня в голове, какая-то запоздалая мысль безуспешно мелькнула на задворках и пропала. Такое бывает: кажется, что упустил что-то важное, но на деле всегда какая-то ерунда – стукнулась и убежала. Потом додумаю…

Меж тем из поруба нестройной колонной потянулись замёрзшие бояре, последним, дрожа и даже уже не матюкаясь, подпрыгивал совершенно отмороженный на голову дьяк. Я попросил Митьку выстроить их всех вдоль забора, где произнёс короткую напутственную речь:

– Граждане алкоголики и тунеядцы! Надеюсь, вы пришли в себя, протрезвели и осознали? От себя напомню: депутатам Государственной думы… тьфу, всем честным думским боярам будет предъявлено обвинение в злоупотреблении алкоголем и противоправных, хулиганских действиях, выраженных в массовых нарушениях общественного порядка. Вопросы?

– А по-русски можно? – простонал кто-то. – Башка после вчерашнего трещит.

– За драку и пьянку вы все заплатите денежный штраф в казну. Возможно, какие-то воспитательные меры предпримет сам царь. В остальном не смею задерживать. Что нужно сказать?

– Храни Господь тебя, ирода, и всю твою милицию, – нестройным хором отозвались бояре, тайно сжимая за спиной пальцы в кулаки и кукиши. Можно подумать, я об этом ни разу не догадываюсь.

– А вот вас, дьяк думского приказу Филимон Митрофанович Груздев, я попрошу задержаться.

Тощий герой улиц и вольный борец с «милицейским произволом» настолько замёрз в порубе, что даже говорить не мог. Ему мешала большущая зелёная сосулька под носом.

– Вам вменяется в вину попытка организации мятежа и провокационные действия против жителей Немецкой слободы. С сегодняшнего дня и до окончания расследования вы под подпиской о невыезде. Ну типа на работу или погулять выходить можете, но город покидать категорически не рекомендую.

Гражданин Груздев попробовал было показать мне язык – не вышло, попробовал отогнуть средний палец, хотя бы согнуть руку в локте или хотя бы плюнуть, но тоже увы.

– Какое же всё-таки полезное место этот наш поруб, – пробормотал я, жестом приказывая стрельцам вытолкнуть дьяка за ворота. – А бабка в нём только продукты хранила, наивная. Тут тебе и вытрезвитель, и камера предварительного заключения, и комната психологической разгрузки, сразу три в одном. Мечта!

Я проводил Олёну в терем, попросив приготовить нам запас продуктов на три дня. Потом подозвал слоняющегося после бани Митьку, ещё раз напомнил ему о его обязанностях, отправив на задний двор подготовить избушку на курьих ножках к дальней дороге.

Ввёл в курс дела Фому Еремеева, которому в наше отсутствие предстояло выполнять функции и. о. начальника Лукошкинского отделения милиции. Хотя вот с Фомой, по сути, было проще всего: за время нашей совместной службы он так вышколил своих ребят, что лично я вообще бы мог уйти на пенсию, тут и без меня уже ничего не развалится. Так, что ещё? Ничего не забыл?

А-а, я потребовал, чтобы мне оседлали Сивку-Бурку, и вскоре за Базарной площадью раздался холостой выстрел из пушки. Горох давал знать, что все в сборе и мне можно выдвигаться к царскому терему. Пока ехал верхом, подбоченясь, через весь город, то старался честно кивать на все приветствия и не обращать внимания на слишком уж выразительный шёпот за спиной.

Выглядело это примерно следующим образом:

– А и доброго вам здоровьечка, Никита Иванович! Уж так благодарна вам за то, что мужика моего, грубияна, в порубе уму-разуму научили, он больше руки не распускает!

Я кивнул, проехал, а вслед:

– Дома за печью сидит, аки таракан усатый, на улицу и носу высунуть боится. Тока жрёт чё ни попадя, скоро по миру пойдём с таким проглотом, всё спасибо родной милиции-и…

– Святой человек наш участковый, Аллахом клянусь! Лавку мою обижать не дал, охрана поставил, даже денег не взял. А я давал, э-э, мы, восточные люди, не жадные! Специями торгуем, честно торгуем. Раньше мало-мало гашиш продавал, анашу, травки немнога Чуйской долина там. Теперь только специи, э-э! Ты куркуму в гречневую кашу попробуй продай? А зиру в щи? А хмели-сунели в кисель?! Разорение одно! У-у, шайтан форменный!

– О-о, сыскной воевода! Красавчик, прям принц на белой кобыле. Да не пью я больше, не пью, и муж мой не пьёт, и дети. Младшенький так и в рот не берёт! А ить ему-то к зиме сороковник стукнет, но милицию уважае-эт! В штаны ходит ночью, но не пьёт! И муж мой также… тоже… в штаны вместе со всем семейством. Так ить зато эта, как её, борьба с алкоголизмом! И тока рискни кто сказать хоть слово против…

Не буду врать, определённые перегибы в работе отдела на уровне низшего звена, разумеется, были. Стрельцы Еремеева порой, наверное, возможно, изредка несколько превышали свои полномочия. Но это ведь не от плохого нрава, а исключительно в служебном рвении. Понятно, что хорошего мы делаем в миллион раз больше, но, как говорится, всех молчать не заставишь.

– А что ж, православные, тёща моя своими глазами видела, как бабка экспертизная в одной нижней рубахе, страшная, как смерть, из Лукошкина пешком драпанула! Чует, поди, стерлядь милицейская, что пора и ответ держать за грехи свои тяжкие. Уж я-то и на суде засвидетельствую, что била она меня клюкой без всякой жалости. А за что? За что, православные? Подумаешь, коту ейному чёрному на хвост наступил. Ить не со зла ж, а исключительно веселья души ради!

Я не буду перечислять всё. Народ у нас в целом очень хороший, граждански активный и всегда готов помочь органам. Но, естественно, когда наводишь порядок, то не всем и не всегда это нравится. Горох всегда говорит, что «сыскной воевода не червонец, чтоб его все любили». В чём-то он прав. Хотя если вспомнить, сколько раз мы силами милиции спасали это самое Лукошкино, то, по идее, местные жители могли бы относиться к нам и полояльнее.

Знаете, наверное, мне не стоит грузить здесь всех подряд долгим рассказом о том, как я приехал к царю, как меня час томили в прихожей, как вызвали на полновесное заседание боярской думы и что там дальше было. Честно говоря, мне просто неприятно всё это вспоминать.

Но в целом, если опустить, как старательно, театрально и чудовищно неправдоподобно орали на меня царь, царица и Кнут Гамсунович, – всё шло строго по плану. Короче, назад в отделение я вернулся с государевым приказом на руках – найти бесстыжую беглянку Ягу, арестовать её на месте и в кандалах доставить её в Лукошкино вместе с полным расследованием тайны гибели наследника австрийского престола прекрасного принца Йохана.

Базарный люд, как всегда, всё знал: сплетни у нас разлетаются быстрее, чем спам-рассылка почтой любой интернет-компании. Кричали, шумели, кланялись, обсуждали, хватали друг дружку за грудки, спорили, но ни одного плохого слова вслед не сказали – изменников у нас на Руси не любят.

– Цыганка с картами, дорога дальняя-а. Эх, Никитка-Никитка, буйная головушка милицейская, коротка была с царём дружба, да долгой будет царю служба! Прости, если что, нас за Христа ради, и мы о тебе тут помолимся. И помянем, и свечку поставим, всё как у людей.

– Ой горе-е, ой горе-е горькое! Судьбинушка страшная-а, беда неминучая-а. Мало того что я его, участкового, пятьдесят годов ждала, три раза вдвовствуя, а он, окаянный, оженился, да не на мне, а теперича и вообще из городу лыжи свиным салом мажет. Вишь вона, Европы с фонарями голландскими красными ему подавай! Куды только Господь Бог смотрит?! Да нешто я б ему, участковому, без одёжи в окне не сплясала? Нешто я б ему лебеды с мухоморами покурить не дала? Нешто я б ему с мужичками полюбовно блудить не позво… упс! А ить и верно, не позволила б! Ох и горе-е! Горькая кручина бабская, едет-едет сокол наш в славный город Амстердам, поди, обратно в Лукошкино на тонких каблучках возворотится, во чулках ажурных да корсете затянутом. Горе нам, бабы-ы!

Это был самый длинный и дотошный крик души из всех, что я слышал за последние полгода, а может, и вообще ничего подобного не слыхал. Поэтому и запомнил.

– Ай, сыскной воевода, молодой, красивый, коня продай! Кобылу свою, Сивку-Бурку, хорошую цену дам, ай?! Сам видишь, немолодая уже, шаг неровный, плечо опущено, ноздри мокрые, хвост поредел, зачем тебе такая, ай?! Продавай, пока плачу! Я при деньгах, больше меня никто не даёт, за весь базар отвечу, ни у кого таких цен нет! А то смотри, ты уедешь, я её сам украду!

Честно тебе говорю, сыскной воевода, цыгана Яшку все знают, только поймать не могут. Ай, как я люблю нашу милицию-у!

Ну согласитесь, люди у нас хоть и разные, но добрые. Даже если гадость сделать собираются, так всегда тебя честно предупредят. Приятно же…

Единственный неприятный сюрприз ожидал нас у ворот отделения, но о нём чуть позже.

– Митя, избушка к походу готова?

– Так точно, Никита Иванович, отец родной, – привычно отрапортовал он. – Харч в короба да корзины уложен, супружница ваша чистое бельё да одёжу сменную в коробе подала, кот Васька усами на место тайное указал, где бабуленька настойку хранит, так я две бутылочки…

– Две? – не поверил я.

– Пять, – тут же поправился Митька. – Позаимствовал исключительно здоровья ради, а домовой басурманный Назимка нам в долгий путь пирогов осетинских напёк и чебуреков с сыром, а ещё пообещался любого, кто в отсутствие ваше к Олёне-бесовке клинья подбивать начнёт, как есть зарезать! Вот та-а-акой кинжал мне показал, аж жуть…

– Я в терем и поехали!

Мне хватило минуты, чтобы обойти двор, ещё раз мысленно проститься с родным отделением и забежать в горницу, где меня ждала жена. Как вы понимаете, описывать или пересказывать наш диалог простыми словами вряд ли возможно. Есть ситуации, когда взгляды, губы и руки куда красноречивее слов.

– Я буду писать. Не знаю как, но буду.

– Милый, не волнуйся за меня. Всё будет хорошо, я сумею о себе позаботиться и отделение без присмотра не оставлю.

– Еремеев предупреждён, стрельцы тоже. Разумеется, прямых приказов от бабы… прости, от женщины они исполнять не станут. Но ты же у меня умничка.

– Я прекрасно умею управлять мужчинами, не сомневайся. Ну и, честно говоря, личная дружба с царицей Лидией Адольфиной тоже немало значит. Главное, возвращайся поскорее.

– Как только, так сразу!

– Я понимаю. И всё равно очень-очень-очень жду тебя, Никита. Любимый мой, единственный, сыскной воевода-а…

В общем, как вы, наверное, поняли, вышел я примерно через полчаса. Расцеловал при всех румяную от смущения Олёну, помахал стрельцам с крыльца терема, пожал руку Еремееву, влез по лесенке в избушку на курьих ножках, и уже за воротами…

– На, подавись, аспид в погонах, – дьяк Филимон Груздев, мрачный, как кот, проспавший март, подал мне царский указ. –

Волею государя нашего и супруги евонной и всея боярской думы при одобрении назначено мне с вами в те Европы ехать для полного докладу и чтоб вы там без баловства всякого за казённый-то счёт!

– То есть вы нам деньги привезли? – не сразу поверил я.

– Царь наш Горох отсыпал в великодушной своей милости, – начал нудеть дьяк, неохотно протягивая мне солидный мешочек с золотыми червонцами.

– Э-э, здесь не всё.

– Ах ты, фараон милицейский, гнилофан в фуражке, змий беспонтовый, лапиндос египетский, чуркобес сатанинский, бесоватое семя, да как ты только смеешь…

– Митя, – попросил я.

Наш младший сотрудник, по пояс свесившись из окна, поймал орущего дьяка за шиворот, втянул в избушку и хорошенько потряс, держа вверх ногами. С десяток тяжёлых монет упали на пол.

– А теперь выкинь этого скандалиста!

– Не посмеешь, сыскной воевода, – злобно ощерился дьяк, забившись в угол у печки. – Приказ царский читал? Так вот, нет тебе от меня избавления! А чего? Может, не одному тебе интересно ту Голландию посмотреть, о которой бабы на базаре брешут.

Да. Как вы понимаете, это и был тот малоприятный сюрприз, о котором я упоминал ранее. Ну вот почему, скажите на милость, ничего в этом городе, в этой стране, в этом мире не происходит без ведома самого занудного, противного и мелкого чиновника какого-то там думского приказа?!

Я лично не понимаю, но, быть может, хоть кто-то мне объяснит, каким образом второстепенный персонаж начал лезть во все наши дела и фактически стал негласным членом лукошкинской опергруппы? То есть мы же без него никуда! Как, впрочем, и он без нас на фиг кому нужен…

– Чё делать-то, Никита Иванович?

– Как доедем до городских ворот, высаживай эту бородатую орхидею на ближайшую полянку, стражникам на руки, ногами вверх!

– Я жаловаться буду, – пискнул было Филимон Митрофанович, но вовремя прикусил язык под суровым Митиным взглядом.

Если кто не помнит, так мне и подсказать нетрудно: в своё время наш гражданин Груздев активно набивался в законные мужья к овдовевшей Митиной маменьке. И как я понимаю, что-то там у них не срослось. Она осталась у себя в деревне, а

любвеобильный дьяк вернулся с нами в Лукошкино. Лезть в их личные отношения у меня не было ни желания, ни обязанности, посему мне глубоко фиолетово, как там всё разрулилось и в чём затык.

Но Митя! О, наш Митя крепко помнит, что в любой момент Филимон Митрофанович мог бы потребовать от него называть себя папой.

– Бог с ним.

– Не понял, Никита Иванович?

– Я сказал «бог с ним», то есть выедем за ворота и где-нибудь там высадим пассажира.

Увы, даже этому весьма скромному и крайне человеколюбивому плану сбыться не удалось. В том смысле, что у городских ворот нас тормознули царские стрельцы для проверки документов. Нечто среднее между таможней и ГАИ, но по факту заменяющее и то и другое.

Старший стрелец отвёл меня в сторону, честно предупредив:

– Тут у нас приказ из думы за царской печатью и подписью. Вроде как дьяка Фильку вам в нагрузку дали. Так уж ты, Никита Иванович, окажи такую божескую милость, по-братски прошу, не выкидывай его, гада, ближе чем за десять – пятнадцать вёрст. Ить доползёт сюда, так столько вони будет, сам же понимаешь.

– Уговорили, – сдался я. – Если что понадобится, обращайтесь к Еремееву. Вы нам помогли, мы вам поможем, в конце концов, одному делу служим.

Мы козырнули друг другу, и ворота распахнулись. Как ни верти, но хотя бы до границы присутствие гражданина Груздева придётся терпеть. Я даже подумал было связать его, сунуть кляп в рот и для полного успокоения дать чем-нибудь по башке, но стоило ли…

– В полночь, как уснёт, я его в окошко выкину?

– Договорились, Мить.

– Я всё слышу!!! Навухудоносоры безбожные, филистимляне бесстыжие, волки позорные, собаки сутулые!

Ну примерно в таком вот ключе мы провели примерно три четверти часа с самым нудным идиотом в замкнутом пространстве. Если кто помнит, какая заноза в заднице (оба слова отлично характеризуют гражданина Груздева!) наш дьяк, то попробуйте представить, как он нас доставал, будучи полностью уверенным, что имеет право контролировать деятельность следствия. У него, блин, приказ на руках, решение всей боярской думы «следовать за Никиткою – сыскным воеводой и про все его дела-делишки в столицу подробнейший доклад писать».

Я подозревал, что просто так нас никто не отпустит, тем

более в Европу. Бояре отроду из Лукошкина носа не высовывали, искренне считают всю восточную сторону дикой, а всю западную распущенной. И ведь не то чтоб я с ними во всём не согласен. Просто у меня чисто исторического опыта больше, если так можно выразиться. То есть я же из будущего!

В том смысле, что мне реально было известно о том, куда приведёт европейские страны их история, а наши бояре на святой Руси лишь предполагали, гадали и фантазировали на эту тему. О чём это я? Да о чём угодно, лишь бы не слышать нудного ворчания дьяка.

– Ить наш государь-то мне верит! Знает он, кто ему опора верная, а кто хвост поросячий! Я ж того Гороха ещё с младых ногтей знаю, он при мне ещё пелёнки пачкал. А теперича царь! Кому он царь? Мне, что ль?! Да я про всех бояр наперечёт по пальцам расскажу, у кого какие грешки, какие делишки, какие тайны спрятаны! Да и кто, кроме меня, всё-то знает-ведает?! Никто. Я! Только я! А почему? А потому как заслуживаю искреннего доверия. Веры государевой! Ибо…?!!

Мне было трудно всё это слушать, но Митька на каком-то этапе даже начал принимать подобные бредни за чистую монету. Похоже, он всё ещё слегка побаивался дьяка. Не его самого, конечно, а просто всех тех неприятностей, в которые гражданин Груздев столь успешно втравливал нас за всё время моей новой службы. Как у него это получается, ума не приложу…

– Младший сотрудник Лобов, слышишь шум?

– А то, Никита Иванович! Это ж наша Бабуленька-ягуленька посадки просит.

«Просит», собственно, не то слово. Наша бабка-экспертиза ни у кого ни на что разрешения спрашивать не будет. В принципе она бы запросто нам на крышу села, но моя опытная домохозяйка успешно приземлилась в десяти метрах от избушки прямо по курсу. Хорошо ещё избушка слушается голосового управления лучше, чем «мерседес» рулевого. Мы успели затормозить на раз-два, а бабка широко улыбнулась нам своим самым страшным оскалом.

– Стопорись, соколики! Принимай меня, старую, на борт, а ступу мою верную на буксир. Посторонись, Митенька, зашибу же дурачка к лешему…

Я вышел из избы и помог Яге пришвартовать ступу на крыльцо.

– А это ещё что?

В дубовом боку ступы торчали две оперённые стрелы и кривой турецкий нож с чёрной рукояткой.

– Разбойнички налетели пограбить да под юбку залезть. Но я

навродь помелом отбилась.

Признаться, мы с Митей долго переваривали полученную информацию.

Во-первых, какой идиот «налетит» на Бабу-ягу?

Во-вторых, какому психу интересно, что у неё под юбкой?

В-третьих, с какого бодуна у нас тут объявились разбойники, когда мы ещё и час как от Лукошкина не отъехали?

И наконец, в-четвёртых, куда, мать их, милиция смотрит?!!

Ну да, чуть позже, с учётом того, что милиция – это мы и есть, появилось здоровое желание взять преступность за шиворот и хорошенько выбить из них столь хамское отношение к органам. Прямо с зубами выбить, если вы поняли, о чём я! И мы бы, уверен, справились, просто не успели.

– Руки вверх, начальник! Мы тя щас грабить будем.

Из-за кустов с обеих сторон дороги вышло шесть плечистых мужиков с уголовными как есть рожами. Про «печать порока» на их мордах говорить не приходилось. Это скорее уже был просто штамп, словно кто-то пришёл и попросил: «Мне нужно шесть конкретных разбойников». А ему: «Вот типовой образец, шесть штук, именно разбойников! Получите и пробейте на кассе».

– Выходи, а не то пальнём!

Самый высокий громила с всклокоченной бородой а-ля Пугачёв и безумными глазами а-ля Жириновский выкатил из кустов маленькую пушку а-ля мортира и, гнусно ухмыляясь, щёлкнул кресалом над головой.

– Ежели в упор пальнёт, так, поди, всю посуду в избе переколотит, – не разжимая зубов, прикинула наша эксперт-криминалистка. – Чё делать-то будем, участковый?

Митяй начал молча засучивать рукава, я попытался дотянуться до табельного ухвата, невзирая на целых трёх лучников в рядах этой придорожной бандгруппировки, – когда что-то чёрное скатилось с крыльца и грозный визг Филимона Митрофановича заставил присесть даже видавшую виды избушку.

– Это какая же фря мерзотошная тут своё вякало расхлебенило? Это же какого Аменхотепа египетского мумия ноздри сопливые отверзла? Это какие тут петушилы колотые в реальном времени конкретной братве заявы малюют вилами по навозу, ась?!

Сказать, что разбойнички припухли, нельзя. Припухли скорее мы. Атаман грабителей, конечно, удивился, но не отступил.

– Ой, хтой-то тут чирикает? Да я глотки резал, когда ты, дедуля, ещё молоко сосал в коровнике! Да у меня ноги по колени в крови, да мои сотоварищи сырое мясо с ножа не едят, они его руками рвут! Да у нас…

– А ну цыц! – Безумный дьяк резво бросился вперёд, хватая разбойника за бороду. – Чё ты сказал? Чё тут вслух прогавкал, шавка ты колченогая? Да я под самим Кощеем ходил, самому Змию Трёхголовому советы давал, у самого царя Гороха из карманов мелочь тырил! И кто ты после этого, свинота белобрысая, чмолота болотная, сусляндия гнилостная, лапотня приблатнённая-а…

Вот теперь замерли уже все: и мы и они. А обычный работник думского приказа чихвостил бандитов и в хвост и в гриву на таком чудесном сленге, о котором я и понятия не имел.

– Охладись, сколопендра небритая! И пушечку свою, пукалку медную, с глаз моих убери, покуда я её тебе при всех в такое место мизинцем не затолкал, что приспешнички твои, как репку, неделю тянуть будут! Я – думный дьяк в законе, а от вас, хмырил чернопрудненских, за версту трупами смердит. Я вас всех тут урою, запорю, за кирдык подвешу, так что вы у меня муравьев жрать будете и мочой козлиной запивать.

– Какой мочой? – нервно пискнул кто-то.

– Неразбавленной!

Филимон Митрофанович пришёл в такое неистовство, что уже начал рвать на впалой груди рясу, скрипя зубами так, что даже Яга поёжилась.

– Да мы ж не при делах, на такие-то раскопы не подписывались, – невольно отступил атаман шайки. – Нам за участкового заплатили, а ты, мил-человек, не серчай, иди себе подобру-поздорову. Мы неволить не станем и грабить не будем, своих не трогаем, понятия имеем, берега не путаем.

– Чё?! – взвился гражданин Груздев, правой рукой не выпуская бороды разбойника, а двумя пальцами левой резко ловя его за ноздри. – Да я те щас при всех борзой нюх порву! Какой я тебе «свой»?! Ты, петушила подзаборная? Нечёткие вы пацаны. Я всё сказал.

Повисла тишина. Нет, кузнечики, конечно, ещё как-то стрекотали, но не более, даже вороны с сороками заткнулись.

– И что ж теперь делать-то? – потерянно спросил один из разбойников, опуская лук.

Дьяк вопросительно обернулся ко мне. Я откашлялся, стараясь придать голосу максимальный вес:

– Граждане бандиты! Приказываю добровольно сложить оружие, после чего гуськом идти в Лукошкино, где сдаться милицейским стрельцам Фомы Еремеева. Он определит вас в поруб, а далее… ну не знаю, видно будет по совокупности преступлений! Вопросы?

Все молча кивнули. Атаман вроде отказывался сначала, но

Филимон Митрофанович, держа его за нос, заставил-таки кивнуть.

– Что ж, если вопросов нет, сдать кастеты и кистени нашему младшему сотруднику. А потом шагом марш!

Минут через десять, глядя вслед старательно топающим разбойникам, Митяй ссыпал весь их боевой арсенал в ближайший овражек и неуверенно спросил:

– Так что, дьяку вроде благодарность служебную вынести надобно? А то ить, как ни верти, он по-любому нас от беды избавил.

Я поморщился. По факту да, избавил и спас. Но желания благодарить никакого! Я обернулся к Бабе-яге, она со вздохом кивнула.

– Гражданин Груздев, прошу вас вернуться в избушку, мы отбываем.

– Сей момент, сыскной воевода!

– Надеюсь, вы понимаете, что мы бы прекрасно справились и без вашей помощи?

– Ну да, ну да, как не понять.

– Короче, вы в команде?

– Куды ж я, грешный аз есмь, денусь?! – с чувством протянул Филимон Митрофанович и полез на крыльцо.

– Откуль ещё и энтот фрукт с нами нарисовался? – спросила бабка, когда дьяк исчез в избушке.

Пришлось коротенько объяснить, что это царский приказ, дипломатическая уступка боярской думе, которая как противовес зачастую уравнивает как положительные, так и отрицательные стороны самодержавия. Моя домохозяйка, будучи женщиной опытной, пожившей на свете не при одном государе, со всем мудро согласилась, сочувственно покивала, задумчиво потеребила волосатую бородавку на носу и объявила о решении пойтить-ка да выпить чаю.

Избушка пошла себе привычным маршевым ходом по просёлочной дороге от рощицы к перелеску, между полями, далёкими деревушками, держа курс в том направлении, которое загодя было запрограммировано и назначено ей Ягой. Я же некоторое время простоял на крыльце один в раздумьях о причинах собственной недальновидности.

Это, как вы догадались, лёгкая общепринятая формулировка исключительно для внутреннего применения. А так, если по-честному, то я костерил себя всеми матерными ругательствами за то, что вовремя не спросил этих бандюг доморощенных, кто же заказал им остановить лукошкинскую опергруппу? Кто заплатил за то, чтобы нам устроили засаду? Бояре? Немцы?

Нет, по традиции понятно, что в девяноста девяти случаях во всём виновен Кощей Бессмертный! Верно же?

Он у нас извечный враг, главный преступник и криминальное лицо, ответственное почти за все преступления, произошедшие не только в Лукошкине, но и почти на всей территории царства-государства нашего славного Гороха! Однако, с другой стороны, если мы будем автоматически вешать всё только на него, то есть риск недолго думая пропустить появление и других, не менее опасных террористических групп.

В своё время, не так давно, я чуть было не повесил всю вину на иноземного Змея Горыныча, хотя в результате расследования вдруг чётко проявилась тайная роль гражданина Бессмертного, дергавшего за ниточки! То есть по логике и обратная вариация могла бы произойти в любой момент.

Ну чисто теоретически, да? Вот именно. Значит, надо думать.

– Ох, Олёнушка, – совершенно неожиданно для самого себя выдал я, – куда ж я от тебя уезжаю, зачем и почему? Что у нас на Руси происходит, из-за чего мы вечно воюем? Хорошо, пусть не сами мы, но вечно кто-то пытается выстроить свою линию против нашей, даже если у нас её, линии защиты, до того момента и в мыслях не было?

А когда я наконец вернулся в избушку…

– Митя? Бабушка?

– Ой, не делай такое лицо, участковый, – хрипло ответила Яга, помогая нашему младшему сотруднику максимально эффективно заломить руки за спину боярскому соглядатаю. – От ить можно подумать, что нам тот шпиён с царским приказом так уж нужен? Да ежели мы его где ни попадя потеряем, так нешто кто заплачет?

– Отставить! – громко приказал я. – Если наше начальство решило, что дьяк обязан, как блогер али скандальный журналист, докладывать буквально всё о наших делах и перемещениях, то так тому и быть. Надеюсь, я выражаюсь в правильном стиле?

– В целом, спаси тя господи, да! – шёпотом подтвердил мятежный дьяк.

Митяй под моим укоризненным взглядом тут же отошёл в сторону. По лицу его было видно, что он лично дьяку Фильке не верит ни на грош.

– А можно я его спрошу, когда на маменьке моей энта морда хитрая жениться намерен? Ежели нет, дак я его сей же час своею рукой выкину и на Северном полюсе закопаю!

Гражданин Груздев скроил самое великомученическое выражение лица, на которое только был способен, и спросил:

– Нешто в вас, аспиды милицейские, ни единой капельки

сострадания нет? Я ж вас от лихих людей грудью закрыл, на нож пошёл, живота не жалел, а вы меня… эдак-то… при всех насилком жениться заставляете… Перебор-с!

Даже мне пришлось мысленно согласиться, что это чрезмерно суровое наказание. Вслух я, конечно, этого не сказал, но подмигнул Мите, приказывая отпустить задержанного.

С бабкой всё было сложнее. Мы пустили избушку вперёд ровным шагом и вдвоём присели на крылечке. Тот же Митя вынес нам по кружке горячего чаю с малиной. Разговорились не сразу.

– Стало быть, раз уж так карта легла и выкинуть соглядатая боярского мы не можем, так и ты имей в виду, участковый, ответственность за энтого прощелыгу бородатого я брать не стану. Коли сгинет где, не моя беда!

Пожав плечами, я кивнул. В конце концов, любой поход – дело опасное и непредсказуемое. На Руси быстро проникаешься понятием некоего легкомысленного фатализма, так что, как говорится, уж будь что будет, и ладно.

– Лучше расскажите, куда мы конкретно направляемся и какие лично у вас планы по ведению расследования? Мы ищем могилу?

– Не спеши, Никитушка. – Маленькими глотками прихлёбывая чай, Баба-яга задумчиво глядела вдаль на расстилающиеся до горизонта крестьянские поля, перелески, одинокие деревеньки и проплывающие над ними кучерявые облака. Я поддержал вопросительную паузу. – Тут ведь какое дело. Когда мы при Кнуте Плётковиче…

– Гамсуновиче.

– Да мне без разницы, – привычно отмахнулась моя домохозяйка. – Когда мы при нём то колдовство экспертизное творили, вода в миске помутнела, но не покраснела.

– И что?

– А то! Кабы не мёртв он, но и не жив. Тока деталей с меня не спрашивай, сама знать не знаю, как оно такое быть может.

– В смысле этот красавчик уже лет двести спит себе в хрустальном гробу и ждёт, когда его разбудит поцелуй прекрасной принцессы?

– Да тьфу на тебя, Никитка! Вот уж выдумываешь сказки. На деле-то боюсь, кабы всё энто расследование нам не так сахарно обернулось…

Мне бы стоило запомнить её слова ещё тогда, чтобы потом ничему не удивляться и хоть в какой-то мере быть готовым ко всему и всякому. Но, сами понимаете, в школе милиции с первого дня вас учат опираться исключительно на факты, а никак не на мифические гипотезы. Особенно те, которые выдвигает

легендарный персонаж древнерусского фольклора, успешно доживший в народной памяти до наших дней.

И нет, не то чтоб я не доверял Бабе-яге, хотя на моей памяти не раз были моменты, когда она прекраснейшим образом ошибалась, попадала впросак или вообще лепила полную ерунду, пытаясь подогнать весь ход следствия под свою «экспертизу».

Всякое, всякое у нас бывало, но в целом бабка действительно была бесценной сотрудницей нашей опергруппы и прислушиваться к её мнению стоило.

– Хорошо, будь по-вашему. Исходим из того предположения, что принц Йохан по-прежнему жив. Тогда с какого места мы должны начать его поиски?

– С Белой Руси, там, где граница польская да немецкая. В тех болотах белорусских, в далёкой Беловежской Пуще, где зубры о сосны вековые могучие спины чешут, в те годы далёкие и моя избушка стояла.

– Почему именно там?

– Ну а где б я ещё столько царевичей-королевичей милолицых поимела? Надо же места особые знать, – хмыкнула моя отчаянная домохозяйка, и в глазах её на миг вспыхнули оранжевым отсветы старой печки, куда, возможно, и отправлялись невежливые гости.

Даже задумываться об этом не хочу. Не верю сказкам. Не первый день знаю бабку, поэтому и не верю. И Олёна не верит. Как она там сейчас одна в суровом милицейском коллективе?

Ну, само собой разумеется, что законную жену сыскного воеводы, да при этом ещё и личную подругу матушки царицы, никто не обидит. Это понятно, но ведь могут же просто не слушаться. Тот же Еремеев при всём уважении ко мне лично не потерпит, чтобы его стрельцами руководила «молодая баба». Да, признаться по совести, и старая, и любая баба вообще!

Гвардейские бунты, возносившие штыками на русский трон очередную матушку императрицу в это время ещё даже на уровне гипотез не сформировались. Ох, не сглупил ли я, оставив её одну в отделении. Ведь она же бывшая бесовка, а Кощей не дремлет…

– И сколько нам ехать до белорусско-польской границы? – вдруг услышал я собственный голос.

– Ежели на курином ходу, так будем с месяц добираться, – что-то посчитав на пальцах, решила Баба-яга. – Да тока мы по-другому поступим. Помнишь ли того охальника, который ко мне клинья подбивал?

– Ну-у вы общительная женщина. Кого конкретно вспомнить?

– Дык лешего же!

В этот момент на крылечко выперся Митька с голосовым

сообщением, что-де задержанный гражданин Груздев под кустик просится. А ежели мы, Навухудоносоры языческие, ему в том откажем, так он нам в качестве мести и акта гражданского неповиновения будет все углы метить безжалостно, цельными морями разливанными и кучами араратскими.

Короче, пришлось сделать остановку, без вариантов.

– Никита Иванович, а ежели нам вот прямо сейчас…

– Не начинай, Митя, – вздохнул я, поправляя фуражку. – По крайней мере, до границы мы не можем избавиться от Филимона Митрофановича. То есть бросим его, нам же хуже. Терпи.

– Доколе?!

– А вот это извечный русский вопрос.

– Риторический? – вовремя вспомнил он.

Я подтвердил. Периодически наш молодой сотрудник растёт на глазах.

Только периоды эти редки и контролю за усвояемостью учебного материала никак не поддаются. Всё случайно, всё спонтанно, всё не по уму, а через задницу – это про нашего Митю. И не то чтоб он у нас дурак какой, порою инициативный сверх меры. Но ко всему можно привыкнуть, если раньше я его увольнял как минимум раз в два-три месяца, то сейчас как-то сработались.

Тьфу-тьфу, не забыть сплюнуть через левое плечо и о дерево постучать, благо избушка под рукой. Я вдруг почему-то почувствовал, как тяжёлое одеяло какой-то странной дремоты накатывает сзади, легко ложится на затылок, заставляя склонить голову на руки и…

– Никита Иванович, вы уснули, что ли? – Передо мной стояла моя Олёна, нежная и стройная, просто обворожительная в тончайшем полупрозрачном платье.

– Милая, ты опять со мной на «вы»? – с нежной укоризной покачал я головой. – А я так скучал по тебе.

– С чего бы, я ж тут, – удивилась она, и левая кружевная бретелька начала сползать с её круглого плечика. – Да тока вас Баба-яга к себе требует.

– Подождёт, у нас всегда есть пара минут на поцелуи.

– Вы всерьёз, что ль? Я это… как бы… не в настроении…

Она стыдливо отступила, я шагнул к ней навстречу, приобняв за талию, и на секунду дёрнулся, почувствовав крепкий запах чеснока и квашеной капусты в дыхании любимой.

– Да ладно уж, видать, судьба моя такая, целуйте, покуда дьяк не видит, а бабуленька небось за всю жизнь долгую и не такой срамоты навидалась.

С меня мигом спал сон, а причмокивающие Митины губы я

остановил буквально в сантиметре от своих. Ладонью, хотя мог бы и кулаком.

– Вот что, Олёнушк… Митя, закатывай губу обратно! Сделали вид, что ничего не было. Потому что и не было ничего. А теперь докладывай, где мы, почему стоим, чем заняты остальные и чего, собственно, от меня хочет Яга?

Мой верный напарник несколько раздражённо вытер рот рукавом, вытянулся и простенько пояснил: мы в лесу, невесть где, дьяк на печке спит, а глава нашего экспертного отдела в густом лесу с лешим переговоры вести собирается, так что только моё задремавшее благородие и ждут-с!

– А меня не берут, – с горьким вздохом признался Митька. – Велено кашу варить, избу сторожить да за Филимоном Митрофановичем присматривать, чтоб он не гадил по углам и в тапки.

– За ним что, водится такое?

– Сам доселе не видывал, но по карманам мелочь всякая пропадает с завидным постоянством. У меня вона, пока вы дремали, половину бублика ктой-то спёр да на печи сгрыз под одеялом. Бессовестный тип, право слово, а ещё интеллигенция называется…

Я честно постарался отключить слух от его занудной болтовни и посмотрел в окошко. Действительно, лес, огромные деревья вокруг, высоко в небе чистый полумесяц и россыпь звёзд, а невдалеке маленький костерок. По идее бабка там, значит, нехорошо заставлять её ждать.

Я поправил потрёпанный китель, накинул поверх него большой тулуп из чёрной овчины и, чуть сдвинув фуражку набекрень, вышел из избы на крыльцо. Вдохнул полной грудью чистый холодный воздух, проветривая мозги. Как же долго я спал, получается…

В голове всё ещё цепко держалась неуверенная, но настырная мысль о напавших на нас разбойниках. Я давно живу в этом сказочном мире (ну как давно, третий год) и в случайные совпадения не верю. Тем более что знали о нашем походе очень и очень многие.

Да считай вся боярская дума! Упёртые в своём кондовом консерватизме бородатые пузаны с длинными посохами запросто способны были заказать нас любому киллеру. Э-э, что там говорить, они могли запросто скинуться по червончику и нанять целую банду убийц! Если вспомнить ту разбойничью пушку, то вполне возможно, что всё оно так и было. За всем стоят бояре!

А может, и не так, но тогда это ещё хуже…

– Никита Иванович, – когда я спустился с крыльца, сзади

вновь возник Митька, – чуть не позабыл, склероз мой юношеский. Вот оно, держите!

Я с некоторым удивлением принял из его рук тяжёлую кочергу.

– Это тебя Баба-яга просила захватить?

– Никак нет, это вам сувенир на дорожку, порожняком скучно ходить, так хоть кочергу с собой по кустам поволочёте. Всё веселее, ась?

Хрясь! Мой оборзевший младший сотрудник мгновенно словил той же кочергой по лбу.

– За что обижаете сироту?

– За нарушение субординации. – Я с трудом выпрямил кочергу, нажав на неё ногой. – Следи за домом, если кто спросит – мы с Ягой на задании.

– Слушаюсь.

– Да, и это… если вдруг дьяк Груздев захочет сбежать, отпусти. Может, его волки съедят.

– Потравятся, бедолаги, – уверенно буркнул Митяй, почесал пуленепробиваемый лоб и вернулся в избушку.

Я же, положив незатейливый инструмент кочегаров на плечо, бодрым шагом отправился к оранжевому огоньку. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это небольшой костерок, у которого на пенёчке грелась бабка.

– Здравия желаю главе нашего экспертного отдела!

– Не шуми, соколик, леший услышит.

– А разве мы не его тут ждём?

– Его, родимого, ожидаем, кого ж ещё. – Яга хитро улыбнулась, демонстрируя страшный клык. – Да только леший у нас плут известный, ему человека по лесу кружить – одно веселье. Сам просто так не покажется, а уж коли и придёт, так помогать задарма нипочём не станет.

– Это я помню. Приходилось встречаться.

– Так вот, Никитушка, зачем я тебя звала-то. – Бабка поманила меня пальцем поближе, шепча на ухо: – Уж как леший заявится, так ты, смотри, сиди смирно, в разговоры не лезь, чего бы ни было! Однако ж как только паскудник энтот бородавчатый начнёт на меня руки распускать, бей его кочергой прямо по кумполу!

– А если не начнёт?

– Начнё-от, – певуче протянула моя домохозяйка, зачем-то расстёгивая верхнюю пуговку сарафана. – Уж кто его, развратника старого, лучше моего знает. Так что не забудь: как он тока того, ты его сразу энтого!

– Ну, в таком случае вам, наверное, было лучше Митю

позвать.

– Да тьфу на тебя, участковый! У него ж, поди, сила немереная, шибанёт кочергою от всей души, так невинному лешему и кирдык! Враз лапти отбросит. Чего ж за-ради я мальчонку под статью уголовную подводить стану?

Ну это правильно, подумал я, Митю под статью нельзя, он у нас маленький, дылда ростом за два метра. А как меня, женатого человека, так, значит, запросто можно?

И чтоб вы знали, это отнюдь не свидетельствует, что Баба-яга относится ко мне с меньшей заботой. Просто периодически она искренне полагает, что раз я сам и есть сыскной воевода, то самого себя же под уголовщину подводить не стану, верно? То есть уж я-то выкручусь из любой ситуации, перепишу протоколы, подделаю улики, запугаю свидетелей и всё в этом духе. Как вам?

Причём ведь именно наша милая старушка как никто другой заботится о чести милицейского мундира! Если умом Россию не понять, так это про нас…

– А как мы лешего вызывать будем?

– Феромонами, – шепнула бабка.

– Чем?! – неслабо приобалдел я.

– Слово такое греческое, вроде как «возбуждаю». В простонародье у нас, значится, – на запах пойдёт.

И, прежде чем я хоть как-то сообразил, что именно она имеет в виду, бабуля преспокойно встала, задрала юбку до колен и начала махать подолом на костёр.

– «Мы не сеем и не пашем, не валяем дурака, с колокольни юбкой машем, разгоняем облака», – почему-то вспомнилось мне. Но уже через секунду я догадался вежливо отвернуться и, зажмурив глаза, терпеливо ждать.

Должен признать, что прошло не так много времени, когда со всех четырёх сторон раздался отдалённый шум и треск. Значит, он идёт. Как помнится по нашей единственной встрече, леший выглядел весьма впечатляюще.

Поверьте, трудно забыть как его нестандартную внешность, так и особенный взгляд с ленинским прищуром и странными глазами в обрамлении длинных седых ресниц. Казалось, глаза эти могли произвольно менять свой цвет по настроению – зелёные, жёлтые, голубые, карие, чёрные, синие, даже фиолетовые. Ну и нраву, как водится, старик был непростого.

– Думаете, придёт? – спросил я, когда бабка утомилась и вновь присела на пенёк.

– А то ж! Метод древний, женский, веками проверенный. Ужо прибежит, никуда не денется! – Яга сплюнула под ноги и ещё раз строго посмотрела на меня. – Всё ли запомнил, участковый? Кочерга под рукой?

– Да, разумеется. Стоять рядом, в разговор не вмешиваться, молчать в тряпочку, а как дед полезет обниматься, то бить его по затылку.

– Несильно!

– Я постараюсь без фанатизма.

– Ох, не беси меня, Никитка-а-а!

– Понял, понял, я буду очень нежен, – пришлось пообещать мне. Хотя, честно говоря, какого-то специального опыта в битье людей по голове у меня не было. Ну чтоб кочергой, уж точно.

В следующую минуту смешанный лес зашумел, раздались взбудораженные крики ночных птиц, громко затрещали сучья, а потом из самой густой тьмы вдруг пружинистым лёгким шагом на поляну буквально выпрыгнул бодрый старик с бородой до колен, в расшитой петухами простой рубахе и обвисших штанах. Волосы седые, зализанные, расчёсаны на прямой пробор и перетянуты на лбу узорчатым ремешком, взгляд одновременно простодушный, хитрый и насмешливый.

Я даже улыбнулся ему как старому знакомому, но леший, в упор не замечая меня, с утробным рыком кинулся на бабку. Один миг – и крайне озабоченный старикан повалил нашу домохозяйку в сырую траву, сладострастно зачмокав губами.

Блямс!!! Возможно, я не сдержал размаха, но на тот момент мои мысли были заняты другими материями. И притом у нас в отделении считается хорошим тоном стоять друг за друга.

– Ни хре… хи… тумк?!

– А, понимаю, минуточку. – Я с трудом потянул лешего за шиворот, скатывая его в сторону с нашей распятой бабушки.

Яга протянула мне руку и встала, осенив себя широким крестным знамением.

– Вот ведь знала, что придёт, что приставать будет, но что так уж резво? Изголодался, поди?

– В каком смысле?!

– Да уж не в гастрономическом, – фамильярно подмигнула мне моя домохозяйка. – Глянь-кось, живой хоть?

– Живёхонький, – громко подтвердил леший, одним прыжком легко вставая на ноги. – Дак вы бы объяснились хоть, зачем звали, люди добрые? Чего ж сразу кочергой по башке-то…

– Поговорить бы нам, – игриво улыбнулась бабка.

– Намёк тонкий уразумел, – счастливо всхлипнул леший и, бросившись вперёд с очередным поцелуем, вновь словил от меня кочергой по лбу.

– Скор ты на расправу, сыскной воевода, – сквозь зубы пробормотала глава нашего экспертного отдела. – Но справедлив, тут уж не поспоришь. В другой раз уж со всей дури-то не лупи. Ить пришибёшь на хрен ещё.

– Ну-у, на вас не угодишь…

– Не бухти, участковый.

Мы в четыре руки приподняли уже не такого бодрого старикана под мышки, пытаясь привести его в вертикальное положение. Леший сел, собрался, сфокусировал взгляд разноцветных глаз и спросил:

– Так, а ежели, к примеру, без битья, а по совести, чего хотели, граждане милиционеры?

– Помощи твоей хотим, друг сердешный, – в пояс поклонилась ему Яга. – Уж не откажи в таковой услуге, а ежели чем отплатить придётся, так и с нашей стороны нипочём отказу не будет.

– Искушаешь, девица-а…

– Ни в одном глазу! Всё честь по чести, уж коли ты к нам по совести, дак и мы к тебе не задним местом.

– Отчего же не им?! – обрадовался было леший, хватая бабку

за талию.

Ну то есть он попытался ухватить, но не успел. Я, кстати, тоже не успел понять, что делаю, вздымая кочергу и обеими руками опуская её на бронированный затылок старикана. Леший хрюкнул, рухнув носом в остывший пепел маленького костерка.

Бабка страдальчески втянула воздух ноздрями, помолчала и, уперев руки в бока, медленно обернулась ко мне:

– Вот ты чего размахался-то, а? Скока можно его по башке бить, он ить пожилой человек. Ну хоть и не человек, так что ж? Сразу гасить кочергой по маковке?! Ох, Никитушка, сокол ясный, ты всё ж себя сдерживай, а не то…

– Да хотите, сами бейте! – даже почему-то обиделся я. – В конце концов, у меня просто нет такого опыта. Я же вам не медик какой-нибудь, чтобы контролировать чего-то там. Клиент жив? Пусть скажет спасибо! И в конце концов, вы сами меня попросили.

– Спа-си-ба-а! – едва сумел приподняться на локтях уже трижды битый леший. – Так эта… чё я хотел-то? Не помню… Может, вы от… от меня чё хотели? Сами-то помните?! А то мне вдруг чёй-то показалось будто бы… Поцелуешь ли меня, кума-душечка?!

Я размахнулся от души. Глава экспертного отдела при лукошкинской милиции храбро прикрыла старикана и рухнула, получив прямой удар кочергой в лоб.

– Упс…

Леший уважительно посмотрел на меня, перевёл взгляд на раскинувшую ноги бабку, покосился на кочергу, неуверенно подрагивающую в моих руках, и скорбно вздохнул:

– Твоя взяла, сыскной воевода. Всё, что пожелаешь, исполню, только более не бей! И так башка трещит, ровно у неопохмелённого медведя по весне.

Минут десять мы ещё потратили на приведение в чувство старейшей сотрудницы нашего отделения. Баба-яга клятвенно пообещала зла не держать, а убить меня как-нибудь потом, когда мы энто дело закончим. И, несмотря на то что я двадцать восемь раз перед ней извинился, взгляд бабки говорил о том, что до окончания расследования по пропаже принца я могу и не дожить. Когда же старик-леший наконец заставил нас признаться, ради чего мы тут юбкой махали, медленно покачал головой…

– Вот, стало быть, куда вас кривая вывела. – Он неторопливо и даже со вкусом выгреб корявыми пальцами из волос с десяток мелких лесных жуков, сделал вид, что собирается бросить их в рот, ухмыльнулся, высыпал насекомых в траву и наконец продолжил: – Ну что ж, хоть Яга-бесстыдница меня в очередной

раз обломила с поцелуями да лаской, однако ж смерти ейной я всё одно не желаю. Может, мне в третий раз повезёт?

– Тока ежели я пьяная буду, себя не помня, или Никитушка, сокол ясный, меня же, старую, в очередной раз кочергой по башке ошарашит.

– Бабуль?!

– Чего? Неправду сказала, что ль? – Всё ещё надутая старушка потрогала большую шишку на лбу. – В общем, в Белую Русь нам надобно, туда, где земля польская начинается и ляхи в соболиных шапках на конях по полям ездят, острыми саблюками звенят, холопов своих за чубы дерут да пиво чёрное пьют без меры!

– К Брестской крепостице, стало быть? – уточнил леший.

– Она же разрушена фашистами ещё в начале Великой Отечественн… – невольно брякнул я, и Яга укоризненно покрутила пальцем у виска. – Да, извините, не знал, что там уже сейчас крепость есть.

– Есть-то есть, да не про вашу честь. В крепостице той, слух идёт, нечисть балует. Потому могут ворота чужакам и не отворять.

– У нас, между прочим, царская грамота на расследование, – чуть уверенней ответил я. – Выписана на моё имя и действительна на территории Великой, Белой, Малой и Червоной Руси. А также отдельный документ от немецкого посла Шпицрутенберга, где Кнут Гамсунович гарантирует именем Австрии, Пруссии и Германии безопасный проезд по всем европейским землям.

– Подход серьёзный, – согласился леший, и глаза его вновь заблестели лёгкой игривостью. – Что ж, положим, укажу я вам дорогу короткую, прямоезжую, так что на избушке уже к утру в Бресте будете. А только чем услугу мою оплатите, ась?

Я покосился на бабку, она молча указала взглядом на кочергу. Но, прежде чем мне удалось как следует замахнуться, лесной дедушка одним неуловимым движением вырвал у меня столь полезную вещь и шутя завязал её узлом.

– Неужто ты думал, участковый, что меня долго и безнаказанно бить можно? Ну, раз-два стерпел, знакомства ради, так пора бы и счёт предъявить к оплате.

– Да что ж ты хочешь, лешенька? – елейным голосом пропела моя домохозяйка. – Только на безобразия всякие я не согласная. И не проси! У меня хоть и костяная нога, а тока разок пну куда надо, дак почитай всё хозяйство в яичницу-болтунью – и к гадалке не ходи!

– Точно нет?

– Точно. – Я встал впереди бабки, закрывая её спиной.

Леший поднял к ночным светилам взгляд, полный разочарования и печали, потом подумал, решительно махнул рукой и предложил:

– А давайте друг дружке загадки загадывать? Коли победите, так я помогу вам. Ну а коли нет, так и суда нет!

– Ах ты, пень трухлявый, да неужто есть на белом свете такие загадки, чтоб я, старая, и не знала?

– Верно молвишь, – призадумался старик. – Тогда в другую игру сыграем. Карты цыганские по столу веером разбросим, хоть в дурака, хоть в покер, а уж кто три раза подряд выиграет, тому и поцелуйчики с губ упоительных… Эй, кочергу не тронь!

– Бабуля, не верьте ему. – Я отдёрнул руку и прокашлялся, делая вид, что и не собирался ничего хватать, а так просто потягивался. – Он шулер, у него и карты краплёные, и в колоде шесть тузов, и все ходы записаны. К тому же азартные игры запрещены сотрудникам отделения.

– Шахматы? Шашки? Нарды? Камень-ножницы-бумага? В чё играть-то будем, сыскной воевода?

– А-а-а давайте анекдоты рассказывать? Кто первый засмеётся, тот и проиграл.

– Темнишь, участковый, – подозрительно прищурился седой леший. – Ить ты ж не наш, не с нашего времени, поди, тебе и анекдоты не смешны будут.

– Возможно. Но тогда и вы не станете смеяться над моими, они для вас тоже могут быть несмешными.

– Белку в глаз бьёшь, Никитушка! – подзадорила Яга, хоть я уже сто раз просил её не говорить обо мне такого.

Лесной дед подумал, почесал репу, прикинул собственные возможности и крякнул:

– По рукам! А только, чур, я первый рассказываю.

– Без вопросов. Начинайте.

– Пошли мужики в кабак. Посидели, попили, поели и меж собою говорят: «Чегой-то дорого мы заплатили». А один отвечает: «Я хоть и дорого, да недаром». – «Как так?» – «А вот так, вы что ж, не заметили, как хозяин отвернётся, я сразу горсть соли из солонки ухвачу да и в рот!»

Моя домохозяйка прыснула со смеху буквально через секунду. Я же потёр переносицу.

– А в чём смысл?

– Ну как, он же соль ел!

– И что? Соль не едят?

– Так горстями же!

– Ну и?

– Не смешно, что ль?

– Честно говоря, ни капельки. – Я мысленно прикинул, что может быть хоть как-то адекватно для восприятия народного юмора уровня времён царя Гороха, понял, что разум буксует, и выдал первое, что пришло в голову: – Милиционер пишет протокол на «ночную бабочку»: «Как же так, гражданка Фролова? У вас отец доктор наук, мама – профессор филологии. Каким образом вы-то умудрились стать валютной проституткой?» – «Не поверишь, начальник, просто повезло!»

Не засмеялся никто. Баба-яга и леший тоскливо переглянулись. Потом старик спросил:

– А «ночная бабочка» – энто кто?

– Ну, по-вашему, гулящая девка с Лялиной улицы.

– А проститутка валютная тады кто?

– По факту та же самая гулящая девка, но работающая с иностранцами.

– Ясно, ясно, уразумел. А ты мне точный адрес энтой Фроловой подскажешь?

– Да нет никакой Фроловой, это просто анекдот!

– Скрываешь, стало быть…

Я махнул рукой, и леший принял эстафету:

– Сидит кузнец в кабаке, выпил штоф водки – и трезвый! Выпил стакан – и трезвый! Выпил маленькую рюмочку, тут его и развезло. Ползёт домой, думает: «Чего ж я сразу ту рюмочку не выпил?»

– Где смеяться? – спросил я, глядя на валяющуюся от хохота бабку.

Старик возмущённо всплеснул руками:

– Где смеяться? Да везде же! Вот кузнец-то пил, пил, а не пьян, но стопочку принял и в стельку! Но думает, будто бы его враз с одной стопки вот так ушатало. Дурак он! Разве это не смешно?

– Все пьяные дураки. Мы их в вытрезвитель отправляем, а не на шоу Петросяна.

– Что за зверь такой армянский?! – хором удивились и леший и Баба-яга. – Поди, пьёт, лезгинку пляшет да кинжалом машет?

– Мм… отложим объяснения, это долгая тема. Теперь моя очередь и снова про участкового в деревне. Итак. «Потапыч, прекрати гнать самогон!» – «Гоню и гнать буду!» – «Да тебя ж посадят». – «Так мой сын гнать будет». – «И его посадят!» – «Тогда внук гнать будет». – «И внука посадят!» – «А тогда уже и я выйду!»

Бабка охнула, хватаясь за сердце. Леший, не сдержавшись, тоже пустил скупую слезу. Смеха не было. Зато имела место быть жалость, печаль и вечное русское сострадание к бедному,

притесняемому законом частнику – производителю алкогольной продукции. В общем, как вы понимаете, у меня просто руки опустились, но отступать было некуда, позади Яга…

Таким образом мы просидели, травя никому не смешные анекдоты, почти до утра. Когда же верхушки сосен окрасились розовым, а моя домохозяйка уже часа три клевала носом, болтливый леший наконец-то сдался…

– Ох и утомил ты старика, сыскной воевода. И сам доброй шутки не понимаешь, и меня грустью-печалью загрузил сверх всякой меры. Шёл бы ты теперича отсель, куды тебе велено. А я не поленюсь, наикратчайшей дорогой тебя отправлю. Но уж и ты для меня сотвори божескую милость, коли на обратном пути мимо с кочергой проходить будешь, так мимо и проходи!

Меньше чем через пять минут наша избушка бодрой рысью неслась по внезапно открывшейся в лесу широкой просеке. Кажется, я уснул прямо за столом, а зевающая Баба-яга бесцеремонно выгнала дьяка с печки, заняв его нагретое место. Управление избушкой на курьих ножках полностью перешло под надёжную Митькину руку, тот распевал безумно знакомое…

Из Новгородской гавани,
Всегда по четвергам,
Ладьи уходят в плаванье
К далёким берегам.

Плывут они в Нигерию, в Перу или в Либерию,
И я хочу в Нигерию, я точно буду там…

Никогда вы не найдёте,
В наших муромских лесах
Плосконосых папуасов
С кучей перьев в волосах!

А в солнечной Нигерии,
В Нигерии моей,
Прямо столпотворение
Невиданных людей!

И я хочу в Нигерию, в Нигерию, в Нигерию,
И я хочу в Нигерию, я точно буду в ней…

Под эту чудесную мелодию лично я спал без снов. Ход избы был довольно плавным, хоть и без рессор, но не как у «мерседеса», когда вас даже на ровном шоссе укачивает. Тут всё

иначе: и воздух свежий, и спится как дома, и аромат хлебный, и тишина какая-то особенная, вроде как и не мёртвая, наоборот, куча звуков в ней шевелится, но ведь спать-то как раз не мешает, куда там! Сон нежный, как в детском саду, когда кто-то ворочается, кто-то болтает, кого-то воспитательница уговаривает, то есть хоть и слышно всё, а нипочём просыпаться не хочется. Поэтому напарники честно дали мне выспаться, и в обеденное время меня потрепала за плечо уже сама Яга.

– Вставай, Никитушка, крепость Брестская близко.

– Немцы? – не сразу проснулся я.

Бабка о чём-то спросила дьяка, тот подтвердил.

– Коли есть там немецкий посланник, так мы к нему в первую очередь и наведаемся. Уж ежели принц энтот длинноногий назад столбовой дорогой ворочался, то, стало быть, на таможне отметился и есть про то запись в архивах посольских.

– Я с вами пойду, – дёрнул бородёнкой Филимон Митрофанович. – Мне надлежит письмишко в Лукошкино отправить, чай, бояре ждут не дождутся доклада моего первого.

– Полночи писал, – буркнул Митька, возясь у печи. – Два огарка свечных извёл, а уж что там понаписал про нас, неведомо. Поди, опять гадость какую ни есть беспардонную.

– Поговори мне тут, молокосос!

Наша эксперт-криминалистка встала, раскинув руки, между Митей и дьяком. Оба пофыркали, поскрипели зубами, но пойти врукопашную не решились, прекрасно знали: если дойдёт до дела, то победительницей из рукопашной выйдет бабка.

– Гражданин Груздев, – я окончательно проснулся, решив, что пора всё-таки брать ситуацию под контроль, – раз уж вы едете с нами, пользуетесь всеми удобствами в избушке, столуетесь и ночуете за наш счёт…

– За государев счёт! На меня, между прочим, тоже золотишко выделено было, покуда вы, охальники, всё не отобрали…

– Да, заранее попилить бюджет мы вам не позволили. Но поскольку нам придётся терпеть ваше участие в этом задании, то мы имеем право знать содержание ваших докладов. Хотя бы в общих чертах.

– Жульё в погонах вы и есть! – завизжал дьяк, видимо надеясь, что его услышат в Бресте и спасут. – Ничегошеньки не получите, камарилья милицейская, хоть пытайте меня, хоть режьте! Со смирением ангельским буду адовы муки претерпевать, пред единым Господом (ну разве ещё пред думой боярской) ответ держа! Ибо чаю вечной жизни и воскресения в кущах райских, понеже…

– Младший сотрудник Лобов.

– Я, Никита Иванович!

– Выкиньте балабола из нашего временного отделения.

– С превеликой сердечной радостью!

Митька поймал негодяя за шиворот и пинком ноги отворил дверь.

– В болото кидать али за лесок?

– Куда докинешь, – спокойно отвернулся я.

– На, на, ирод! Читай, фараонова твоя душа-а!!!

– Дай-кось я сама погляжу, уж больно мне, старухе, любопытственно. – Баба-яга выхватила из дрожащих рук дьяка ровно скрученную грамотку, развернула и громко зачитала вслух: – «А ить бесполезный Никита-сыскарь, о деле государевом не радеючи, всю дорогу спал, храпя бессовестно, как спьяну. А дурачок Митька Лобов, пёс его верный, с угрозами ко мне тулился и в разные места пальцами тыкал пребольно. А Яга ихняя милицейская со нечистой силою пола мужеского во тёмном бору разговоры вела тайные, задрав подол, через костёр скакала, блудодействуя всячески, а потом ещё и в игрища играла совращательные, в анекдоты богомерзкие, не иначе как на раздевание!»

– Филимон Митрофанович, – успел прошептать я, когда в глазах бабки сверкнули первые молнии, – примите совет, бегите-е-е…

Митя зажмурился, не желая видеть жуткой смерти дьяка, но и не разжимая хватки. У бедолаги в рясе со страху подогнулись ноги, он перекрестился в последний раз, но наша домохозяйка вдруг удивительно спокойно сказала:

– А чего ж мы хотели, сотруднички? Видать сокола по полёту, льва по когтям, коня по скоку, добра молодца по соплям, а душонку писарскую продажную по евонным же строчкам. Пущай отправляет доклады свои! Главное дело, чтоб мы их прежде читали, а не то потом сюрприз будет.

– Митя, выплюнь жертву.

– Чегось?

– Отпусти, говорю, Филимона Митрофановича, – строго попросил я. – Итак, пока мы не въехали в крепость, хочу поставить все точки над «i». Не пойдёт, это образное выражение, к русскому языку отношения не имеющее. Короче, вы, гражданин Груздев, можете оставаться на борту при исполнении двух условий: первое – вы показываете нам тексты своих докладов, второе – вы берёте на себя часть хозяйственных работ в рамках общежития, жилплощади нашей избушки. Каковая, напоминаю вам, за границей будет считаться чисто русской территорией! И действуют здесь законы царя Гороха, а не того европейского

государства, по земле которого мы будем проезжать. Вопросы?

– У меня вопрос, – поднял руку Митя.

– Заткнись.

– Нет более вопросов. Ну, быть может, риторического кроме. И не стыдно вам?

– Ни капельки, – оборвал я, уставившись самым прокурорским взглядом на дьяка Груздева. Вслед за мной к нему обратились и неласковые взоры моих товарищей.

– Бог вам судья, Навухудоносоры, – возведя очи к небу, простонал отчаянный дьяк. – Зуб даю, что все доклады свои показывать стану, однако ж никаких изменений и правок вносить не дозволю! Ну а по хозяйству помочь? Так мне пол подмести, дров нарубить, печь истопить, а то и кашу сварить – дело-то привычное, холостяцкое.

– Принято.

Мы с некоторой брезгливостью пожали друг другу руки в знак заключения обоюдного соглашения, а уже через полчаса избушка стояла перед воротами маленькой крепостицы Брест.

Должен признать, что со стороны она смотрелась вполне себе мирно и даже как-то безобидно. Дубовые ворота, две вышки пограничного образца, улыбающиеся парни в стрелецкой форме европейского образца, не очень высокие стены из сосновых брёвен, заточенных сверху.

Въезд в древнюю крепость был практически свободным, что с европейской стороны, что с нашей, само понятие «таможня», казалось, отсутствовало напрочь. Да, я замечаю такие мелочи, потому что Еремеев регулярно отправляет наших стрельцов в рейды по базару, где нет-нет да и всплывает то контрафактная икра, то низкосортные ткани, с которых при первой же стирке течёт краска, то палёная водка, а то и левые колбасы, не прошедшие банальный санитарный контроль.

Потом полгорода от аллергии чешутся, а калмыцкие или турецкие поставщики-перекупщики только руками разводят и улыбаются белозубо: вах, какие проблемы, мелочь, да?! Им всё мелочь, сбагрил неизвестно чей товар, получил комиссионные, а там хоть трава не расти.

Хорошо ещё царь Горох в этом смысле к нам прислушивается больше, чем к купеческому лобби, всегда умело покупающему голоса бояр в думе. Но в данном конкретном случае у меня здесь просто нет ни полномочий, ни времени наводить порядок. Не говоря уж о том, что нас тут всего одна опергруппа с новым хитровыделанным членом, а грозные еремеевцы отсюда очень далеко.

– Ково до нас ветром занясло? – остановили нас двое

бородатых молодцев с забавным говором и тяжёлыми саблями на польский манер.

– Начальник Лукошкинского отделения милиции, лейтенант Никита Ивашов, – козырнув, представился я.

Стражники переглянулись, пожав плечами.

– Нам ваш Горох ня указ, у нас тута, поди, свой наместник есть. Пошлину плати!

– Филимон Митрофанович, разберитесь тут, а мы пока пойдём с верительными грамотами к наместнику. Бабуля, – я подал руку Яге, спустившейся с крыльца, – Митя, ты тоже с нами. Избушка всё равно в ворота не пролезет.

Мои сотрудники с мрачными физиономиями прошли вперёд, а двое стражников остались стоять один на один с самым скандальным дьяком древнерусской истории, они просто не знали, с кем связались. Мы уже отошли шагов на сто, а сзади всё ещё визгливо дребезжало на манер медного половника в чугунке:

– Ах вы, кровопийцы мздоимствующие! Ах вы, мытыри, креста не носящие! Иуды белобрысые, цезари картофельные, бульбоеды римские, у кого деньгу трудовую отжать порешили? Да я с самим царем на вась-вась чай пью, да у меня вся дума по струночке ходит, да я с вас… А ну, быстро скинулись по двадцать пять копеек, а не то прокляну ныне и присно и во веки веков!

Сама по себе приграничная крепость Брест представляла собой маленький городок изб на десять плюс одна кузница (такая же изба, только побольше и с плоской крышей), терем наместника, базарная площадь, одна церковь и один кабак. Думаю, в базарные дни здесь было очень много народу, даже если и сегодня, во вторник, прилавки ломились от обилия всяческого товара.

Близость к Европе играла здесь двоякую роль: с одной стороны, активный товаропоток и всяческие выгодные пошлины, а с другой – в случае любого военного конфликта именно Брест как пограничная застава принимал на себя первый удар. Жгли их не раз, но город поднимался…

– Ну что, сотрудники, – я поправил фуражку, оглядевшись направо, налево, – предлагаю разделиться. Митя, вот тебе рубль мелочью, запасись провиантом в дорогу. Узнаю, что купил только водку и квашеную капусту, сдам под трибунал как врага народа!

– Обижаете, Никита Иванович, – без малейшей обиды прогудел Митяй, сгрёб деньги в огромную ладонь и исчез в базарной толпе.

– А мы с вами всё-таки навестим местное начальство. Как я понимаю, вот единственный двухэтажный дом и наверняка он принадлежит господину наместнику?

Бабка молча кивнула, цепляя меня под локоть. В тот же момент я вдруг ощутил чужую руку в кармане своего кителя.

– А-а, нет, дядянька, тока ня бей! – взвыл долговязый парень неопределённого возраста, в драной одёжке, когда я на автомате заломил ему кисть. – Мяня нельзя трогать, я больной! Ай-ай, весь больной Нурланка, ня бейте мяня! Я сын татарского хана, у мяня таньга есть! Пусти, дядянька, злой, плохой, обидел Нурланку-у…

– Под юродивого косит, – профессионально определила Яга и, поймав воришку за ухо, грозно предупредила: – Слышь ты, шелупонь пеньковая, вали отсель и уркам местным передай, чтоб нюх не теряли да на опергруппу лукошкинскую борзеть не смели! Сечёшь?

– Сяку, бабушка, понятия имеям, за края не заходям.

Парня словно ветром сдуло, а любопытствующий народ сразу получил новую тему для разговоров. На миг мне показалось, что мы никуда и не уезжали с нашего базара. Простой люд везде одинаковый: и потрепаться любит, и пообсуждать чего бы не следовало…

– Вот уж ня ждали ня гадали, а и сюды добралась мялиция! Не было пячали, черти накачали. Раньше одному начальству гроши платиля, теперь, поди, и в отдяление десятину нясти заставят. Хотя ежели б через бабку, то, может, и сговоримся… она ничё так… симпотная-а…

– А участковый вполне сябе так, молодёхонек, в очах огонь гречаский неугасимый светится. И сзаду булки явойные играють шибко завлякательно… Ой, бабы, держитя мяня, дуру, семеро-о!

– Скока можно из трудовова народу кровушку пить?! Кому ня лень на хрябте нашем рабочем ездят! Кудыть податца честному контрабандисьту?! Уж коли так пойдёть, то хоть у заграницу воровать переязжай. Там-то, поди, свояво ворья мало, от я б и тр… труды… трудоустритр… тр-тр-трыдаустроилси! Тьфу, пора-а завязывать с боярышниковой опохмелкою!

Мы с Бабой-ягой шли спокойно, гордо, с достоинством, делая вид, что ничего не слышим, а то, чего случайно и услышали, никаким боком нас не касается. Давно проверено: начинаешь отвечать, отгавкиваться, объяснять, вступать в дискуссию – и всё, ты пропал, любое уважение к мундиру сразу исчезает, тебя пытаются хлопать по плечу и называть уменьшительно-ласкательным именем.

Пусть уж лучше по должности, без фамильярностей, переживём как-нибудь.

В отличие от прочих изб дом наместника был обнесён крепким забором, за воротами лаяли сторожевые собаки.

– Ишь ты, орех в орешке, – хмыкнула бабка, поднимая клюку,

чтоб постучать по воротам.

Однако они и сами распахнулись в тот же миг. Молодой парень с высокомерным лицом слегка поклонился нам, пробурчав себе под нос нечто вроде: «Господин вас ожидать изволить». Два здоровенных кудлатых волкодава рванулись было с цепей, но притихли мигом, стоило нашей домохозяйке показать им левый клык через губу.

– А ты, добрый молодец, почаще улыбайся, глядишь, люди к тебе потянутся.

– От тябя ня спросил, карга старая, – в сторону ответил он.

Я было вспыхнул, но Яга успокаивающе погладила меня по руке.

– Идём, Никитушка, зазря времени тратить не станем.

– Хамить работникам милиции не благословляется, – упираясь, вспомнил я слова отца Кондрата, но бабка упреждающе покачала головой – не сейчас.

Нас сопроводили на высокое крыльцо, оттуда через сени в большую комнату, где за обильно накрытым столом сидел хозяин дома.

– Доставляны, батюшка! – доложился парень.

Бабуля вдруг резко обернулась и, слегка ткнув его пальцем в бок, сказала:

– Ты бы хоть раз улыбнулся, мальчонка. А то уж слишком надут, не лопнул бы…

Парень прыснул со смеху и вышел, гогоча, как полный псих. Мы же развернулись лицом к наместнику Брестской крепости. Навстречу нам поднялся из-за стола невысокий мужик, хорошо одетый, среднего телосложения, с длинными усами, прогрессирующей лысиной и властным взглядом.

– Наслышан о вас, гости дорогия! И о тябе, сыскной воявода, и о тябе, бабушка Яга экспертизная. За каким делом вас до наших краёв сослали?

– Вот же деревенщина неотёсанная, – рявкнула моя домохозяйка, прежде чем я успел её остановить. – Ты сперва напои, накорми, в баньке выпари, а уж потом и спрашивай!

Вопреки моим опасениям наместник рассмеялся и низко поклонился Яге.

– Слышал про вас всякоя, так вижу, што вам и впрямь паляц-то в рот не клади. Милости прошу со мною прясесть, угощениями не погнушаться, а уж коли я милиции лукошкянской чем помочь смогу, так то со всем моим стараняем!

В общем, должен признать, что дядька оказался не таким уж занудой и тираном, как можно было подумать. Нет, с первого взгляда ясно, что власть он держит крепко, что контрабанда тут

цветёт буйным цветом, уровень криминала зашкаливает, но находится всё под государственным контролем.

Если в первое время службы в Лукошкине я чётко делил мир на чёрное и белое, то теперь научился выделять и кучу оттенков серо-буро-малинового. Если этот наместник вор (а какой наместник не вор?!), то хорошо уже, что он так же строго блюдёт интересы города и страны.

Нам предложили французский рокфор, пармскую ветчину, испанскую сырокопчёную колбасу, венецианское вино, финики, оливки, копчёного норвежского лосося, запечённых креветок, мидий по-португальски, польское пиво, балканский козий сыр, овсяную кашу по-бретонски, немецкий шнапс, литовский творог и гору всяческой картошки!

То есть по факту её вроде бы должен завезти в Россию только Пётр Первый, и то неизвестно когда, но здесь, в белорусском Бресте, этот корнеплод давно и вовсю использовался. Картошка варёная, печёная, жареная, драники, картопляники, пюре, во фритюре, соломкой и ещё с десяток вариантов. В общем, мы вдохнули ароматы и решили «не гнушаться угощением».

Примерно через полчаса-час, когда мы уже познакомились, поели и разговорились, наместник выдвинул полупредложение-полупросьбу:

– А што бы там ваш младший сотрудник на базаре ня прикупил, я усё оплачу. Дорогу покажу, подорожную грамоту выпишу, таможенных нияких проблем ня будет, везитя што хотитя, хоть бы и живого думного дьяка. Однако ж, будь на то милицейская милость, так, может, и вы мне тут пару дел разряшить поможетя?

Я покосился на Ягу. Она отхлебнула добрый глоток мартини и, подумав, кивнула.

– Давайте поконкретнее.

– Как скажешь, сыскной воявода, – сердечно кивнул наместник, разгладил усы и громко крикнул: – А подать сюда вчярашних купцов!

Дверь распахнулась, тот же парень, но уже с улыбкой до ушей, что-то прохохотал в ответ и убежал. Я покосился на бабку, она, краснея, спряталась за бутылкой. Всё понятно.

Ну-у, что могу сказать, парень сам напросился, у нас в Лукошкине любая собака знает, что лучше не ссориться со старушкой-одуванчиком из милицейского отделения. Видимо, теперь и в Бресте народ будет в курсе, на кого следует наезжать, а с кем стоит быть очень-очень вежливым.

– Только консультация! – сразу предупредил я. – У нас мало времени.

– Та там и дялов-то на пять копеяк!

– Хорошо. Чем мы можем быть полезны?

– Три заявления принясли, усё как-то раскрыть надобно, а у мяня уже, признаться, ум за разум с тех загадок идёт, – устало признался хозяин дома, вытирая лысину краем скатерти. – Поспособствуйтя, опяра милицейския. Ваша слава попярёд вас бяжит, а мы благодарными быть умеям, не впярвой, поди. Картопли-то у нас в этом году ох как много! Не побрезгуяте?

– Юлишь ты, мил-человек, – не очень трезво икнула глава нашего экспертного отдела. – Помочь просишь, а сам всей правды не говоришь. Ить ты ж со всем миром торговлю через крепостицу Брестскую ведёшь, а нас за ведро картошки заманить вздумал?! Влепи ему пятнадцать суток, Никитушка, али до кучи ещё в коррупции обвини, а то ишь…

– Бабе-яге больше не наливать, – быстро попросил я, но бабка вдруг вцепилась в бутылку итальянского вермута, как кот в пузырёк с валерьянкой.

Ладно, потом поговорим.

– Но тем не менее в целом наша сотрудница права. Мы, конечно, постараемся вам помочь, но хотелось бы знать подробности всех дел.

– И деньгов!!!

– Денег, – поправил я, но наместник с пониманием кивнул, сунул руку за пазуху и молча выложил на стол приятно звякнувший кошелёк.

– Сыскной воявода, я ж вас ня подкупить пытаюсь. Вот, сами глядитя, то злотыя польския, а то гульдены нямецкия, вам за границею всё одно деньги мянять, так я ж вам лучший курс дам! Тока купцов мне рассудитя, третий день мучаюсь, а дела разряшить ня могу.

– Тады по чуть-чуть? – тихо спросила себя наша бабуля и, согласившись сама с собой, сделала большой глоток.

– Рассказывайте.

– Со всем моим стараниям. Так от оно шо…

В целом первое дело не выглядело слишком сложным: два именитых купца пришли с базара с жалобой друг на друга. Один дал другому аванс за поставку чего-то там, а тот уверял, что никаких денег в упор не видел. История стара как мир, понятно, что из них один врёт, но надо выяснить кто.

Клятву на кресте, Библии и на «здоровьем мамы своей клянусь!» легко дали оба – купцам к вранью не привыкать, и Страшный суд их особо не пугает. В принципе, наша глава экспертного отдела мужское враньё секла на раз, так что справимся.

– Зовите.

Через пять минут перед нами встала пара практически идентичных мужчин. Вот прямо как разбойники в прошлый раз. Ей-богу, если кто когда-либо пытался представить себе карикатурный образ некого средневекового купца, то вот эти типы были просто идеальным визуальным пособием. Судите сами: два одинаково одетых толстячка, окладистые бороды, отвисшие пузья, бегающие глазки, богатые шубы, дорогие сапоги, пальцы-сосиски сплошь в золотых перстнях. Разница была лишь в цвете волос – один рыжий, другой тёмно-русый.

– Бабуль?

– Ик… упс… тру-ля-ля!

– Ясно. – Мне пришлось брать расследование в свои руки. – Граждане, упростим ситуацию. Итак, кто виновен?

Купцы, не заморачиваясь, дружно указали друг на друга. Ну да, а чего я, собственно, ожидал – чистосердечного признания? Ладно, пойдём другим путём.

– Клянитесь оба успехом в делах, развитием бизнеса и материальной выгодой. Чтоб вы всё это потеряли, если врёте!

– Клянусь, что не вру, – подумав, выдал рыжий. – Взял он у меня сто рублёв и не вернул.

– Жарко тут, шубу подержи, – попросил второй.

– На фиг пошёл, я те слуга, что ли?!

– Давайте подержу, – охотно предложил я, принимая на руки шубу тёмно-русого.

Тот охотно сбросил её на меня и осенил себя крестным знамением.

– Не вру, ибо нет у меня его денег!

– Старое разводилово, – улыбнулся я наместнику. – Деньги в шубе, она слишком тяжёлая. Но и рыжий, кстати, тоже врёт, судя по весу, здесь вряд ли больше пятидесяти рублей, но уж никак не сотня. В карманах даже не ищите, скорее всего, рубли зашиты под подкладкой или в рукавах.

– Мудёр зело ты, сыскной воявода, – хмыкнул в усы наместник, самолично обхлопывая шубу второго купца. – Есть тут монеты, есть…

– Дак тож мои! От разбойников и татей скрываемые. Не совершал греха, не докажете, нет вам на то моего добровольного признания!

– В кандалы, што ля? – уголком рта спросил меня хозяин Бреста.

– Чуть позже, – пообещал я. – Дайте-ка мне пару ваших монет из этой шубы.

Наместник столовым ножом вспорол подкладку и высыпал

передо мной горсть серебреников. Я покачал один рубль в руке, прикидывая его вес.

– Фальшивка.

– Что?! – обалдели оба купца.

– Можете арестовать этого человека за попытку провоза подменных рублей. Фальшивомонетничество у нас уголовно наказуемо.

– Ах ты, змей подколодный! Ты ж меня под монастырь подвёл, на каторгу отправил, свинец вместо серебра подсунул! Зубами загрызу гада-а… Не моё это, не моё, сукой буду, сыскной воевода! Землю есть стану, а не моё!

– Верно, – кивнул я. – Это был обычный следственный эксперимент. Вы сделали чистосердечное признание. А вот теперь, пожалуй, можно и кандалы.

По одному щелчку пальцев в горницу влетел всё тот же парень, что встречал нас у дверей. Только теперь на лице его сияла неубиваемая улыбка от уха до уха! Он сгрёб вопящего, что «сие-де подстава ментовская», купца и вывел вон.

Рыжий купец с поклонами и благодарностями вымелся сам.

– Шубу-то потом возвярнуть ня забудь, она у счёт уплаты налогов за судебныя издержки пойдёть, – решил наместник, потеребил усы и честно признал: – Лихо ты дяла вядёшь, сыскной воявода. За помощь благодарствуям. Бумаги твои в сей же час подпишу и всё, што обящал, исполню. А только разряши же мне, Христа за-ради, ящё одну загадку.

Я покосился на Ягу. Старушка посмотрела на меня мутнеющим взором, то ли кивнув, то ли икнув. Видимо, это должно было означать согласие, нет? Уточнять было сложно, моя домохозяйка и старейшая сотрудница нашего отделения вновь с головой углубилась в мартини.

Господи, мать ты моя юриспруденция, такое с ней бывает крайне редко. Стопочку-другую лечебной настойки от пониженного давления и для крепких снов – это да, но чтоб вдруг столь старательно напиваться? Наверное, вырвалась из Лукошкина, почувствовала волю вольную и пошла вразнос без тормозов…

– Что за загадка?

– Та вот вишь, приехал до нас мужичок с зярном на кобыле жеребой. Стал на ночлег у церкви, а наутро-то кобыла и родила! Дак поп кричит, што энто чудо божья и жерябёнок тяперича церкви принадлежить.

– Типа что упало на освящённую землю, то и их?

– Не-е, там усё хитрея будет. В конюшне церковной мерин стоить, дак отец Евстигней гнёть линию, разоряятся, будто бы

энто мерин жерябёнка родил!

– Где-то я уже такую версию слышал.

– Ну-у, ясное дело, мерин родить ня можеть, – разгорячился наместник, по примеру Бабы-яги наливая себе полный бокал красного рейнского. – Однако ж ты от с попом спорить пробовал? Ты яму слово, он тябе два, и оба из Святого Писания! Хочь и жаль мужичка, а приходится жерябёнка от кобылы-матяри отнимать.

– Там вроде бы то ли дочка, то ли внучка разумная должна быть? – хлопнул я себя по лбу. – Ну та, которая потом ваши загадки разгадывает.

– Есть пря нём дочь. Тока дура дурой. На хворостиня скачеть, воробья живого в руках тискаеть, а сама вся в сеть рыбацкую одята. Осямнадцать лет девке, тьфу, срамота!

– Зовите всех. Проведём перекрёстный допрос.

Примерно через пятнадцать минут к нам был доставлен тот самый батюшка Евстигней. Мужичка я звать не стал, не в нём проблема, сами разберёмся. А вот дочку его попросил войти. В конце концов, не могут же так врать сказки, вдруг она чем-то сможет помочь.

– Славен Господь на небесах, – в голос запел солидный бородатый поп, чья фигура усиленно стремилась к правильному кругу, хоть циркулем его очерчивай.

Волосы соломенные, глаза болотные, но голос оперный, сам Хворостовский задохнулся бы от зависти, а Баскова вообще гнали бы со сцены метлой поганой под свист и мочёные яблочки.

– Итак, гражданин Евстигней. Фамилия ваша?

– Гройсмашидзе.

– Грузин? – удивился я.

– Русский аз есмь, православный! А с кем и от кого мать моя, пресвятая женщина, на югах благословенна, в монастырях пела, про то нам знать не дано.

– Ну раз фамилия грузинская, то, получается, и папа грузин?

– Всё в воле Божией.

– Не буду спорить, не принципиально.

– Да ты крещёный ли?!

– Итак, – игнорируя провокационный вопрос батюшки, начал я, – вы утверждаете, что жеребёнок, рождённый беременной кобылой, на самом деле произведён на свет вашим мерином?

– Так оно и есть! Вы бы видели, какой он у нас толстый. На том и крест поцелую!

– На том, что мерин толстый или что он жеребёнка родил?

– На том, что всё воля Божия, – легко выкрутился поп. – И не такие чудеса нам Писание являет. Наш теперича жеребёнок!

В этот момент за дверью раздались первые смешочки, и не

прекращающий улыбаться парень, которого я уже мысленно назвал Гуинпленом, втолкнул в горницу невысокую бойкую девицу, замотанную в рыбацкую сеть с прилипшими щучьими чешуйками.

– Без гостинца, но с подарочком? – вспомнил я.

Девушка тут же швырнула нам на стол полудохлого воробья. Что ж, пока всё сходится.

– Не одета и не раздета?

Она легко скинула с себя сеть, оставшись абсолютно голой, и столь же ловко замоталась обратно. По-моему, мы все трое, я, батюшка и наместник, на минуточку потянулись к карманам за кошельками. Нетрезвая Баба-яга только присвистнула, сунув два пальца в рот.

– Давай, давай, девка! Я в твои годы такое вокруг помела вытворяла, что по сей день вспомнить щекотственно и приятно…

Воробей тоже явно ожил и начал скакать по столу, поклёвывая чёрную икру и крошки французских круассанов. Шустро так, между прочим.

– Гражданка… как вас?

Девушка жестом показала, что она немая. Упс, вот только инвалида от рождения мне сейчас обидеть и не хватало. Надо срочно решить вопрос с этим обуревшим попом.

– Итак, батюшка Евстигней, вы утверждаете, что мерин родил жеребёнка?

– На то воля Божия!

– Но, если мы ради эксперимента выпустим голодного жеребёнка, неужели он побежит за молоком к мерину?

– За молоком али иным пропитанием живность завсегда куда надо побежит, – весомо ухмыльнулся непробиваемый батюшка. – Таковое и у людей бывает: один родит, другая кормит! Недаром в Библии сказано: «Авраам родил Исаака». Уж я коли сам святой книге верю, так и никому другому не верить не позволю!

– То есть мужики рожали?

– На всё воля Божия!

Наместник залпом выпил второй бокал, кривясь и словно бы показывая мне, с кем приходится иметь дело. Я поморщился, прекрасно понимая, что никакой здравой логикой не перешибёшь это железобетонное «воля Божия».

– Но законы природы…

– Не выше законов Божиих!

– Разве не Господь сказал: плодитесь и размножайтесь?

– Воистину Господь! Вот наш мерин волею Божией и размножился!

На миг я опустил руки. А потом заметил, с каким нездоровым

интересом больная девушка рассматривает живот святого отца. Первая же дурацкая мысль, стукнувшая мне в голову, вырвалась со словами:

– Батюшка, да вы беременны?

Наместник Брестской крепости резко очнулся, и даже Баба-яга, причмокнув губами, оторвалась от бутылки.

– Простите великодушно, – осторожно начал я, боясь спугнуть удачу. – Как вы себя ощущаете в последнее время, по утрам не тошнит?

– Бывает, когда переем повечеру…

– Селёдку солёную, сёмгу копчёную, грибы в маринаде уважаете?

– А то ж, – безмятежно хмыкнул отец Евстигней. – Ем каждый день без ограничениев. Еда постная, нежирная, организму чрезвычайно полезная. Ну а что на солёное тянет, так я ж не баба на сносях.

– Неужели?

– Не понял?! – кажется, даже обиделся батюшка.

– Все признаки сходятся. В туалет часто бегаете, из-за пуза корешок свой не видите, едите, что захочется, и фантазии разные, типа как мерин рожает. Девятый месяц?

– Да он сам бяременный! – вскинулся наместник, очень вовремя решивший напомнить о себе. – Эй, слуги мои верныя, а ну тащитя ножи булатныя, готовьтя полотенцы чистыя. Будем нашему отцу Евстигнею кесарево сячение делать, иначе яму самому и ня родить!

Бородатый батюшка осел там, где стоял. А в дверях уже появился дебильно хохочущий парень с двумя большими кухонными ножами в руках.

– Да ты с ума сбрендил, что ль, сыскной воевода?! Волею Божией не рожает мужчина! Тяжёлый я, но не грех сие, ибо пуза объём диафрагмой песнопению во славу Божию весьма способствует.

– Уверены? А то вот ваш мерин же…

– Да тьфу на вас, аспиды милицейские!

На миг мне показалось, что я слышу знакомые нотки дьяка Филимона Груздева.

– Не сметь меня кесарить, нет на то воли Божией!

– А как узнать, што нет?! – резонно предложил наместник, пока его слуги и девица в рыболовной сети хватали отца Евстигнея за руки. – Однако ж коли обшиблися мы, так ты великомученяком на иконы войдёшь.

– Не рожает мужской пол! Хоть убейте, слуги диаволовы, а всё едино законы природные, что Господь Бог на небе утвердил,

такого беспутства не попустят! Да и нечем мне рожать-то…

– Ну, волей Божьей и мерин рожает, которому тоже нечем, – деликатно встрял я.

– Кесаритя яго, – уверенно подтвердил хозяин дома. – Я рябёночка усыновлю, ежели што не так пойдёть и родной отец ня выживеть…

– Охренели, ироды! – Толстый батюшка Евстигней в полминуты вырвался на свободу и, скривясь в дверях, проорал напоследок: – Да чтоб вы подавились тем жеребёночком! Забирайте, не жалко. А тока нет на вас креста, коли вы простому мужику над самой святой церковью победить позволили. Прокляну-у-у всех…

– От завтра же уволю дурака того старатяльного куда подальше, а к нам у Брест япархия другого батюшку пришлёть, попрощя да душой почищя. – Усатый наместник молча пододвинул ко мне кубок вина, но я отказался. – Уж ты ня сочти за наглость, Никита Иванович, а только столь ловко ты два дела раскрутил, што не могу тябе и об третьем деле ня поведать. Богом клянусь, што оно последнея.

– Угу, – буркнул я, пока хохочущий парень уводил отца Евстигнея из горницы. – Гражданочка, жеребёнок по праву ваш. Ну не ваш, а вашей кобылы, чтоб было понятнее. Идите и забирайте.

Девушка низко поклонилась, на секундочку демонстрируя эффектное декольте, и улыбнулась.

– Спасибочки вам, дяденька милиционер. Я уж не гадала, не чаяла, что правды добьюсь. Отец мой человек простой, доверчивый, но сердцем чист. Не на таких ли вся земля русская держится?

– Э-э, но вы же ку-ку?

– С чего бы?! – показала язык эта нахалка. – Я-то в своём уме, а вот вы мудры ли, коли, стоит мне в сетку переодеться, так уж у вас ум за разум едет? Нешто я голая и одетая разный человек? Ох уж мне вы, мужики-и…

Баба-яга расхохоталась так, что мы с наместником покраснели.

Что ни говори, а по большому счёту именно женщины правят миром. А мы, мужчины, лишь являемся для них ступенькой, шансом, способом и поэтапным планом продвижения в социуме. Будь то возможность просто отбить себе назад собственного жеребёнка или же вековая борьба за власть во всём мире. Почему нет, женщины и не на такое способны! А остановить их могут лишь дети и котики. Только они, и никто другой, способны размягчить суровые женские сердца. Получается, что по факту

именно дети и котики всем рулят, так, что ли?

– Нам пора, – приподнялся я, но наместник умоляюще схватил меня за руку.

– Прошу ж, ящё одна загадка! Христом Богом молю, не откажи, сыскной воявода. Эвона как у тябя всё быстро да гладко выходить. Вот хоть башку на плаху положу, честноя слово, ящё с одним делом тока подмогни, и усё! Эй, кто там есть?

В дверях вновь показался тот же долговязый парень. От отчаяния по его щекам уже лились слёзы, но на лице всё равно сияла широкая улыбка.

– Чё ржёть, как дурень, весь день? – тяжело вздохнул хозяин дома, повёл плечами и приказал: – Вясти сюда купца Барыгу и мужичонку того… как яго… ну, што в краже обвиняятся!

– Бу-у… хах… бу сделано, ох, ха-а… не могу, лопну же ж…

– А потом бяги на базар, найдёшь слугу милицейского…

– Младшего сотрудника Дмитрия Лобова, – поправил я.

– От яго самого. Так усё, што он набрал там, – оплатить! И на своём горбу до избушки доняси со всем нашим почтениям. Понял ли?

Бедный парень закивал, сполз от хохота на пол да так и ушёл на четвереньках исполнять начальственную волю. Согласитесь, а ведь мощно наша Яга колдует под настроение, жутковато потом даже.

– Расскажите пока вкратце: в чём проблема, что за кража?

– Та само дельце няхитрое, от как выкрутиться из няго, ня ведаю. Зашёл до мяни позавчерась один наш купец, должен сказать, што сволочь он преизряднейшая…

Не буду утомлять долгим пересказом, уверен, что и эту историю вы все отлично знаете.

Мужичок задолжал какую-то мелочь богатому соседу, денег в срок вернуть не мог, а в результате попал в кабалу на неделю. Думал просто отбатрачить, как все, но оборзевший купец решил покуражиться над соседом и посадил его на цепь вместо собаки амбары с товаром охранять. То есть он реально требовал от человека исполнения функций дворового пса! Ну а на третью ночь богатого грабанули.

– По факту всего один вопрос: когда шла кража, тот человек лаял?

– Да, так, – подумав, кивнул наместник. – По словам купца Барыги, не только лаял, но и рычал, и даже выл!

– Получается, что он не виновен. Если он заменял собаку, то и вёл себя как собака. Всё честно, его на раз-два-три отмажет любой начинающий адвокат.

– Тут ня поспоришь. Однако же если он сам тех воров навёл,

позвал и даже долю с их добычи получил, так энто уже иной коленкор.

– Организованная преступная группировка, – с сомнением протянул я. – Жаль, но мои искренние симпатии на стороне Мухтара. Тьфу, извиняюсь.

Меж тем в дверь вошёл бедно одетый щупленький мужичишка со всклокоченной бородёнкой, а следом шагнул дородный солидный мужчина, если уж и не купец с виду, то как минимум очень зажиточный человек. Посадивший на цепь другого человека, своего земляка, соседа по улице.

Я вдруг почувствовал нарастающее раздражение.

– Ну и?! Скока мне ждать, покуда энтот пёс смердячий своих соучастничков повыдаст? Под пытку его надоть, на дыбу, да чтоб кнутом язык развязать! Ужо-о… ух ты у меня!

– Ой, боюсь, боюсь, – еле слышно просипел мужичок.

– Минуточку, – насторожился я. – Что у вас с голосом?

– Осип, поди, пока лаял, – отмахнулся купец и перевёл взгляд на наместника. – А энтот молодой что ещё за птица залётная?

– Сыскной воявода из Лукошкина. На пять вёрст вора чуеть, на сажень у землю видить.

– И ещё б-белку в глаз бьёт, – бесстыже дополнила Яга, на миг приподняв голову и вновь гулко рухнув лбом о стол.

– Да врёте ж, поди. – Купец брезгливо выпятил толстую нижнюю губу. – Ну и ладно, мне царь лукошкинский не указ. Руки у него коротки, а у меня мошна тугая. Говори лучше, наместник, когда вора пороть будем? А?!

– Уточните, гражданин Барыга, – терпеливо начал я, – действительно ли вы давали этому человеку в долг и какую сумму?

– Двенадцать копеек, капусты да репы на базаре прикупить. Да тока он же не человек, он холоп, грязь, чёрная кость, мужик сиволапотный!

– Попрошу без грубостей!

– Чего?!!

– Продолжим. Итак, не получив от него денег, вы посадили человека на цепь?

– А чё? Имею право!

– Не имеете. – Я твёрдо посмотрел ему в глаза. – Любой гражданин несёт наказание только по решению суда. Частные тюрьмы, пытки, избиения или несанкционированное задержание является, по сути своей, преступлением против государственной власти.

– Вот тока ты меня на голос-то не бери! – аж подпрыгнул покрасневший от ярости купец. – Молоко у тебя на губах не

обсохло старших учить! Я-то своих молодцов свистну, так тя в бараний рог скрутят, опосля и…

– Не грубить гостю у моём домя, – тихо, но как-то очень многозначительно протянул наместник.

Бородач хмыкнул и нагло ухмыльнулся:

– В твоём доме твоя власть, а за воротами места глухие, леса тёмные, тропинки тайные. Всякому гостю совет добрый задарма даю: ты ходи, да оглядывайся.

– Вернёмся к заданным вопросам, – не обращая внимания на возросший градус накалённости общей атмосферы, продолжил я. – Вы посадили человека на цепь, заставив изображать собаку. В ночь кражи он лаял?

– Ещё как! Говорю, и лаял, и брехал по-собачьи, и выл дюже громко. У меня-то не забалуешь, поставлен лаять, так лай!

– Неправда…

Мы все, включая открывшую один глаз бабку, уставились на робкого мужичка.

– Христом Богом поклянусь, люди добрые, – он упал на колени, – днём лаял, вечером лаял, а как на закате водицы из миски собачьей хлебнул, так и… ничё не помню. Тока утром встал, сарай нараспашку, мешков с товаром нетути, а тут и хозяин, зевая, выходит. Да сразу в крик и палкою меня по спине…

– А что за товар, кстати?

– Твоё какое дело?! Ты мне воров сыщи! – резко набычился купец. – Всю шайку излови, а с энтим наводчиком мы, поди, уж сами разберёмся. Уж я ему не спущу!

Я наклонился к наместнику, быстро шепча ему на ухо. Он кивнул, неспешно вышел из-за стола, с кем-то переговорил в сенях и вернулся обратно.

Я глянул в окно – четверо парней, подхватив польские сабли, бегом вылетели со двора. Вот и отлично, тут тоже умеют исполнять приказы.

– Что ж, думаю, дело можно считать раскрытым. Гражданин мужик, тьфу, как вас по имени-отчеству?

– Спиридон Тихонович.

– Фамилия?

– Петров, – не сразу вспомнил обвиняемый.

– Гражданин Петров Спиридон Тихонович, вы свободны, – громко объявил я, вставая. – Все обвинения с вас сняты. Взятые вами в долг двенадцать копеек можете не отдавать, они будут учтены как компенсация вашего морального ущерба.

– Ча-а-во-о-о?!

– Могу, то исть, идти до дому? – не поверив, уставился мужичок со слезами на глазах.

– Идите, идите, к вам претензий нет. А вас, гражданин Барыга, я попрошу остаться!

Мне всегда очень нравилась фраза Мюллера из «Семнадцати мгновений весны». Вроде и обычные слова, ни угрозы, ни давления, а всё равно пробирает аж до мурашек по коже. Когда освобождённый дунул со двора так, что только неновые лапти сверкали, я откашлялся и договорил:

– Попробую выдвинуть собственную версию произошедшего. Гражданин Петров действительно взял деньги у барыги (это не фамилия!) и кровопийцы (заткнитесь, оштрафую!) – местного купца и по совместительству соседа. Отдать вовремя не смог, но по вполне сложившейся русской традиции был согласен честно отработать те же злосчастные двенадцать копеек. Однако вопреки всем законам был посажен на цепь и обязан унизительно лаять в течение трёх дней. В итоге на четвёртый, как раз перед его выходом на свободу, произошла так называемая кража. Я повторю вопрос: что за товар был в сарае?

– Да тьфу, ерунда, говорить смешно, – явно стушевался купец. – Ну там уголь в мешках, дрова берёзовые на зиму. А мужика-то я могу и простить по-христиански!

– Но это значит, что неизвестные вам воры пришли красть, мягко говоря, не самое ценное имущество. У кого посреди леса проблемы с дровами? Кому тут можно летом продать уголь? – Я обернулся к наместнику, и тот пожал плечами. – А вот если мы предположим, только предположим, что в сарае хранился контрабандный товар…

– Брехня! Враньё! Клевета бесстыжая!

– Нет, ну по логике вещей, чтобы вынести со двора ночью из сарая хоть те же дрова, нужно, наверное, человек пять. Плюс телеги с лошадьми, чтобы всё это куда-то вывезти и спрятать. Откуда у рядового гражданина такие возможности и связи? Я уже не говорю о том, как он мог бы спланировать эту бессмысленную в финансовом отношении кражу, три дня сидя на цепи и не имея контактов с внешним миром? Он всё-таки Петров, а не Мориарти.

– Да врёт же он, врёт. – Купец был готов броситься на меня с кулаками. – Не вожу я неуказанный товар! Мы ж понятия имеем, законы чтим, а за брехню ту милиции твоей ответить придётся! Ох как ответить, уж я-то…

– Сам не бреши! – приподняв голову от стола, очнулась наша бабка-экспертиза. – Умаял уже. Лается не переставая, собака страшная…

В этот момент в оконце деликатно постучали. Наместник встал, кому-то кивнул, сдвинул седеющие брови и вновь вернулся за стол.

– Прав ты был, Никита Иванович. Проверяли молодцы мои, весь товар из одного сарая в баню перемящён, доверху яё забили. А таможенных пячатей на том товаре нет.

– Тяф? – спросил подозреваемый.

– Вроде бы ня успел он яго растаможить, как злодеи безвестныя усё покрали. Пока бы мы сообщников того мужика с цепи искали, дык наш купец Барыга потихоньку усе запретныя одёжки под прилавком спустил бы за тройную цену.

– Запретные… э-э?!

– Труселя европейския с кружевами, – краснея, хмыкнул в усы наместник. – Нашим-то бабам оно без надобностей, но кое-кому любая иноземная тряпочка у радость. И деньги платят нямалые.

– Тяф, тяф, гав?! – уже второй раз попытался привлечь внимание обсуждаемый купец, держась за горло и выпучив глаза. Выражение лица его было на тот момент самое собачье…

– Бабуль, опять вы?!

– Что я? А вот не надо было на милицию наезжать!

…В общем, как вы поняли, примерно через пару часов мы выдвинулись из маленькой Брестской крепости в сторону гулящей Польши, уже укомплектованные и упакованные по полной.

Избушка заметно сбавила ход после загрузки пяти мешков картошки. Повторюсь, официально её завезли при Петре Первом, но почему-то здесь, на белорусской границе, она давно была в ходу. Не спрашивайте меня о исторических реалиях, я всё равно не смогу внятно объяснить, а слова о том, что сказка есть сказка и в ней свои законы, вряд ли удовлетворят сколько-нибудь серьёзного учёного.

А ранее наш деятельный Митяй заявился с набитым колбасами и сырами коробом, который тащил на своём горбу тот самый смешливый парень, что потом, хихикая сквозь слёзы, в ногах у бабушки Яги валялся, умоляя избавить его от вечного смеха. Домохозяйка у нас добрая, особенно когда слегка пьяненькая. За ещё одну поллитру мартини она щелчком пальцев убрала дебильную улыбочку с лица бедного замотанного паренька.

Но самое интересное, что, прощаясь, усатый господин наместник от души поблагодарил меня и всю нашу опергруппу за помощь в расследовании, а обняв на прощанье, тихо шепнул на ухо:

– Слыхал я, што вы принца Йохана ищитя? Так от ящё мой дед говорил, што, дескать, прощялыга энтот, бабник и пьяница, через границу нашу законно прошёл и также назад вышел. По-

любому выходить, што не могла яго уважаемая Баба-яга прибить-то, но вот што с ним в той же Польше приключилося, прости, ня ведаю…

Разумеется, обо всём этом я рассказал всем нашим, когда, минуя вброд обмелевшую речку Буг, наша избушка, отряхнув свои куриные ножки, шагнула на территорию суверенного в те времена королевства польского. У нас на руках были все необходимые грамоты проезжие от царя Гороха, заверенные гербовой печатью наместника Бреста и подкреплённые отдельными бумагами от немецкого посла за подписью и печатью короля Фридриха Вильгельма. То есть полный карт-бланш.

– А я ещё, грешным делом, огурцов зелёных с огородов набрал, – похвастался дьяк.

– Спёр, – вежливо поправил его Митька. – Чтоб вас, Филимон Митрофанович, с тех огурцов да и пронесло на ходу. А я-то как есть ворованного в рот не возьму!

– Никитушка, – вдруг обернулась ко мне абсолютно трезвая Яга, не обращая внимания на спор наших товарищей по несчастью, – ты уж прости меня, старую, что я тебе не помогала ничем.

– Ерунда…

– Ты пойми, ить важно ж было, чтоб ты сам свой престиж сыскного воеводы без всяческого постороннего участия отстоял. Поверь мне, опытной женщине, фигу мы с тобой из того же Бресту выехали бы забесплатно, коли б ты тому наместнику не показал, чего на деле стоишь! А теперича он так крепко милицию уважает, что впредь и кривой ухмылочки в адрес царя Гороха не позволит…

– Значит, вы притворялись?

– Ну-у… не то чтоб… Мартини-то их не самопальный, ой и сладкое бабское пойло, тебе скажу… Как есть из самой Италии!

– Притворялись.

– Ой, Никитушка, соколик, ты ж не думаешь, что ежели я могу четверть водки в баньке пригубить для души, дык меня поллитрой мартини с ног свалит?

– В следующий раз ставьте меня в известность о своих тайных планах. – Я укоризненно покачал головой, для пущей убедительности цокая языком на манер героя Стругацких. Увы, на бабку оно никак не действовало.

Наверное, через час или, быть может, менее прямо посреди дороги вдруг встали плечом к плечу четверо удалых молодцов среднего возраста, в европейском платье, в собольих шапках с перьями, с огромными саблями у бедра и стягом с польским

орлом.

– Вот и таможня, сотруднички, – объявила бабка, довольно потирая ладошки. – Ох, и до чего ж я люблю польскую сторонку! Варки – хоть залейся, фляков – хоть облопайся, бигоса – хоть тресни, а культура какая-а. От ить как заведут хором «Ещё Польска не сгинела», аж слёзы на глаза! Так душевно пою-ут…

– Бабуль, а если исключительно между нами?

– Ну-кось?

– Вы польских принцев не ели? – в лоб спросил я.

– Никогда! От тебе зуб даю, участковый, ни-ко-гда!

– Совсем никогда и никого?

– Ох, ну было дело разок. Один старый скандалист Якуб Наглейба в Лукошкине ещё лет пять назад молодого Гороха хаял. Поговорила я с ним нос к носу, теперича он про нас и лишнее слово молвить боится. У меня ж нрав крут, рука тяжела, а терпение коротко. Но есть не ела! Куснула разок, и то так, порядку ради. Сама чуть не потравилася…

– Что ж, может, вы тогда и выйдете на переговоры?

– А почему бы и нет? – подумав, подбоченилась бабка. – Язык ихний я знаю, привычки да повадки тоже. Отчего бы мне к панам полякам с улыбкою лебедью белою не выплыть?

Никто спорить не стал, так что на объяснения с польскими пограничниками (если в те времена так можно было выразиться) прямо на крыльцо избушки храбро шагнула наша бессменная эксперт-криминалистка.

– Дзень добрий, ясновельможный пан!

– Дзень добрий, стара пани! Чем мох бы помоч?

– Желам от вас знат наилепший шлях до славной Варшавы, так, чтоб Вислу переплыть и с русалкою ихней на мечах николи не браниться.

Я так понял, что на польском наша милая старушка говорит весьма условно, но главное, что её хоть как-то понимают.

– Пани едет с камрадами з Бресту?

– Не, я-то з миста Лукошкино, – храбро закрутила бабка. – Ми все ест милиция, полиция, органы по службе, кавалерия, шаблюки имеем. Так что, шановний пан офицер, за Бога рубиться или Матке Боске молиться?

Пограничный поляк на наших глазах несколько подзавис. Я бы на его месте, честно говоря, вообще сдался.

– То вы з Руси? Не з Бресту?

– А в чём проблема-то?

– Они там все едят… как-то хуморно, а… кор-то-пфэль! – пошутил он.

– И чё тут смешного-то, а? Сей же час обоснуй мне, морда

твоя нахальная! Я ить тут жила в лесах, я за белорусов могу и коленом под зад заехать, и бритвою полоснуть…

Бедный шляхтич, или как их там называют, спал с лица. В общем и целом всем вдруг стало ясно, что наша бабушка-экспертиза готова грудью встать за малую Брестскую крепость и никогда никому не позволит ни смеху, ни издевательств по этому поводу.

Лично я просто не знал, что сама Баба-яга искренне, от всей души, пребывала в незыблемой уверенности – земли Великой, Малой и Белой Руси относятся к её ведомству. Типа она там живёт, а потому контролирует, защищает, крышует и всё такое.

– Пше прошу, пани, – догадался пограничник. – Я мог бы познац вас?

От таких слов, чего бы они ни значили, Яга растаяла вмиг. Меж тем молодой поляк подал ей руку, помогая сойти с крылечка, сопроводил в сторонку. Он галантно расстелил свой плащ на траве, она кокетливо присела, поправляя платочек и скрипя костяной ногой.

Таможенник закрутил короткие усы и, явно флиртуя, предложил старушке наливное яблочко. Баба-яга столь же игриво достала из-за пазухи бутылочку малиновой наливки.

– Вот же как он, павлин варшавский, перед ней весь хвост распускает, – завистливо пробормотал Митька, глядя через мою голову в окно.

– Ничё, ничё, от тока как он руки распускать начнёт, так мы втроём выйдем да православным кулаком с божьей помощью ему по сусалам католическим и наваляем, – мстительно размечтался дьяк.

Я несколько удивлённо обернулся к обоим.

– Не понял, а что это у вас за странное предубеждение к полякам?

– Как, а вы же разве не знаете?! – в голос возопили граждане Лобов и Груздев.

– Ну-у, допустим, нет…

– Да ихняя пьяная Польша завсегда нас притесняла, культурно выражаясь. Ляхи они и есть! Веру свою католическую везде насаждают, попам нашим жениться запрещают. Говорят, вы в навозе живёте, а сами всё добро подчистую под себя гребут! Мы-де холопы и хамы, а у них любой малый шляхтич может самому королю на сейме рот затыкать! Чуть ихний Сигизмунд слово против скажет, так они его под зад коленом и в дальний Кряков! Пиво, правда, хорошее варят, но зато доброй водки у них нет! Нету, на-кась выкуси! На границы наши зарятся, преференций всяческих требуют, извинений невесть за что, ещё льгот торговых,

а сами к нам то с турками, то с немцами, то с французами так и лезут, так и лезут, ровно тараканы какие…

– Ясно, – спокойно поправив фуражку, вздохнул я. – Ничего нового, ничего толкового, всё на эмоциях, всё по штампу. Не цепляет.

– Дак вы только гляньте попристальнее, как он ей на ухо приятности шепчет, а Бабуленька-ягуленька ажно в смехе так и заходится, – скрипя зубами, буркнул Митяй. – От нутром чую, что энто он ей про нас всяческие гадости рассказывает. Вроде того, что у вас планшетка толстая, а у Филимона Митрофановича прыщ зелёный на носу зреет.

Я даже не стал отвечать на эту чушь, особенно по поводу планшетки. Да, пока были у наместника, я, не скрываясь, сунул туда пару круассанов. Кстати, для того же Мити!

Теперь не дам. Будет знать, как мою любимую планшетку толстой называть.

Меж тем переговоры Яги и молодого польского офицера закончились вместе с наливкой. Она подошла к избушке, поднялась по лесенке, изрядно приподнимая подол, чтоб не навернуться.

– Никитушка, вниз спустись. Тебе пан Тадеуш руку пожать хочет.

– Не ходите, Никита Иванович, отец родной, – опять дружно кинулись ко мне в ноги Митька с дьяком. – Да плюньте вы ему с крыльца на шапку и бежим! Не попустим нашей святой веры послабления! Не дадим наши духовные скрепы поганым католикам на поругание-е.

Я молча кивнул нашей эксперт-криминалистке, строго зыркнул на визжащую оппозицию и, так же не говоря дурного слова, быстро сбежал по ступенькам вниз.

– Лейтенант милиции Ивашов, Никита Иванович, честь имею.

– Тадеуш Мацейчук, шляхтич, з таможной служби, – слегка поклонился молодой человек.

По возрасту, думаю, года на три-четыре даже моложе меня, но уже с тонкими закрученными усиками! В принципе, и я давно мог бы отпустить, но как-то привык бриться ещё со школы милиции. Такие у нас были устоявшиеся традиции в Москве.

– Я слухал о сыскном воеводе при кроле Грохе, – весьма неплохо владея русским, начал пан Тадеуш. – Вы шукаете немецкого принца Йохана? Не мог бы вам помочь, то я был младень в том року. Но, быть может, стара трактирщица под Варшавой укажет вам.

– Э-э, прошу прощения, – на минуточку сбился я. – А можно получить несколько более конкретный курс?

– Куда уж яснее, пан Ивашов. Ровний шлях!

– Чудесно, пан Мацейчук, то есть трактир где-то под Варшавой – это очень ясно, очень ровно и любой пальцем покажет?

– Да какая она есть по размеру, та Варшава?! – легко парировал молодой человек. – Старо место, два костёла, одна площадь, двадцать – тридцать домов и вкруг крепостная стена. Пан сыскной воевода любого пьяка[2] спросит, а тот уж за грошик укажет вам на тот чёртов трактир.

Подумав, я попытался хотя бы на миг представить политическую карту этого сказочного мира, мысленно плюнул на это дело, кивнул и не стал париться.

– Огромное спасибо за содействие органам правопорядка.

– Всегда рад помочь русскому другу-офицеру, – тепло улыбнулся он. – Не верьте продажным дипломатам, не верьте сейму, не верьте нашему кролю – в Польше любят русских. Наши предки говорили о трёх братьях-славянах – Лях, Рус и Чех. Их поссорили общие враги.

– А у нас до сих пор один из лучших фильмов о войне «Четыре танкиста и собака».

– Э-э…?!

– Блин. Я дурак. Простите. В общем, был рад знакомству. Надеюсь, мы и впредь будем на связи. Если что, обращайтесь напрямую! Меня всё Лукошкино знает.

– До видзення. – Поляк тепло пожал мне ладонь.

Хороший парень, могли бы дружить, жаль, что больше не встретимся.

– Одна минута. – Таможенник задержал мою руку. – Примите совет, лейтенант Ивашов, вам вольно лаять нашу шляхту, нашего кроля, наших чиновников, но никогда (!!!) не трогайте саму Польшу. Польша – великая страна, она всегда будет чистой, прекрасной и непорочной! То ясно?

– Яснее не бывает, – согласился я. – Если при мне кто-то начнёт ругать Россию, то тоже получит в морду!

– Пан русский милиционер мыслит, як поляк!

На этом мы расстались, наша группа спокойно продолжила свой путь.

Митька и дьяк Филимон сидели по углам, надутые и обиженные неизвестно на что. Видимо, их всё так же не устраивали мои мирные переговоры с польской стороной, они помнили и культивировали свои «исконные» обиды, автоматически переводя их уже на всенародный или даже «государственный уровень».

Не хочу во всё это лезть, потому что, честно говоря, моя

голова уже была занята другим. Нежный образ моей молодой жены вдруг всплыл в подсознании. Глубокие глаза Олёны стояли перед моим внутренним взором, заслоняя мелькающие за окном хутора, реки, озёра, леса и поля. Я необычайно остро, до колкой рези в сердце, почувствовал, как мне её сейчас не хватает…

Мы, мужчины, не приучены вслух говорить о своих чувствах, но, если по совести сказать, так у нас толком и медового месяца не получилось. То одни дела, то другие, то расследование, то погоня, то с домохозяйкой скандалы, то её вообще вместе с царицей и простой крестьянкой похитили. Господи, когда нам элементарно нацеловаться-то было?!

Я не уверен, что вы понимаете меня правильно, да мне и не нужно. Тут ведь личное, а не всё, что у тебя в душе, надо выносить на суд честной публики. Просто…

– Неплохой мальчонка этот Тадеуш, хоть и усы зазря отпустил, жиденькие они у него. А ить возрастом как тот же принц Йохан. Даже фигурою чуть-чуть похожи.

– Вам видней. – Я попытался восстановить в памяти портрет разыскиваемого австрийскими властями наследника престола.

По идее надо было бы выпросить у Кнута Гамсуновича ту миниатюру и показывать возможным свидетелям, но посол же не дал. Типа у него этот медальон один, а портрет принца приравнивается к национальному культурному наследию. Немцы в таких вопросах порой чрезмерно сентиментальны, до скупых слез и пения гимна!

А копию перерисовывать тоже было некогда. Да и некому. У нас на все Лукошкино один только богомаз Савва Новичков на такое способен. Но, с другой стороны, ему-то как раз привычней творить в авангардной манере. И не факт, что нас самих бы потом не задержали те же немцы, сунув в тюрьму за «оскорбительное изображение его высочества»…

– Избушку я на Варшаву направила, – тихо подкатилась сзади Баба-яга. – А покуда едем, не хочешь ли, сокол ясный, с Олёнкой своей поболтать?

Я замер, Митя и дьяк навострили уши.

– Иди уже на крыльцо, там хоть и ветер свистит, зато никто вас подслушивать не будет.

– А ежели мне оно для докладу надобно?

– А ежели кому козлобородому разговоры сердечные для докладу надобны, дак он у меня так помелом по заднице огребёт, – честно предупредила бабка, цыкнув зубом, – неделю в уборную стоя ходить будет! Даже и по большому…

Наш младший сотрудник тоже, видимо, имел, что сказать, но, глянув в желтеющие глаза Яги, резко передумал. Покосился

недоверчиво на тяжёлое помело, прикинул что-то там в уме, произвёл математические, физические и химические уравнения, вывел результат – и молчок. Всё-таки, что ни говори, а Митя умеет учиться на собственных ошибках.

Вот дьяк нет!

Впрочем, на данный момент и он не рискнул так уж открыто настаивать на своём. Просто пересел поближе к двери, делая вид, что дышит свежим воздухом у косяка, и максимально оттопырил уши. Ну-ну…

– Вот, держи. – Моя домохозяйка полезла в старый, окованный железом сундук, стоящий в углу, достав небольшое зеркальце в серебряной оправе с длинной ручкой.

– Три раза на него дунь да и попроси вежливо Олёнушку твою показать. Ежели она сей час в отделении сидит, то и через другое зеркало ответить сможет.

Я выхватил из её рук волшебную вещь, чмокнул бабку в щёку и ринулся к двери с такой скоростью, что едва вообще не вылетел с крыльца. Сел прямо на порог, прижав спиной дверь и, крепко держа зеркало перед собой, трижды осторожно дунул на своё отражение.

– «Свет мой, зеркальце! скажи да всю правду доложи», – на автомате вспомнил я, но тут же поправился: – Извините, а Олёну можно?

Поверхность стекла на миг запотела, потом пошла рябь, как изображение в плохом телевизоре, а потом…

– Э-э… Олёнушка?!

На меня уставились две изумлённые физиономии – бабкин кот Василий и азербайджанский домовой Назим. Оба сидят на старом персидском ковре ручной работы, перед ними блюдо плова, бараньи потроха, запечённая курица, три вида шашлыка на шампурах, молоко, айран, ну и кувшин вина, конечно! Бакинское застолье в отделении!

– Ребята, быстренько позовите сюда мою жену, и я забуду всё, что тут видел.

Ошарашенный кот подошёл к зеркалу-приёмнику со своей стороны, потёр его лапой, лизнул, понял, что происходит, и скроил своё знаменитое выражение лица (моськи, физы, морды?) из серии «ничего не докажете, меня заставили, я вообще ни при чём, просто мимо проходил, вот подстава, зуб даю, участковый!». Коты такое умеют.

– Олёна, – напомнил я.

Василий отрицательно помотал головой.

– Назим, а вы не видели…

Пока я смотрел на кота, азербайджанский домовой

мгновенно скатал поляну и исчез под печкой. Всё, доказательств нет, улики спрятаны, давить на совесть этих двоих прохиндеев бессмысленно.

– Она хоть дома?

Вася отрицательно помотал головой, потом махнул лапой куда-то в направлении двора.

– На территории отделения?

Василий подумал и махнул ещё два раза.

– В огороде, что ли? На базар пошла или к царице в гости?

Кот схватился обеими лапами за живот и покачался из стороны в сторону.

– Заболела? Пошла к врачу?

Бабкин питомец неопределённо пожал плечами, может, и не заболела. Может, и не к врачу, но ушла, дома её нет в любом случае, и, когда вернётся, неизвестно.

– Ладно, понял. Передай, пожалуйста, что я звонил. А в целом как там у нас, нормально?

Это был вопрос в никуда. На миг мелькнул здоровущий чёрный хвост, и кот просто ушёл из зоны видимости, дальнейший разговор был ему неинтересен. Зеркало вновь пошло рябью, значит, сеанс видеосвязи закончен. Вот и поговорили…

Практически в ту же минуту сзади деликатно постучали.

Я встал.

– Никита Иванович, картошечка по-крестьянски упарилась. Идите уже обедать, а то бабушка без вас и откушать по-людски не дозволяет. Ложкой дерётся пребольно!

– Иду, Мить. Держитесь там.

Действительно, Баба-яга держала оборону у печи, вооружённая длинной деревянной ложкой. На лбу нашего младшего сотрудника уже зрели две крупные шишки. Дьяк вообще лежал под столом, яростно дуя на обожжённые пальцы, а перед его носом, собирая пыль с пола, покачивалась горячая картофелина.

– Всем мыть руки, – потребовал я.

Бабка согласно покивала. Волшебное зеркало я сунул в тот же сундук. За стол сели все вместе, чинно, благородно, как в приличных английских семьях.

Отварная белорусская картошка с укропом и жареным луком была просто великолепна! Мы вчетвером легко расправились с большим котелком, когда избушка вдруг резко встала.

Ягу как пушинку кинуло на меня, меня – на изумлённого Митю, Митю – на перепуганного дьяка, а уже Филимон Митрофанович, придавленный тройным весом к полу, прощально пискнул:

– Церберы вы милицейские и есть! Жаловаться буду на извращения эдакие-то! Ежели тока вы-жи-ву-у…

– Младший сотрудник Лобов?

– Я, батюшка участковый!

– Приказываю выползти из-под меня и главы экспертного отдела, слезть с гражданина Груздева, выйти за дверь и прояснить обстановку.

– Рад стараться!

Он одним рывком, ценой взвывшего от боли дьяка, встал, рассадил нас с Бабой-ягой на лавках и пулей метнулся исполнять. Назад вернулся через секунду, бледный, но заинтересованный.

– Могу ошибаться, Никита Иванович, однако ж стоит там поперёк дороги знатный господин на козлиных ногах. Одет богато, в одной руке сабля, в другой бутылка, а на лбу рога, как у всамделишного чёрта. Чё делать-то будем? Может, его сразу лопатою промеж рогов? Дык позвольте, со всем моим усердием…

– Чертей в Польше хватает, однако же, судя по описанию, встретили мы под Варшавою самого…

Тут дверь в избушку распахнулась от широкого удара ноги, и на пороге встал эффектный полный пан в ярких национальных одеждах, со жгучим взглядом, кривым носом, длинными усами и кривыми рожками на лбу.

– Га! То мой обед?! – Он взмахнул кривой саблей.

Никто и слова вымолвить не успел, как взвившийся винтом Филимон Митрофанович широко осенил гостя крестным знамением.

Чёрт в один миг стал тих, как швейцарская овечка. Чем и поспешил воспользоваться наш Митенька, со всей дури врезав нечистому деревянной лопатой в челюсть!

Рогатого варшавянина откинуло в угол, со звоном приложив башкой об окованный железом бабкин сундук.

– Лукошкинская опергруппа, приятно познакомиться, – запоздало выдал я.

– Дзень добрий, шановне панство, – вежливо кивнул чёрт, лежащий в углу неподкованными копытами кверху. – Тока ногами не забийте, добрже?

– Так ты ж, дух нечистый, праведных людей с пути истинного сбивающий, супротив Господа Бога восставший, ещё нам и условия ставить будешь?! – с полоборота завёлся дьяк, и мне пришлось просить Митю надеть на него намордник.

– Бабуль, может, лучше вы начнёте?

Баба-яга скромно вздохнула, подошла к поднимающемуся гостю, протянула руку и произвела некое хитрое рукопожатие в масонском, негритянском или мексиканском стиле.

То есть они хлопнулись ладонями, поиграли пальцами, ударились плечами, потёрлись локтями, одновременно фыркнули в разные стороны, покивали направо-налево, дунули в нос друг другу и обернулись.

– Пан Смолюх розумеет по-русски?

– То так, ясновельможная, – осклабился толстый чёрт. – Я могу говорить на любом языке, хоть на китайском, хоть на суахили, хоть на эсперанто. Работа такая, сами понимаете. А кроме известной Яги Ягайло-Ягеллонской с кем имею честь?

– Ивашов Никита Иванович, лейтенант милиции при дворе царя Гороха. Это Дмитрий Лобов, наш младший сотрудник, а это…

– Дьяка в дупу! Мне довольно того, что я жму руку тому самому сыскному воеводе, что поставил на место самого Повелителя мух! – галантно поклонился чёрт. – Какая же нелёгкая занесла вас в весёлые земли королевства польского? Ей-же-ей, если я могу быть хоть чем-то полезен, то буду рад служить в милицейском полку!

Мы осторожно переглянулись друг с другом. Митя незаметно убрал в угол лопату. Филимон Митрофанович уже было засучивал рукава, но под строгим взглядом нашей домохозяйки сделал вид, что у него просто в районе подмышки очень-очень чешется. Я же после недолгого размышления взял под козырёк.

– Рад знакомству, господин Смолюх. Прошу к столу. Если вы действительно сможете помочь в нашем международном расследовании, это будет очень высоко оценено царём Горохом. Думаю, даже будет открыт туристский маршрут к памятнику Ивану Сусанину.

– Кто то есть?

– Э-э, чуть позже узнаете, – виновато прокашлялся я. – Быть может, чаю?

– Лучше моей хмельной настойки на малине, смородине да грибной плесени! Подставляйте кружки, люди русские! За что пить будем, за дружбу?

– Мы воздержимся, пан Смолюх, – останавливая мигом загоревшегося Митяя, твёрдо пресекла Яга. – А вот не поможете ли нам в поисках одного австрийского принца?

– Почему нет? Но пани знает – за любую помощь надобно платить.

– Митя, возьми лопату.

– С другой стороны, отчего ж не помочь добрым людям задаром? Мы, поляки, отличаемся славянской широтой души!

– Вы тут как хотите, а я покуда сяду на крылечке отчёт в думу боярскую писать, – неожиданно объявил дьяк, забрал письменные

принадлежности и вышел за дверь.

Похоже, крыльцо превращается у нас во что-то вроде отдельного кабинета, места для раздумий и частного уголка, где можно тихо посидеть одному. Хотя, в конце концов, должен же Филимон Митрофанович хоть где-то заниматься своими прямыми обязанностями – писать кляузы. Договор у нас с ним был, напишет – зачитает.

Мы же всей опергруппой уставились на нашего рогатого гостя. Пан чёрт, если можно так выразиться, подбоченясь развалился на лавке и, когда уже молчание стало неудобным, взял инициативу в свои руки:

– Карты на стол, сыскной воевода! Чего вам понадобилось в наших краях? Имейте в виду, то мои территории, я за них любому в горло вцеплюсь. Под славной Варшавою только мне зло творить позволено, а заезжая нечисть за то дань платит.

– Хм, у нас тоже есть такой криминальный авторитет в Лукошкине.

– Кощ Несмертельный, – с уважением протянул Смолюх. – Мы с ним давние знакомые, в своё время немало друг другу крови попортили. Как интригами, так и на саблях.

– Делили сферы влияния?

– Можно так сказать. Однако, сколь я наслышан, ваша храбрая милиция тоже не один раз его козни рушила?

– Было дело, – признали мы. – Арестовывали, даже сажали разок.

– Меня вам посадить не удастся, – широко ухмыльнулся усатый чёрт. – Хотя бы просто потому, что на землях королевства польского вашей милицейской власти нет. У нас тут свои порядки и законы.

– То есть, чтобы вот это нам сообщить, вы и остановили избушку?

– Я не имел намерения вас обидеть, пан Ивашов, но что, если мы сможем быть полезными друг другу? Я просто так помогу вам, а вы просто так поможете мне.

– Опять загадки разгадывать?

– Ох нет, Никитушка, – решилась подать голос Яга. – Ежели уж сам старина Смолюх поперёк дороги рогами становится, так дело серьёзное. Одной загадкой нипочём не отбояримся. Да тока, прежде чем хоть за что браться станем, уж сделай такую милость, скажи, чем ты, шляхта парнокопытная, нам помочь можешь?

– Что скажете, если я помогу вам тот трактир найти, где одна старая бабка ещё помнит красавчика принца Йохана?

– Дак мы, поди, и сами её отыщем. Варшава – город маленький, там все друг дружку знают.

– С тем не поспорю, – самоуверенно разулыбался Смолюх. – Однако же что, если та трактирщица моя родная бабушка? Вдруг да заупрямится старушка, упрётся лбом, хвост узлом завяжет да и слова из неё не вытянешь? Тогда как?

– Никита Иванович, а ить это наврядь шантажом попахивает, – осторожно прогудел Митька. – Может, того, я его снова лопатой урегулирую?

– Не сметь. Ваши условия?

Да, это сказал я. Просто другого варианта у нас не было.

Я хочу домой. К любимой жене. И совсем не хочу год-два-три опрашивать случайных прохожих, ища свидетелей по всей Европе в поисках давным-давно пропавшего принца, так понятнее? Пусть даже ради этого расследования придётся идти на сделку с чёртом!

Главный посыл – спасение нашей сотрудницы Бабы-яги от несправедливого судебного преследования – как-то сам собой отошёл на второй план. Да никто же не верил в её вину!

Я даже чуть было в сердцах не сунулся в сундук за зеркальцем волшебным, вдруг Олёнушка уже вернулась, но усилием воли сумел взять себя в руки.

– Гражданин Смолюх…

– Пан Смолюх, – поправил он, я кивнул.

– Хорошо, пан Смолюх, до того как мы перейдём непосредственно к делу, вы не могли бы дать нам две минуты на закрытое совещание?

– И то верно, пойду пройдусь по вашей крыше, на трубе посижу, воздуха свежего глотну, – миролюбиво зевнул польский чёрт и вышел из горницы.

Мы втроём, сгрудившись нос к носу за столом, уставились друг на друга.

– Ты как хошь, сокол ясный, а я ему не верю! Замутит лях хвостатый, себе служить заставит, а сам потом фальшивым золотом с нами и расплатится.

– Поддерживаю бабуленьку…

– Нет такого золота, чтоб сама милиция за-ради духа нечистого землю носом рыла! Не буду я у него ничего разнюхивать и экспертизу ему ни одну не покажу!

– Поддерживаю однозначно. Ишь какой, предложения не сделал, жениться не обещал, а уже экспертизу бабушкину ему покажи….

– Энто у нас в Лукошкине под рукой и сотня еремеевская стрельцов с пищалями, и царь-батюшка со царицею, да и весь честной народ! А тут, коли он тебя кинет, к кому жалиться пойдёшь, а?

– Поддерживаю бабушку, некуда нам тут податься, никто нас, бедных милиционеров, не любит, все вслед плюнуть норовят. А что тётка Матрёна с капустою делает, мрак…

– И самое главное, чё мы вообще у той чёртовой бабушки забыли? Может, она и не знает ничего полезного? Может, у ей склероз давным-давно страшенный? Может, она всех принцев Йоханами зовёт и ей по фигу, что они, к примеру, Филиппы, Себастьяны или того круче – Махмеды Али ибн Фарухи-оглы? Она ж, поди, в том трактире квасит не переставая?!

– Поддержива-а… э-э, минуточку. Трактир, говорите? Энто ж круто меняет дело. Хочу ихний трактир посмотреть! Оценить с точки зрения обслуживания клиентов. Я с вами, Никита Иванович, отец родной!

– Вот харя предательская, – вспыхнула бабка, и мне пришлось применить весь свой начальственный авторитет, чтоб они тут ещё и не подрались при посторонних.

– Брейк! Сели по разным углам и язык друг другу не показывать! Я внимательно выслушал ваши аргументы, оценил и принял к сведению. Всё верно, всё логично, всё так. Но не будем забывать, что мы находимся на территории сопредельного и не всегда дружественного государства. Так что без рабочего контакта с местными жителями нам никак не обойтись. А в том, чтобы побыстрее закончить это дело, чтобы обелить незапятнанное имя Бабы-яги, нашей старейшей и честнейшей сотрудницы, заинтересованы мы все! Вопросы?

– Чё он от нас хочет? – в голос выдали и Митька и бабка.

– Вот теперь его и спросите. – Я подошёл к печке, открыл заслонку и проорал в дымоход: – Пан Смолюх, можно вас попросить?

Дверь распахнулась, и на пороге показался совершенно голый дьяк. Соответственно, распахнулись рты и у нас троих. За спиной Филимона Митрофановича возник польский чёрт, широко сверкающий лошадиной улыбкой.

– А мы тут со скуки в картишки перекинулись. Не умеет играть пан Груздевский, ох не умеет, не его сегодня день, – объявил он.

Наша домохозяйка взяла Митину ладонь, прикрыла себе глаза и тихо выругалась матом.

– Да ежели б он, сукин сын, с крестей не пошёл, когда козыри бубны, дак я б ему, – взвился Филимон Митрофанович, эмоционально размахивая руками. Голый дьяк более всего напоминал бледного червя, пришибленного садовым инвентарём.

– Отдайте ему одежду, – попросил я.

– От всей души рад сделать приятное пану участковому, –

насмешливо поклонился рогоносец. – А кроме того, лично от меня просто так, в подарок, прошу принять листы того доклада, что этот милейший человек готовил к отправке вашему царю. Преинтереснейшее чтение, должен признать! Если по возвращении на Русь всех вас не отправят на виселицу или не посадят на кол, я буду крайне изумлён.

Он протянул мне два листа бумаги, исписанные мелким каллиграфическим почерком. Дьяк попытался перехватить их, не отнимая рук от прикрытия причинного места, но просто клацнул зубами в пустоте. Я даже не стал читать, что он там накарякал (потом без спешки посмотрю), а лишь кивком головы поблагодарив польского чёрта, спросил:

– Теперь к делу. Чем мы можем быть вам полезны?

– Вопрос щепетильный, – на секунду замялся он. – Можете убить мою бабушку?

– Митя, возьми лопату.

– Я имел в виду, после того как она вам всё расскажет!

– Митя, бей.

– Со всем моим удовольствием!

Один широкий взмах лопатой, чёрт мигом пригнулся, а не успевший увернуться Филимон Митрофанович, картинно сверкая ляжками, отлетел в угол. Описывать ту развратную позу, в которой он замер, у меня рука не поднимается и тошнота к горлу подкатывает. Уж, простите, не буду, бэ-э…

– Мир. Дружба. Переговоры, – поднял руки вверх пан Смолюх. – Чего сразу драться? Вы, русские, такие горячие, аж жуть! Учитесь терпимости у культурной Европы. По-вашему, это значит: бейте в конце разговора, а не после первых трёх слов.

– Гражданин Смолюх, вы только что склоняли сотрудников милиции к противоправным действиям, то есть убийству гражданина суверенного государства. Это нормально, по-вашему?

– Так я ж чёрт!

– И что, вас перекрестить для конструктивного диалога?!

– Нет, нет, нет! Обойдёмся без взаимных угроз. В конце концов, мы же цивилизованные люди. Ну, не все люди и не все цивилизованные…

– Присаживайтесь, – пригласил я.

Смолюх удовлетворённо сбросил рясу, штаны и ермолку на причудливо лежащего дьяка и пересел к нам за стол. Разговор начал как-то завязываться в более внятном ключе.

– Я своё слово держу. Вот хоть хвост вам даю, рубите на пятаки русские, как селянка краковскую колбасу, если совру!

– По рукам, – скрепя сердце согласились мы.

– За то и выпьем!

– Даже не думай, – жёстко предупредил я, когда Митяй резко метнулся за стопками. – Поговорим на трезвую голову. Вы дали нам определённые надежды или даже гарантии. Но мы до сих пор не знаем, чем именно должны расплатиться за ваши услуги?

– Так я вроде тонко намекнул…

– Ещё раз, если вы вдруг не поняли, мы – милиция. Не группа террористов, не наёмники, не ассасины, мы никого не убиваем.

– Та кого там убивать, зажившуюся и зажравшуюся старуху? – брезгливо поморщился польский чёрт, барабаня когтями по столу. – Один удар лопатой вашего холопа, и…

Я не успел остановить кулак нашего младшего сотрудника. Да и, честно говоря, не очень старался. Когда пан Смолюх поднялся с пола, его левое ухо оказалось плотно приклеенным к виску. Должен признать к чести поляка, что он не обиделся.

– Продолжим конструктивный диалог?

– Я всегда готов к переговорам, если ваш холоп больше не буд…

Ещё один удар кулаком, и чёрт начал потихоньку злиться.

– Я ведь могу и за саблю взяться…

– А ты меня в третий раз холопом назови, и посмотрим.

– Да кто ты есть?

– Вольный сын крестьянский, младший сотрудник милиции Дмитрий, сын Лобов!

Смолюх с недоумевающей ухмылкой обернулся к нам с Ягой и даже дьяком, но не нашёл ни одного сочувствующего взгляда.

– Не понимаю вас, русских…

– Мы тоже не всегда себя понимаем. Но не в этом случае.

Чёрт философски пожал плечами, зачем-то почмокал губами, закрутил усы и сдался:

– Пся крев, курва драна! Будь по-вашему, не надо никого убивать. У нас с бабушкой давний спор за варшавскую русалку. Я её хочу… ну, люблю то есть, а бабуля скрывает тайные слова, на которые она из реки Вислы выплывает. Пусть скажет, и нет проблем! Но корова старая всегда была против нашей любви…

– Прям как у того Шекспиру, что вечно повествования печальственные у нас, деревенских, ворует, – сквозь зубы шёпотом напомнил Митяй.

Дьяк и бабка кивнули, я же ограничился многозначительным молчанием.

– Так что скажешь, пан участковый?

– Помочь двум влюблённым? Разумеется, мы не против. Но вы уверены, что та же русалка имеет к вам ответный интерес?

– Ох, да кто их спрашивает, знаете ли…

– Представьте, знаю. У меня целых две знакомых русалки,

Уна и Дина, мы встречались в своё время. По служебной надобности, разумеется.

– Никитушка, сокол ясный, – тронула меня за плечо Баба-яга, – про любовь свою он не врёт, я ж мужское враньё на раз чую. А вот про девичьи чувства такой гарантии никак дать не могу.

– Пан участковый, пани Ядвига, пан Дмитрий (пше прошу за обиду, я не знал, что вы по роду службы тоже почти шляхтич), со смирением и кротостью прошу вас взяться за моё дело и убедить чёртову бабушку сказать те самые слова. Я же умолю её помочь вам в поиске того австрийского принца Йохана!

– Тока обмани нас, – цыкнула зубом Яга. – В баню со мной пойдёшь…

Ушлый пан Смолюх безропотно поднял обе руки вверх, признавая своё полное поражение и готовность тянуть с нами одну упряжку до конца.

Пять минут спустя мы всей опергруппой, включая предательского, но зато одетого дьяка и подозрительно любвеобильного чёрта, уже ехали к далёкой, прекрасной Варшаве, где стоял тихий трактир у реки Вислы и по той самой Висле гуляла знаменитая русалка с круглым щитом и кривым мечом.

По крайней мере, это было то, что я помнил ещё из советских мультиков моего детства.

Может, сейчас кто и не знает, но старая польская сказка говорит о том, что на символ варшавского герба претендовали многие: львы, единороги, орлы и прочие другие представители животного мира. Однако вольным полякам пришлась по сердцу история прекрасной русалки, которую турки (или немцы, или вообще китайцы) пытались выловить из Вислы для своего султана (или кайзера, или мандарина), но ничего из этого не вышло. Водяную деву спасли, и в качестве презента жители города дали ей щит и меч для защиты от любых врагов. Если я что и путаю, простите великодушно…

Как я понимаю, на данный момент речь идёт о той самой кудрявой красавице-русалке, в голую грудь которой так страстно влюбился наш польский знакомец, известный чёрт Смолюх.

– Чёткого плана действий у меня пока нет, – честно признался я Бабе-яге. – Просто сейчас мы исходим из показаний лишь одного свидетеля, но он рогатый, хвостатый и нечист на руку.

– Не тока на руку, – многозначительно повела носом бабка.

– Ну да, он в целом нечистый, если так можно выразиться.

Польский чёрт у окна делал вид, что любуется окрестностями и нас не слушает, но правое ухо его с золотой серьгой в форме перевёрнутого распятия, словно локатор, развернулось в нашу

сторону.

– Следовательно, будем действовать по обстоятельствам. Итак, что мы имеем? Трактир, которым руководит мать матери вот этого гражданина.

– Чёртова бабушка, – опять поправила Яга.

– Принято к сведению, но, по-моему, звучит несколько оскорбительно, нет?

– Ничуть, – не сдержавшись, брякнул Смолюх.

– Хорошо, раз уж вы в курсе, то не могли бы как-то поподробнее рассказать нам о вашей престарелой родственнице и о самом трактире? Что вообще это за место, есть ли запасной выход, какая публика, правила поведения и всё такое.

– Что ж, пан участковый, я скажу тебе всю правду, ибо на данный момент врать не в моих интересах, – решительно хлопнув шапкой о колено, объявил чёрт. Кстати, на макушке у него была лысина величиной с блюдце, так что, опомнившись, он тут же водрузил шапку обратно. – Бабка моя женщина старой адской закалки, теперь таких уже не делают. Скажет – как турецкой саблей отрежет! Строга, сурова, неподкупна, словно старый солдат, не знающий слов любви.

– Понятно, записал.

– И трактир её место страшное. Днём всё тихо, пристойно, люди ездят, фляки едят, варку пьют, но, как солнце зайдёт… у-у-у! Двери запираются, музыка гремит, а за столами сплошь упыри с вурдалаками сидят, да молоденькие ведьмы без платья (пше прошу, пани!) на столах танцуют, хвостами вертят. Коли только кто из честных поляков туда пошёл, так ему назад выхода нет…

– То есть их едят? – уточнил я.

– Не сразу, – слегка покраснел польский чёрт. – Но потом всё равно едят!

Я даже не стал пытаться додумывать, что он имел в виду. Моя домохозяйка чуть сощурилась и спросила:

– А что, в том трактире батраки не нужны ли?

– Всегда нужны! Как в хозяйстве без холопов? Но вот беда, наймёт их моя бабушка сроком на месяц, а они уже через неделю исчезают, как будто и не было.

– И вы не знаете куда?

– Пся крев, да знаю я, естественно! Но чего вы хотите от меня, чтоб я родную бабушку на суд католической церкви сдал и показания подписал? Так не дождётесь.

– Никита Иванович, – вдруг неожиданно очнулся молчавший доселе Митя. – А можно я его всё-таки лопатою тресну?

Я даже не успел резко ответить, как глава нашего экспертного отдела значимо подняла руку.

– Вот что, напарники, есть у меня идея…

Мы все вытянули шеи.

Примерно к пяти вечера, учитывая разницу во времени, почти неутомимая избушка сбавила ход на правом берегу широкой сине-зелёной реки с купающимися утками у берега, а на противоположной стороне золотились заходящим солнцем красные стены польской столицы.

Лично я никогда не был в Варшаве, но все говорят, что польки весьма красивы, что польское пиво очень крепкое, а польская кухня крайне своеобразная, вкусная и вся из натуральных продуктов. Конечно, всё это хотелось бы как-то проверить, но увы…

На данный момент мы свернули куда-то налево, не теряя столичный город из виду. Буквально через тридцать – сорок минут в стороне от столбовой дороги показался небольшой хутор из трёх домов за невысоким (метр с кепкой!) забором. На самом большом деревянном доме висела аляповатая вывеска «Restauracja u babci diablo».

Даже моего скромного знания латинского алфавита хватило, чтобы понять написанное.

– Довольно откровенно.

– А чего нам стесняться? – удивился польский чёрт, изгибая чёрную бровь. – Мы на своей земле! Здесь родились, здесь живём, здесь грешим и искушаем. Пусть простые люди своей головой думают, куда идут, а нам с того заведения одна сплошная выгода.

– Не поспоришь, – мелко покивала Баба-яга. – Ну что ж, соучастнички, все ли готовы?

– Все, – прозвучал мужской хор голосов.

– Может, кто струсил али мнение поменял, так пусть сразу уходит. Потом уже отступу нет.

– Умрём, но флот не опозорим, – чётко по моей команде продекламировали Митя, дьяк и польский чёрт Смолюх.

Каждый знал, что ему делать.

Первым в подозрительное, но крайне гостеприимное заведение зашли мы с Ягой.

Чёртов трактир не особо отличался от наших провинциальных кабаков. Небольшой общий зал с четырьмя длинными столами, за ними на табуретах сидели несколько человек самой криминальной наружности. На первый взгляд обычные люди, а не нечисть какая-нибудь.

Поляки громко разговаривали, орали песни, спорили, руками разламывали караваи белого хлеба, макали их в топлёное свиное сало и запивали пенным пивом из больших глиняных кружек с

покусанными краями. Ровно всё то же самое с поправкой на русскую речь вы найдёте и в Лукошкине.

За стойкой бара стояла невысокая, но необычайно толстая старуха, по красоте и возрасту соперничающая с главой нашего экспертного отдела. Одета в немецкое платье со шнуровкой и пышным декольте, на голове капор, из-под него во все стороны торчат седые локоны, более похожие на парик из архангельской пеньки. Лицо круглое, нос пятачком, густые чёрные брови, сросшиеся на переносице, но глаз намётанный…

Она грузно выбралась из-за барной стойки и поплыла нам навстречу.

– Русские? – без малейшего акцента и столь же безошибочно угадала чёртова бабушка. – Давненько у нас русских гостей не было. Чего желаете?

– Есть и пить, – цыкнула зубом Яга.

Обе старушки уставились друг на друга, словно бойцовые псы, мысленно взвешивая свои шансы и возможности противника. Судя по всему, силы были равны.

Две милые старушки поняли, что победителей не будет, и старательно улыбнулись.

– Для дорогих гостей есть хлеб, смалец, пиво и бигос! Чем платить будете?

Я молча достал серебряный рубль с профилем царя Гороха и хлопнул им по столу.

Хозяйка трактира подхватила монету, попробовала её на кривой зуб, поморщилась от боли (серебро же!), подмигнула, и через пару минут крепкая крестьянская девица в украинской вышиванке принесла нам две кружки польской варки. Это, как я понял, пиво такое.

Она даже не успела поставить их на стол, как в дверях нарисовался полный пан Смолюх. Он идеально выдержал время и актёрствовал согласно оговоренному плану.

– Га, кторий птах я захапил! А цо ты машь под сподницей, золотко?!

Присутствующие поляки грубо захохотали, стуча кружками, девица взвизгнула в объятиях чёрта, уже задиравшего ей юбку, но тут, как положено, появился герой.

Нет, не так, надо с большой буквы – Герой! Практически принц на белом коне! Ну без коня и не принц, но не это главное. Да вы уже и сами всё поняли, кого я пытаюсь заинтриговать?

– Пусти девицу невинную, грубиян нехороший! Ох и напросишься ты на богатырский кулак младшего сотруд… упс! Младшего крестьянского сына! Хотя я ж один у маменьки? Ну и… и… не знаю, я на таковые спектакли не подписывался, но вот в

рыло дам со всем моим удовольствием!

После чего Митя картинно «отдубасил» наглеца и за шиворот выкинул из трактира через окно. Девушка со слезами бросилась вон из заведения. Все взрывоопасно примолкли.

Мне показалось, что я слышу скрежет вытаскиваемых из ножен сабель и щелчки взводимых курков. Однако хозяйка трактира неожиданно рассмеялась булькающим смехом:

– Крестьянский сын, русский богатырь, моего бесноватого внука за шиворот выкинул? Добро же тебе, хлопец! Не хочешь ли у меня вышибалой поработать?

– Отчего ж нет, коли в цене сойдёмся, – сумел вспомнить свою роль Митька и после коротких торгов был полностью трудоустроен в цивилизованной Европе.

Первая половина нашего плана успешно реализовалась, а для решения второй на пороге смиренно показался дьяк.

– Во имя Господа Бога нашего Иисуса Христа и всех пресвятых угодников, простите, люди добрые, что к вам обращаюсь. У меня покрали все деньги, бумаги, документы, и не на что мне идтить до дому! Помогите, кто может! За любую работу возьмусь, подайте лишний грошик…

– Эй, монах, – мгновенно оценила ситуацию чёртова бабушка, – будешь гостям прислуживать, а то дура-девка сбежала. Году не пройдёт, как на обратную дорогу заработаешь.

– Век за тебя буду Бога молить, матушка, – сердечно соврал гражданин Груздев. – Я могу ещё и с посудой помочь, и полы вымыть, и бельё развесить, и вообще я ж мужчинка старательный во всяческих смыслах! Хоть поверьте, хоть проверьте-е…

Короче, одним намёком наш фискал в ермолке выбил себе зарплату втрое больше Митиной. Тот надулся, конечно, но как-то удержал себя в руках.

Теперь, когда на всех ключевых постах были наши люди, мы могли тихо, с осторожностью переходить к началу самой операции.

– Может, показалось мне, может, как, а только вроде не обиделась хозяйка, когда её внука родного, за ворот да штаны приподняв, из трактиру выкинули, аки собачонку брехливую? – как бы в никуда спросила Яга.

Ждать ответа пришлось недолго… Толстая чёртова бабушка с нереальной резвостью оказалась у нашего столика.

– Ты, Ядвига, зазря горло не дери. Был у меня внук, да, как у вас на Руси говорят, весь вышел.

– Что ж так? – Бабка словно бы и не обратила внимания, что к ней обратились по имени.

– Ворует. Деньги ворует у меня, подлец, пся крев…

– Вот что я скажу тебе, подруга, мой внучок милицейский, вот этот самый Никитушка, зело обучен воров ловить. Да ты и сама про то наслыхана, по глазам вижу. Ежели он тебе то дело распутает, обещаешь ли добром отплатить?

– Зуб кривой столетний за то даю!

– Смотри же! – грозно прошипела бабка, глядя родственнице польского чёрта прямо в глаза. – Коли сыщем мы тебе вора, так за то и ты нам про нашу пропажу правду поведаешь. По рукам?

Чёртова бабушка если и не всё поняла в деталях, то наверняка чётко уловила общую концепцию, а потому несколько раз старательно кивнула, щёлкнув себя когтем по выпирающему, как у мужчины, кадыку.

– Идём, Никитушка, пора за дело браться.

– Да мы только и делаем, что берёмся, расследуем и раскрываем какие-то не доведённые местной полицией «глухари», – буркнул я, хотя в принципе пока всё это укладывалось в рамки нашего сложносоставного рабочего плана.

Ведь, по сути, наша главная цель всего лишь выяснить, что известно (известно ли?) толстой хозяйке заведения о беглом принце Йохане. Все сердечные дела польского чёрта с варшавской (речной, водяной, польской) девой отступали на второй план. Что конечно же не значит, будто бы мы намеревались хоть как-то увильнуть или не сдержать слова.

Хозяйка трактира дала приказ нашему младшему сотруднику присматривать за порядком в заведении и, тяжело переваливаясь на ходу, как беременная Кощеевым яйцом утка, махнула нам рукой. Что ж, мы послушно пошли за ней по скрипучей лестнице наверх. Второй этаж заведения традиционно был оставлен на комнаты для постояльцев.

– Вот эти три на ночлег сдаю, а в этой сама живу. – Чёртова бабушка вставила ключ в замочную скважину тяжёлой, окованной железными полосами двери.

В других комнатках, как я обратил внимание, двери были тонкие и скорее даже декоративные, так что открывались пинком ноги. Что потом было со спящими постояльцами, думать не хотелось, я боялся оказаться правым.

– Входите, гости русские!

– Уж ты первой войди, хозяюшка. – Баба-яга вовремя остановила меня, когда я уже заносил ногу над порогом.

Толстуха удовлетворённо похрюкала, что, видимо, должно было изображать в данном случае счастливый смех. После чего пробормотала несколько слов на польском, что-то вроде: «Moj dom, moje pravo – ruby lewo, rubi prawo!»

В тот же момент дверной проём наискось перекрыли два тонких сабельных лезвия. Попади под такой удар человек, разрубило бы, как селёдку, на четыре куска.

– И при такой охранной системе, вы думаете, тут ещё кто-то может пытаться вас обокрасть? По-моему, было бы достаточно протянуть верёвочку с колокольчиками. Так ведь можно случайно и самой как-нибудь покалечиться.

– Глупости, пся крев, – отмахнулась улыбающаяся хозяйка. – Случайно под саблю не попадёшь, да и стала бы я такие вещи случайно ставить. За два года восемнадцать трупов по частям на кухню снесла! Колбасы кровяной наделала-а… кх… э-ях?!!

Последние слова она уже едва пробулькала, когда тихая Баба-яга в один миг неслабо придушила чёртову бабушку, накинувшись на неё с клюкой сзади.

– Слышь ты, курва старая, не доводи до греха! Я ить ведьма в законе, рубежи да понятия имею, шлёпалкой беспонтовой меня ещё никто не называл. Так что зубы зазря не показывай, не то до Страшного суда будешь только гороховый кисель дёснами пережёвывать! Милостыню на одной ноге просить, с одним ухом, без одного глаза и одна рука на перевязи для пущей жалости! Добрже ли розумиете меня, драга пани?!

– Сука-а…

– От суки слышу, – обрезала старейшая сотрудница нашего отдела, спокойно выпуская шею толстухи.

Та с хрустом покрутила головой, посмотрела на нас и неожиданно расхохоталась.

– Добро же, Ядвига и пан участковый, добро вам! Я тоже до поры гнев в узде держать буду. До заката сыщите вора! Сыщете – награжу, не сыщете – не обессудьте, у нас по понятиям разговор короткий – noz v bok!

Всё-таки язык братьев славян в большинстве случаев понятен русскому слуху без перевода.

Баба-яга подмигнула мне, огляделась и присела на табурет в углу комнаты. Кротко опустив взгляд, скромно сложила руки на коленях, то есть попросту предоставила мне возможность всё сделать самому. Ну практически точно так же, как в прошлый раз в чудесной крепости Брест. Ладно, всё равно других вариантов нет, попробуем разобраться, что же здесь происходит…

– Скажите, когда вы впервые заметили, что у вас пропадают деньги?

Чёртова бабушка ненадолго задумалась, протёрла пятачок рукавом и довольно подробно обрисовала ситуацию. Чувствуется, что эта ушлая тётка не первый раз даёт показания следственным органам.

В общем и целом картинка выходила вполне себе связная – в последние год-два её внук (не единственный, но любимый!) вдруг воспылал необъяснимой страстью к варшавской русалке. Если бы он называл русалками всех беззаботно плещущихся в реке роскошных польских красавиц, так нет проблем, но ведь этот рогатый пан Смолюх умудрился раскатать губу на подлинную речную деву с крепкой грудью и классической фигурой.

Бабуля, естественно, впала в полное недоумение, типа на кой оно тебе сдалось, внучек, если ниже пояса она сплошь рыбий хвост?! Но усатый чёрт упёрся, что-де раз икру она как-то могла метать, то и французские книги, обучающие всяческой любви, помогут, а они у него в избытке имеются. Я бы для излечения от таких предполагаемых извращений сразу в поруб отправил, но…

Мы не в Лукошкине, мы в Польше, под Варшавой. Короче, пару раз они крупно на этом поссорились, даже чуть ли не подрались, и, как-то проснувшись утром, хозяйка трактира заметила, что в сундуке, который она держала под кроватью, нет дневной выручки.

Войти в комнату, не зная заклинания, весьма проблемно, там же сабли режут на раз, всех профессиональных воришек в округе чёртова бабушка знает наперечёт, ни один на такое дело нипочём бы не решился. Таким образом, в подозрении остаётся лишь один, всё ещё любимый, но уже крайне подозреваемый внук…

– После первого случая кражи вы снова ставили сундук с деньгами под кровать?

– Нет, пан участковый, что ж я, дура, что ли?! В разные места деньги прятала – под матрас, под подушку, под стул, вон в шкаф одёжный, даже в сапоги свои высыпала, наутро – нет денег! Словно толстые кряковские голуби их склевали.

– Окна закрывались на ночь?

Чёртова бабушка молча продемонстрировала нам тяжёлые кованые решётки, закрывающие с внешней стороны оконный проём.

– И ведь тока, когда гадёныш энтот, пся крев, ввечеру в гости заходит, так сразу и покража!

– Уверены, что только в эти дни?

– А то! – всплеснула толстыми руками чёртова бабушка. – Я ж с ним по-родственному сижу до полуночи, пенную варку пью, речи его нетрезвые слушаю, сопли романтические ему вытираю. И ведь ночью, как иду в отхожее место, проверяю – деньги там, где положено, а утром лезу – нет их!

– Значит, вы подозреваете именно пана Смолюха?

– Холера ясна, кого ж ещё?

– Классический английский детектив в замкнутом

пространстве, – под нос себе пробормотал я, методично осматривая всю комнату, косяки, решётки, пол.

Ничего. Абсолютно. То есть в смысле никаких следов взлома, несанкционированного проникновения, подозрительных царапин у замка, пятен от кислоты, разъедающей дверь, подпилов у косяка, вывернутых болтов или ещё чего-нибудь в этом роде. Замок открывали родным ключом.

– А это… – Я в сомнениях остановился у маленькой двери в углу.

– Отхожее место, уборная по-вашему, – пояснила хозяйка уже с некоторым раздражением в голосе. Видимо, ей не очень нравится тот факт, что я не нашёл убедительных доказательств преступления, конкретно указывающих на её внука.

– Посмотрим.

В принципе, ничего необычного, уборная как уборная. Запах, пара мух, отсутствие туалетной бумаги, изрядная дыра прямо в полу, куда я, не удержавшись, всё-таки заглянул. И не зря…

– Простите, возможно, глупый вопрос, но всё-таки, вы, случайно, не ходите по ночам?

Толстая хозяйка трактира недоуменно вытаращила на меня свинячьи глазки, захлопав белыми ресницами. Баба-яга в свою очередь, не вставая с табурета, молча подняла вверх большой палец правой руки.

– Понимаете, если кражи происходят только в те дни, когда вы напиваетесь с внуком, то, видимо, под влиянием алкоголя вы сами с полусна, автоматически, как лунатик, пытаетесь перепрятать деньги. А поскольку ходите в туалет, то…

Чёртова бабушка, оттолкнув меня, метнулась в уборную, едва ли не по плечи сунув голову в дыру. На дне в зловонной жиже ещё поблёскивали несколько не успевших утонуть монеток.

– Пся крев!!! Холера ясна! Чэрна курва-а-а!!!

Я шагнул к Яге, мы с бабкой обменялись понимающими улыбками.

Дело было раскрыто, Смолюх оправдан, деньги найдены, правда, доставать их… Но это уже никак не проблема нашего отделения, верно?

– Хитры-мудры вы, люди русские, милицейские, – вынужденно признала толстуха, выходя из сортира. – Добро же, вы своё слово сдержали, так и я чести не уроню. Ступайте в зал, ешьте-пейте, для вас всё забесплатно. Я скоро следом буду.

Козырнув, я подал руку бабуле, и мы чинно спустились по лестнице на первый этаж.

Общий зал был подозрительно полон, невзирая на поздний час. Наш Митяй, скрестив руки на груди, с суровой физиономией

изображал трактирного вышибалу. На кухне у посудомоечного чана, по локти в мыльной пене, тихо матерился Филимон Митрофанович, а из-за дальнего столика за барной стойкой помахивал рукой наш коварный наниматель.

Мы с Бабой-ягой сели на предложенную скамью, и пан Смолюх лично сбегал на кухню за фляками и пивом. Жирный суп из требухи с большим количеством специй лично мне очень даже понравился. Янтарная варка тоже была выше всяких похвал, а с нашим пивом из Лукошкина вообще ни на грамм не сравнима. Что-то в Польше действительно умеют делать лучше, и, право, нам есть чему у них поучиться. Как и им у нас…

– Рассказывай, пан сыскной воевода, не томи!

– Ну, как-то разобрались мы, – уклончиво ответил я. – К вам лично больше никаких претензий нет. Ваша бабушка обязалась помочь нам в решении наших вопросов.

– А как же мой вопрос? Как же моя любовь, что сердце мне разрывает и всё нутро, словно огнём, палит?!

– Если речь о любви пылкой, но платонической, то никаких препятствий ваша родственница не видит. Общайтесь, сколько захотите.

– Значит, старуха сказала вам заклинание?

Мы переглянулись с Ягой.

– Это в смысле слова волшебные, которые петь надо, чтоб варшавская русалка из вод Вислы на голос выплыла. Те заклинания чудесные сказала ли она вам?!

– Нет.

– От стара курва, – от души выругался чёрт, одним махом осушая литровую кружку пива. – Пше прошу, но получается, что вы её вопросы разрешили, а не мои? Не по чести получается, гости русские.

– Давайте подождём, пока ваша уважаемая бабушка к нам присоединится.

Однако подвыпивший польский чёрт, исполненный обиды и национального гонора, просто не пожелал кого-то там ждать.

– Шутить вы со мной вздумали?! Я – Смолюх, а не мелкий бес, что толкает католического монаха посмотреть вслед проходящей мимо церкви красотке. Со мной такие фортели не проходят. Вы своё слово не держите, какое же за то к вам может быть благородное отношение?

– Не горячитесь.

– Доколе мы тут русский великодержавный шовинизм терпеть будем, паны шляхтичи?! – взвыл польский чёрт, хлопнув шапкой по колену. Блестящая лысина его ловила последние оранжевые отблески уходящего солнца.

– Буянит, – равнодушно зевнула Баба-яга.

Митяй возник рядом, словно по волшебству.

– Шуму и безобразий дозволять не положено, а особу скандальную разрешено из трактира удалить через подручные средства, – честно предупредил он, но гонор Смолюха был выше Эвереста и всего Кавказского хребта.

Поверьте, это Польша, это просто надо знать. Я не виноват, работа у нас такая.

– Без обид, ежели что?

В одно мгновение чёрт, схватившийся за саблю, был отправлен в далёкий перелёт до ближайшего окна и вместе с рамой на шее вылетел в наступающую ночь. Абзац.

Наш младший сотрудник удовлетворённо обтёр руки о штаны.

Мы с бабкой молча встали слева и справа от Мити.

– А чё не так-то, Никита Иванович?

Честно говоря, мы несколько не подрассчитали время. То есть этот польский аналог фильма «От заката до рассвета» переключил каналы, и теперь со всех сторон на нас облизывались такие жуткие рожи, что я в очередной раз пожалел об отсутствии на поясе кобуры с табельным пистолетом.

А из-за соседних столов, роняя табуреты и вытаскивая засапожные ножи, упыри, вурдалаки, лешаки, ведьмы, или кто их там всех разберёт, разнообразнейшие иные подвиды всяческой местной нечисти оскалили зубы. Ох и рожи-и, скажу я вам…

– А чего ж, у нас в Лукошкине по святым праздникам и не такие хари встречаются, – спокойно ответила Яга, ни на миг не покривив душой. – А вон тот вурдалак с бородкою и носом, как солёный огурец, вообще на мужа моего похож. На третьего али шестого, покойного.

– И сколько их было? – зачем-то спросил я.

– Может, семь, может, шестнадцать. Да я и не упомню всех. Память-то девичья…

– А можно об них всех со всяческими подробностями? – взмолился Митька, отвернувшись от хрипящей наступающей толпы польской нечисти. – Уж я дюже люблю истории печальственные про то, как все умерли.

– И вы все умрёте, – с традиционно гаденьким, утробным хохотом раздалось с лестницы. – Вот и посмотрим на силу вашу русскую, а то сзади придушить да деньги мои в мой же сортир смыть – много ума не надо. Я такого не прощаю, шуток не люблю, вы меня не злите. Пся крев!

– Гражданка чёртова бабушка, – в последний раз попробовал я воззвать к её разуму, – вы не можете не понимать, что это будет

серьёзный международный скандал. Царь Горох крайне строг в таких вопросах, и нападение на стражей правопорядка карается самым суровым образом.

– Zabey ich!

Даже Митя всё понял правильно. Осмотрелся, убедился, что скелетов и мертвецов нет, и потом поднял на меня собачьи глаза, полные неизбывной мольбы. Как я мог ему отказать?

– Младший сотрудник Лобов, приказываю вам очистить помещение от криминального элемента.

– Слушаюсь, отец родной! Э-э-эй, берегись, зашибу-у!!!

Он подхватил свободную скамью и, вращая её над головой круче любого мастера кунг-фу, врезался в толпу рычащей польской нечисти. Это было похоже на то, как если бы скучающий медведь-шатун встретил в лесу пьяных, вконец укуренных голландских туристов.

Первый же леший (ну, морда зелёная, в волосах шишки, борода рыжая и в ней мухи копошатся, а когти такие грязные, словно он ими в могильной земле рылся), короче, вот этот колоритный тип, шагнувший на метр вперёд и получивший скамьёй по зубам, вылетел в дверной проём вместе с дверью! А зубы кучно упали на пол. Вот так вам, панове…

– Митя, слева!

– Да не отвлекай ты его, Никитушка, дай парню душу отвести. Ить почитай с прошлого дела ни с кем не дрался. Пожалей мальчонку.

Пара нападающих – один горбатый упырь с накачанными губами, второй высоченный, как лось, но с козьей мордой и оленьими рогами – прорывалась с фланга, так что мне тоже довелось поразмяться. Горбуна я кинул приёмом дзюдо через бедро прямо в пылающий камин, а лося-козла-оленя (скотину полную!) перекатом с упором ноги в живот отправил за барную стойку.

После характерного звона посуды раздались не менее знакомые звуки бульканья. Видимо, это чучело радостно залегло под бочкой с тёмным пивом.

Баба-яга в трактирную драку не вмешивалась, предоставив это дело молодым. Чёртова бабушка тоже, она так и замерла наверху, не веря своим глазам, лишь изредка охая и ахая. Но самое весёлое началось, когда из кухни выпрыгнул вусмерть перепуганный дьяк и заорал:

– А ну угомонились, фулюганы бессовестные! Креста на вас нет! Тю-у!

С этими словами он выплеснул на вражескую сторону ведро грязных мыльных помоев, и…

– Woda њwikcona! – взвыли все, мгновенно покрываясь язвами, глубокими ранами, дымясь и едва не распадаясь на части. Ох, это был фокус…

– Филимон Митрофанович! – строго прикрикнул я. – Откуда вы взяли святую воду?

– Дак я и не… так, перекрестился по русскому обычаю перед мытьём посуды. Опосля у меня крест серебряный с грудей впалых в ту бадейку плюхнул, но я его выловил. Может, оно какое чудо Господне тут сподобилось?

Я покачал головой и признал, что, пожалуй, могло бы и запросто.

Мы же все тут в сказочном мире живём, так и всё что угодно здесь может быть. Посрамлённая нечисть, теряя на ходу конечности, пальцы, уши, носы и прочие части тела, неорганизованной биомассой потянулась на выход. Быстро, толкаясь и суетясь.

Благо, как вы помните, самой двери уже не было, и возможность раствориться в ночи предоставлялась всем, кто двигался пошустрее. Не особо быстрых преступных элементов бдительный Митька подгонял изрядно потрёпанным помелом. Пяти минут не прошло, как поле боя полностью осталось за нашей опергруппой.

– Думаете, победили меня, гости русские? Так вот же вам за все обиды, за все… за всё… ох, холера ясна, да кому какая разница за что, но вот вам!

На последних трёх словах в разгромленный трактир, гордо выпятив грудь, вошёл толстый польский чёрт Смолюх. Он даже удивиться не успел, когда с губ чёртовой бабушки слетел густой плевок и трактир, его будущее законное наследство, разнесло в хлам!

То есть, поправлюсь, взрыв был такой, что стены задрожали, крышу унесло в сторону Чехии, а мы вчетвером с трудом удержались на ногах. Кстати, не более того! Никто не пострадал, никто не ранен, никого ничем не придавило. «Даже дьяка», – с секундным сожалением подумал я.

– Шумит тут, взрывает всякое. Задеть же могла…

– Ядвига, стерва-а! – взвыла обиженная чертовка. – Твои штучки?!

– Повыражайся мне тут, – рявкнула в ответ наша тихая домохозяйка, как я понимаю, чем-то успешно погасившая силу взрыва для всех нас. – Я ить могу попросить участкового и на пятнадцать суток тебя оформить за незаконное оскорбление сотрудников милиции при исполнении.

– Ох, я так прям вся испугалась. Да так тьфу на тебя!

– На тебя тьфу! Свинья тупорылая!

– Ворона драная!

– Корова безрогая!

– Коза косоглазая!

– Курва ты!

– От курвы слышу!

– Э-э, простите, милые бабушки, – осторожно вклинился я. – Не хочу быть невежливым, прерывая ваш конструктивный и, несомненно, очень полезный для дружбы народов диалог, но…

– Чего тебе ещё?! – одновременно зарычали на меня Баба-яга и хозяйка трактира.

– Да ничего такого уж особенного. Просто кажется, что вашего внука и нашего знакомого взрывом докинуло аж до Вислы. В окошко видно, что он тонет. Но ведь для вас это не проблема, нет?

Сверху раздался слабый стон, а уже через полминуты чёртова бабушка кувырком катилась с лестницы, спеша на помощь своему любимчику. Мы все, естественно, ломанулись следом, благо само питейное заведение стояло почти вплотную к песчаному берегу реки.

Вольная и широкая Висла безмятежно несла свои воды, а метрах в десяти от берега, не сопротивляясь, бултыхался на волнах в богатых парчовых одеждах один из самых известных чертей польской мифологии. Пан Смолюх едва удерживался на воде, видимо элементарно не умея плавать, да и в пекле, как вы понимаете, не этому учат.

– Не надо, соколик, – предупредила Яга, кладя руку мне на плечо, хотя я уже успел скинуть китель.

– Но он же погибнет!

– Так, может, его спасению родная бабушка вдруг посодействует?

Хозяйка разгромленного трактира, побегав туда-сюда, заламывая руки, вдруг резко решилась на что-то и, упав на колени, закричала:

– Rzeczna syrena-a!!!

– Речная сирена? – недопонял я, через секунду сообразив, что в «Одиссее» русалок тоже называли сиренами.

Собственно, их ошеломляющее пение, одновременно служащее сигналом опасности, и дало жизнь современному слову «сирена», обозначающему громкий, тревожный звук. Кажется, так, если только я ничего не напутал. Но, надеюсь, не в этот раз…

Видимо, всё-таки нет, потому что практически в ту же минуту, как Смолюх, бултыхая копытами, скрылся под синей водой, его тут же вынесла на поверхность милая голая девица с

классическими чертами лица. Неужели это и есть та самая русалка?

– Не вышло у тебя ничего, подруга, – тихо вздохнула Баба-яга, обнимая чёртову бабушку за плечи. – Не след нам стоять на дороге молодых. У них своя правда и своя судьба.

– Ядвига, я ж… он же… а она-то, но я как могла?!

– Что было, то быльём поросло. Однако, польской чести ради, слово своё сдержи. Мы твою покражу нашли, так и ты нам на то, что мы ищем, ответ дай. Что знаешь про прекрасного принца Йохана?

Чёртова бабушка выругалась сквозь кривые, неровные зубья, глядя на то, как варшавская русалка на мелководье делает искусственное дыхание «рот в рот» её внуку, а у того чуть ли штаны не рвутся от воодушевления, вздохнула, сплюнула и честно ответила:

– Дело давнее, но был у нас тут такой. Австриец! Весь из себя красавчик, блондин кучерявый, глаза голубые, губки розовые, фигурою хоть к Микеланджело итальянскому позировать для Давида. Так о чём я? В земли немецкие он путь держал, через пражские чащобы да в чёрный Шварцвальдский лес. Я уж пыталась под пиво его отговорить, да не смогла.

– Себе оставить хотела?

– Была такая мысль, – не стала врать бабуля Смолюха. – Но в доме одна голова должна быть, а с его арийским норовом даже я и двух дней ужиться не смогла бы.

– Так где нам теперь искать того принца?

– На шляхе чешском, близ города Крумлова, туда он коня направил, а уж выбрался он из леса или нет, про то я не ведаю. Ой, так они ж… она ж…?! Слушай, а интересно получается, кстати. Я и не мыслила, что вот так тоже можно…

Ох! Русалки. Что поделаешь, если ты всё время живёшь в холодной воде, то волей-неволей пытаешься хоть как-то прижаться к горячему телу. Собственно, прямо этими интимными прижиманиями и занималась сейчас знаменитая варшавская русалка в отношении лысеющего польского чёрта. Кстати, на вид по уши всем довольного!

– И последний вопрос, – вдруг решился спросить я. – Он, случайно, ничего не рассказывал о нашей Бабе-яге? Ну там, что встретились в России, что он ночевал у неё в избушке, что они…

– Никитка, – сухонькая бабкина ладонь отвесила мне незаслуженный подзатыльник, – я ж тебе говорила: не было ничего! Даже в щёчку не чмокались!

– Вот уж не поверю, – глядя, как русалка обнимает её внука, проскрежетала зубами чёртова бабушка. – Йохан-то, холера ясна,

ни одной юбки не пропускал, везде, где тока мог, рождаемость увеличивал. Ему что шляхтянка, что холопка, что молодая, что старая – всё едино, главное, лишь бы не мужик! Да и в том, ежели вдуматься, особой уверенности нет.

Нам оставалось лишь поблагодарить толстую хозяйку нами же разгромленного трактира за содействие милиции и, собрав всю опергруппу (включая прикомандированного дьяка), по-тихому возвращаться к нашей избушке.

Она верно ждала всех нас за воротами чертячьей усадьбы, чуть поджимая озябшие на предрассветном холодке куриные ноги. Закупаться нам ничем не требовалось, ещё с Белоруссии продукты не подъели, поэтому бабка просто отвела избушку подальше, километра три вниз по течению от недалёкой, сонной Варшавы, и я, поблагодарив всех за службу, дал приказ отдыхать.

От собачьей усталости, дикой передозировки эмоций и осознания полностью выполненного долга почти разом рухнули все. Баба-яга забралась на тёплую печь, Митяй улёгся на тулупе у порога, Филимон Митрофанович лёг на коврике под столом, а я на широкой лавке у окошка.

Помню, что ещё собирался было позвонить через волшебное зеркало Олёне, когда все уснут, но, кажется, сам же и уснул первым. Такое бывает. Вот, кстати, сон свой я почему-то запомнил.

Как будто бы мы с Кощеем Бессмертным сидим на цивилизованных деловых переговорах в одном из московских кафе, я пью зелёный чай, он вроде бы какой-то элитный кофе. Из тех, что «наши циветты выбирают для вас лучшие зерна». Одеты оба по гражданке, и Кощей не лысый, как обычно, а в эффектном парике а-ля Кобзон.

Причём я-то отлично понимаю, что он по-прежнему крупный уголовный авторитет, но тем не менее задержать его не пытаюсь, а, наоборот, почему-то говорю с ним о классической литературе и прочем.

– Мне тоже Фейхтвангер не пошёл, а вот в Платонова вчитался.

– Бывает такое. Служба как?

– Ровно.

– Так в целом хоть платят нормально?

– Мне хватает.

– Зарплату не задерживают?

– Нет.

– Ну-ну… В мою фирму перейти не надумал?

И как будто бы я встаю и за такие слова молча выливаю ему свой чай из чашки прямо на голову. Кощей там вставными зубами

скрепит, рожи корчит, салфеткой лицо вытирает и цедит многозначительно сквозь кривые тонкие губы:

– …ведёшь себя как мальчишка. Взрослеть пора.

Дальше какая-то полная ерунда пошла, тигры гуляли по московским улицам, я от них по пожарной лестнице в большущую гостиницу лезу, срываюсь, падаю, но чудом приземляюсь на ноги.

А сам Кощей в это время спокойно садится в красивую чёрную машину, почему-то с дипломатическим флажком Финляндии, и уезжает, на прощанье помахивая мне ручкой. Причём даже не оборачиваясь, издевательски то есть. Дурацкий сон, ни о чём.

Потом меня разбудила песня. Очень знакомая, но не такая, как я слышал в детстве. То есть что-то безумно родное, но тем не менее как-то не совсем…

Нет наутро водки,
Царь не похмелился.
А не похмелился,
Очень разозлился.

Очень разозлился,
Топнул вдруг ногою –
Терем развалился,
Скрылся под землёю.

А за ним весь город
И леса, где белки…
Оттого что не было утром опохмелки!

Я встал, потянулся, продрал глаза. Оказывается, встали уже все. Наш младший сотрудник что-то распевал на крылечке, дьяк, высунув язык набок, сосредоточенно строчил что-то в уголке, периодически закатывая глаза и покусывая кончик пера. Баба-яга тихо сидела себе за столом у раскрытого окна, мечтательно вглядываясь в даль.

– Бабуль, а с чего это вдруг у нашего Митяя певческий талант прорезался? – спросил я, присаживаясь на табурет напротив. – Это его с пасторальных пейзажей повело?

Бабка ответила не сразу, она тоже засмотрелась на аккуратные поля, маленькие белёные деревеньки с островерхими костёлами и ухоженные, словно с картинки, рощицы дубов или сосен.

– Тоска у него, соколик, – наконец вздохнула она. – Как мы с Белой Руси съехали, так тут он по Лукошкину и затосковал. Поди,

уж более часу поёт песни деревенские, дюже жалостливые.

У меня зрели жуткие подозрения, что песни-то как раз деревенскими и не были, но доказать я тоже ничего не мог. Просто был точно уверен, что где-то это уже слышал…

– Так как, теперь мы двигаемся за принцем прямиком в Германию?

– Чегось?

– Я говорю, маршрут у нас через Германию, так?

– Так-то оно так, а только чёртова бабушка ведь про Чешский Крумлов говорила.

– Согласен, но ведь по факту это серьёзный крюк. Он мог не заезжать в город.

– А я всё одно не верю, старая, что беглец наш прямиком в столицу немецкую бросится, – встрепенувшись, ответила Яга, возвращаясь к разговору. – Вспомни, ить он завсегда больших городов избегал. В Лукошкино не заехал, в Киев не попал, мимо Варшавы проскакал, стало быть, и в немецкие земли окольными путями пойдёт.

– Жаль, я уже хотел попросить Филимона Митрофановича написать плакат с надписью «На Берлин!» и танк нарисовать.

– А может, ему попроще было бы через Баварию хмельную, а?

– Чего мы гадаем, давайте прикинем научным путём. Карта есть?

– Как же без карт? – Яга начала хлопать себя по карманам, ища старую колоду.

– Я про географическую.

– А-а-а, – вставая, хмыкнула глава нашего экспертного отдела. – Митенька-а, Митя! Ну-кось, пошарь-ка от в сундуке, там на дне свиток бумажный хранится. Вроде как…

Если ктой-то звал кого-то
Ночью в лопухи
И потискал там кого-то,
Ну тогда хи-хи…

Наш увалень за дверями мурлыкал себе под нос что-то неприлично деревенское, никого не слушая, ни на что не отвлекаясь, никому не откликаясь.

И какая нам забота,
Что в смешных стихах
Ктой-то целовал кого-то
Ночью в лопухах!

Текст опять показался мне безумно знакомым, вроде это на мотив Роберта Бёрнса. Но ведь Митьку за руку ловить – безнадёжное дело, всё равно выкрутится, опять скажет, что это у них, деревенских, все всё воруют.

– Младший сотрудник Лобов, приказываю достать карту! – Мне пришлось повысить голос.

– Чёй-то? А-а, ща, будет исполнено, рад служить родному отделению. – Он быстренько махнул с нагретого места, бросился к сундуку, откинул тяжёлую крышку и едва ли не с головой нырнул внутрь. – Ох и бардак-то какой! Сам чёрт ногу сломит, а то и две. Ну да мы к трудностям привыкши…

Мгновением позже в избушке началась ковровая бомбардировка!

Первым пострадал ни в чём не повинный дьяк, строчивший за печкой очередной донос на нашу опергруппу, – ему прилетело по голове парой свалявшихся до состояния древесины валенок! Филимон Митрофанович свёл глазки к переносице, перекрестился и хлопнулся на бок.

– Упс, – сказали мы с бабкой, клубком кидаясь в разные стороны.

Там, где мы только что стояли, рухнул свёрнутый в рулон тяжёлый персидский ковёр. Попал бы – убил бы на месте! Никаких травм, никаких ранений, сразу два трупа…

Следом пошла яростная канонада самых неожиданных вещей, как то, к примеру: тульский самовар (ещё один!), плотницкий рубанок, старинная прялка с колесом, жостовский поднос, шесть пар женской обуви, лапти, ещё раз лапти, почему-то мужские, расписанная под хохлому табуреточка, сложенная вчетверо холщовая скатерть, связка деревянных ложек, топор без топорища, медная миска для варки варенья, ещё одна прялка, но уже без колеса, большая немецкая пивная кружка с крышечкой, двадцать пять (или двадцать восемь, я сбился со счёта) мотков шерстяной пряжи, утюг!

Нет, не «Тефаль», а нормальный такой утюг, дореволюционный, чугунный, в него ещё угли засыпают. Вес килограммов пять-шесть, на печке аж трещина образовалась.

Короче, когда мы с Ягой по-пластунски обошли Митю с флангов и бросились ему на спину, он как раз победно вскинул руку вверх с зажатой в кулаке картой.

После двух воспитательных подзатыльников наш старательный младший сотрудник наводил порядок в избушке и прикладывал компресс холодной сковородой к голове несчастного дьяка.

Мы же с бабкой чинно уселись за стол, развернув старую

карту Европы и русских земель. Разумеется, она существенно отличалась от всех известных мне картографических правил. Я попробую пояснить…

Вот, например, границы государств изображались весьма условным пунктиром, общие площади территорий, расстояния, леса, горы и реки были совершенно левые и рисовались от фонаря. Однако сами названия столиц и крупных городов звучали так же или очень похоже – Берлин, Варшава, Кряков, Праха, Опльзень, Мюнхен и так далее. Потому выверять и строить маршрут нам пришлось очень гипотетически, проще сказать – на глазок.

Бабкиной карте было лет пятьдесят как минимум, а то и все сто. Дороги изменялись, леса вырубались, города росли, деревни появлялись или исчезали, то есть после недолгих споров самым разумным было решение доверить выбор пути всё той же бабкиной избушке. Благо навигатор у неё явно спутниковый, а техническое управление самое простое – голосовое. Избушка, не задумываясь, взяла курс на Берлин, а далее на городок Фрайбург, что на границе того самого Шварцвальдского леса.

Ну и ладно, тут ей видней. А вот что мы будем делать, если никакого принца там нет? Идём ведь практически наугад, по непроверенным слухам и совершенно левым показаниям крайне неблагонадёжных свидетелей. Это не расследование, это тараканий квест какой-то…

Пока Яга щепетильно контролировала Митину уборку, я вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. Иногда полезно вот так отойти от дел в сторонку, проветрить голову, отпустить ситуацию, а потом попробовать взглянуть на проблему со стороны.

Я имею в виду банальное переключение внимания на что-нибудь другое, кроме нашей странной беготни за давно умершим принцем. Который, само собой, не может быть жив за столько-то лет, но не факт, что мёртв, если верить экспертизе, проведённой нашей старейшей сотрудницей.

Щурясь под лучами заходящего солнца, я расслабился, снял фуражку, вытянул ноги, с удовольствием подставив лицо встречному ветру. Тёплому и освежающему одновременно. Голова казалась восхитительно пустой. Связных мыслей не было.

Пока кто-то не вышел из дверей и кряхтя не присел рядом.

– Об чём задумался, аспид участковый, морда фараонская, ищейка легавая?

– Филимон Митрофанович, я же и пятнадцать суток влепить могу за оскорбление органов.

– Так ить то на святой Руси, а не в землях басурманских. Нет

тут твоей власти.

– В каждой стране свои законы, это верно, – не поворачивая головы, согласился я. – Но напоминаю вам, что избушка является суверенной собственностью Бабы-яги, а значит, в ней действуют законы Российской Федерации… тьфу, Российской империи… тьфу ещё раз! В общем, наши, русские, лукошкинские, от царя Гороха. Вас расстрелять?

– Да понял, понял, чё грозить-то, – хмыкнул дьяк без малейшего страха в голосе. – Шучу я. За шутки у нас не сажают. В тюрьму уж точно, хотя на кол запросто.

Я молча отвернулся, поскольку ещё не дошёл до уровня задушевных разговоров с этим двуличным лицемером и скандалистом. Навязали же его нам на шею, он сел и ножки свесил.

– Молчишь, сыскной воевода? Ну молчи, молчи, чё те ещё сказать-то? Ибо ныне ты, грешник, побивахом волею Божией по всем фронтам со своим законом, аки Голиаф камнями Давидовыми! Труба иерихонская всему твоему расследованию, и вот уж скоро сидеть Яге-бесстыднице в казематах немецких на хлебе и воде, покуда смертушка над ней не смилостивится, – выразительно пропел гражданин Груздев. – А принца вам не сыскать! Уж ежели он стока лет, аки конь лихой, по землям и весям рыскает, аки орёл небесный, под небесами парит, аки зверь лесной, след свой заметает…

Дверь вновь открылась, могучая Митькина рука сгребла гражданина Груздева за воротник старой рясы и увлекла в дом. Мысленно поблагодарив своего напарника, я попробовал снова уйти в нирвану, но ничего не вышло. Какая-то плохо различимая мысль билась где-то в области виска, раздражая и тревожа, словно зудящий комар над ухом.

А ведь как было приятно хоть чуточку отрешиться от всего этого, забыться, и если бы не дьяк со своей дурацкой болтовнёй про…

– Бабуля! – крикнул я, врываясь в избушку. – Мы меняем маршрут. Он не пойдёт на Берлин, он всё время ходит лесом! Вы встретили его, когда жили в лесу, Брестскую крепость окружают леса, чёртов трактир расположен в лесу, Фрайбург стоит у леса, и принц Йохан предпочитает именно лес всем столбовым дорогам!

– С чегой-то? – на всякий случай состорожничала Яга, и я слегка сдулся.

– Не знаю. Возможно, ему есть что скрывать от пограничников, полиции или военных. А быть может, речь идёт о банальном шпионаже. Шварцвальд, как я понимаю, очень большой лес, там можно хоть целую армию спрятать. А потом

блицкригом через Чехию, Польшу, Белоруссию, прямо на Лукошкино!

– Шпиён, говоришь?! А что ж, таковой мог бы, как помню, мордашка у него была очень уж подозрительная. Ну да спорить не стану, в Чёрном лесу хоть пять войск спрячь, никто не найдёт. Избушка-избушка, а иди-ка ты лесом в землю чешскую, блудному принцу вдогонку!

Транспортное средство на курьих ножках так резко развернулось, что мы вчетвером дружно врезались спинами в печку. Больно-о…

Сама ночь прошла относительно спокойно, ну только Митя жутко храпел и на тычки в бок не реагировал да дьяк Груздев вставал два раза в уборную. Приходилось останавливаться, потому что с крыльца он не мог – и неудобно, и руки дрожат, и против ветра. А так в остальном никаких проблем. Ни местных разбойников, ни диких животных, ни переходов реки вплавь, ни жары, ни дождей с грозами, вполне себе комфортное путешествие.

Размытую польско-чешскую границу мы, видимо, миновали ночью. Таможенные посты из десятка зевающих стражников стоят лишь в городках да на главных трактах, а на узких лесных тропинках кто нас искать станет? Ориентировки на наш поиск ни от кого не поступало, если что, бумаги у нас в порядке, ничего запрещённого не везём. Ну разве что контрабандную белорусскую картошку? Да если уж очень докопаются, можно просто приказать тому же Митьке всю её съесть. А то вечно жалуется, что мы его недокармливаем…

Встав где-то в шесть-семь утра, я только успел умыться, как наш младший сотрудник доложил, что наперерез по курсу следования избушки, вдоль соседнего поля, движется необычная процессия. Опрятный молодой парень с жёлтым гусем в корзинке, две девушки в длинных платьях, пекарь, трубочист, стражник в форме и с алебардой, толстая рыжая тётка в одной ночнушке, здоровенная собака, кошка и мышка. Мы замедлили шаг.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что гусь не жёлтый, а скорее даже золотой, словно бы его автомобильной краской из баллончика обрызгали.

Я приветливо помахал рукой из окошка.

– Добрий дэн, – крикнул мне парень.

– Добрый день, – поздоровался я, удивившись, как чешский похож на русский. – Мы иностранцы, впервые в ваших краях.

– А, цуземци, – с пониманием улыбнулся он. – Чем вам помоц?

– Подскажите, какой тут ближайший город? Нам нужно

место, где бы остановиться.

– Мисто? Ано! То е Старый Крумлов, – посовещавшись меж собой, решила странная чешская делегация, указывая нам на красные башни, видневшиеся на горизонте за лесом.

Я от души поблагодарил сознательных граждан, и наша изба прибавила ходу.

– Странные они люди, – пробормотал Митька, высовываясь в окно. – Идут себе друг за дружкой гуськом как приклеенные.

– Европейская страна, свои традиции, может, у них так принято, – пожал плечами я. – А теперь попрошу всех собраться, приодеться, причесаться и вообще быть готовыми к тому, что мы здесь представляем цвет русской милиции из Лукошкина.

Все покосились на меня с заметным недоумением. Ни в Бресте, ни в Польше таких приказов не было, с чего вдруг Чехии такая честь? Пришлось конкретизировать.

– Бабуля, вы могли бы никому не улыбаться хотя бы сегодня? Мы-то привычные, но прохожие шарахаются. Да и лошади на базаре до сих пор на дыбы взвиваются.

– Пожалуйста, – обиженно поджала губки Яга.

– Митя, не шмыгать, не вытирать нос рукавом, не петь деревенские песни на людях, никого не арестовывать «за неуважение к органам» и, самое главное, не сметь трогать кислую капусту!

– Я ж…

– Никакой дегустации!

– Да я пару раз всего и…

– Мы не дома, здесь тебя даже слушать не станут, а просто посадят за воровство!

– Так у них, поди, и вовсе кислой капусты нет.

– Не важно, – обрезал я, твёрдо глядя ему в глаза. – Ты меня понял. Я буду следить. Филимон Митрофанович?

– Сижу тут, избы не покидаючи, аки апостол Павел в пещере, докладную царю пишу, а ежели в тех бумагах на доблестную опергруппу поклёп бесчестный вести стану, дак сам свою писанину и съем. Верно ли изложил, змий ты окаянный при исполнении?

– В целом да, – согласился я. – Хорошо хоть кто-то научился понимать с полунамёка.

Дисциплина у нас в отделении хоть и хромает периодически на обе ноги, но в любом случае держится. А вот если на выезде, да ещё и за границей, тут, сами понимаете, гораздо труднее держать сотрудников в строгости. Слишком много искушений, свобод и пива!

Ну и к тому же сама преступность здесь какая-то несерьёзная,

кукольная, как все их европейские городки. Народ простой, работящий, улыбчивый, доверчивый, земля богатая, культура высокая, цивилизация со всяческими благами. Всё аккуратно и мило.

Вот угораздило же гражданина Бессмертного прицепиться именно к Руси-матушке? Пошёл бы со своими шамаханцами на Европу, давно бы всех тут завоевал, под свою железную руку поставил и грёб бы дань ежедневно – ни забот, ни хлопот. Шикарный план, мистер Икс!

Так нет же, этот худосочный мафиози вцепился в нас, как клещ, и не отпускает. Пунктик у него какой-то по этому поводу, мания или навязчивая идея. И лечиться не хочет…

В сам городок Чешский Крумлов мы попали ближе к обеду. Без проблем были пропущены стражниками у ворот, сопроводительные бумаги от царя Гороха и короля Фридриха Вильгельма сыграли свою роль. Нам даже посоветовали пару гостиниц, где останавливаются иностранцы, и предложили оставить избушку у реки, в городской черте, где бы она никому особенно не мешала.

Совет был дельный, бабкина изба сразу присела на бережок, окунула куриные ноги в воду и явно наслаждалась заслуженным отдыхом. Ну а мы втроём, оставив дьяка за писаниной у окна, пустились осматривать город.

Очень маленький, кстати, у нас Базарная площадь в Лукошкине едва ли не половину занимала бы, а в остальном очень и очень уютный. Узкие улочки, то под гору, то в гору, то ровно, красивые здания, костёлы и дворцы, улыбчивые люди в национальных костюмах, вполне себе понятная речь.

И самое главное, что на нас тут никто не пялился, мы не привлекали особого внимания, словно бы русская милицейская форма в Чехии не редкость – кого тут этим удивишь? С нами все здоровались и желали доброго дня. Мы тоже вежливо кивали и улыбались в ответ.

Вокруг чистота и порядок, семечек на улице не плюют, пьяных тоже не видели, наверное, к вечеру выползут, драк и громких криков не слышно, хотя буквально на каждом углу пьют подогретое вино. Все продавцы одеты опрятно, руки чистые, ногти подстрижены. Захочешь хоть кого-нибудь арестовать, так и придраться не к чему.

– Скукота, – первым выразил общее мнение Митька. – Даже в рыло заехать некому. Не по злобе, а хоть какого-то человеческого общения ради! Но не могу, ить самого потом стыд замучает.

– И не говори, Митенька, – уныло поддержала Яга. – Даже меня, старуху, от подобной карамельности на какую ни есть

подлянку полукриминальную тянет. На мостовую плюнуть, что ль?

– Есть лучше предложение, – поспешил вмешаться я. – Идём вон в то заведение с кружкой над входом и выпьем местного пива для успокоения нервов. Но не просто так выпьем, а за здоровье царя Гороха с супругой и всяческое процветание родного Лукошкина!

– За родину, короче, – согласились мои сослуживцы.

Мы дружно свернули с улочки, прошли десяток шагов вниз и попали в местное кафе. Ну или трактир, или кабак, или пивную, или как у них там по-чешски называются подобные заведения.

Внутри царил уютный полумрак, ни одного окна, зато полыхал камин, и на каждом из четырёх столов горели толстые свечи. Мы уселись за свободный: Митя и Баба-яга с одной стороны, я с другой. Подскочившая девица с роскошной грудью и впечатляющими бёдрами улыбчиво спросила:

– Цо паньство буде пить?

– Пиво, – за всех ответил я.

– Трши пива, – кивнула девица и, шурша по полу длинными юбками, ушла к стойке.

Буквально через минуту она поставила три большие глиняные кружки с пенной шапкой на стол и спросила ещё раз:

– Цо паньство буде исть?

– Мясо, хлеб, сыр, колбасу, – наугад ответил я, получив одобрительный кивок, улыбку и игривое подмигивание.

– Где ж вы так по-чешски говорить навострились?

– Сам не знаю, Мить, – пожал плечами я. – По-русски говорю, наверное, они и так понимают.

– Да просто жили раньше на земле славян три брата: Лях, Чех и Рус, – вспомнила Баба-Яга слова польского таможенника, – от них ужо и пошли все наши народы, – пояснила она, приложившись к кружке. Белая пена осела у неё под носом дедморозовскими усами, но старушка довольно прищёлкнула языком. – Да пейте уже, чего там!

– Звучит как тост, – приподнялись мы с Митькой, осторожно чокаясь глиняными кружками.

Пиво было невероятно вкусное и пилось легко, весело и умиротворительно, а самое главное, не било по мозгам, оставляя голову ясной. Удивительное дело, но, быть может, в первый раз за всю нашу длинную дорогу мы оценили настоящее заграничное гостеприимство, позволив себе расслабиться и, как говорится, отвести душу.

– Девушка, можно пиво повторить, пожалуйста!

– Ано, пан офицер!

Потом к нам подсели двое толстых стражников с добродушными красными лицами, словно близнецы бравого солдата Швейка. Выпили, поговорили о службе. Заиграла народная музыка, в круг каминного света шагнули два барабанщика и скрипач. Парни умели зажечь публику…

– Ещё пива-а!

Бабка, сунув длинный нос на кухню, на пальцах разъясняла румяной поварихе, что чешские палачинки – это вовсе не русские блины, сбивчиво диктуя собственный рецепт наизусть. Повариха смущённо кивала.

Митька, широко покачиваясь, распевал в компании трёх-четырёх чехов помоложе что-то вроде: «Майя, злата пчэлка Майя-а!»

Мы травили анекдоты, смеялись и пили «Козел» и «Крушовице», тёмное, светлое, красное, резаное, местное, соседское, свежее, выдержанное. Поднимали тосты, стукались кружками, хлопали друг друга по плечам, кажется, даже клялись в вечной дружбе и приглашали в гости. Это невероятное чешское пиво действительно что-то делает с людьми…

Выходили последними, когда кухня уже пару часов как закрылась, а улыбчивая официантка отчаянно зевала за стойкой. Нашего младшего сотрудника пришлось уводить силой, не потому что он набрался (Митю пивом с ног не свалишь), а просто ему тут очень нравилось, и он был твёрдо уверен, что тоже очень нравится здесь всем.

На улице уже стояла глубокая ночь. Всё дышало озоном, прохладой и свежестью, мы огляделись по сторонам и вдруг практически одновременно поняли, что не знаем, куда идти.

Где мы оставили дьяка с избушкой? У кого спросить, если прохожих не видно, а в окнах домов давно погас свет? Да и что спросить? Лично я вряд ли сумею перевести на чешский «вы не видели тут нашу избушку на курьих ножках?». Язык, конечно, похож, но не настолько же…

– Вроде как бы мы оставили её на берегу реки, – предположил я.

Митя согласно икнул, Яга одобрительно хихикнула, это всё пиво. Ноги у бабки здорово заплетались, а учитывая, что она со своей костяной ногой и так прихрамывает, далеко в поиске мы бы не ушли. Решение могло быть только одно.

– Младший сотрудник Лобов, помогите главе нашего экспертного отдела.

Митя попытался ответить, но вышло что-то вроде:

– Ссушию-у-уся-а!

В этот момент из-за поворота раздались тяжёлые шаги, и я

ринулся вперёд, держась за стеночку, потому что очень мне надо было спросить, где мы, где река и где дьяк в избушке.

Подчёркиваю, пьяными мы не были. Чешское пиво очень лёгкое и слегка весёлое, не более. Поэтому когда за углом я вдруг столкнулся нос к носу с великаном, то нисколько не удивился. А чему? Да у нас тот же Митяй под два метра с хвостиком.

– Доброу ноц, – вежливо кивнул мне высоченный тип с рыжей всклокоченной бородой и в длинной меховой куртке, из карманов которой выглядывали… дети.

– Педофил… – ахнул я, тут же праведный гнев захлестнул мою горячую голову. – А ну стоять, маньяк озабоченный! Приказываю сию же минуту отпустить детишек!

– То е злобиви диты, – попробовал было оправдаться великан, но я уже начал засучивать рукава. – Цо делашь, пан офицер?

– Бить тебя собираюсь.

– Цо?! Я есм те главу кусну!

Великан ощерил страшную пасть с пеньками гнилых зубов, словно и впрямь надеялся, что я просто так позволю откусить себе голову. Хотя, честно говоря, он бы, возможно, и справился, сила была на его стороне, но в эту минуту раздалось грозное бабкино:

– Хи-хикс!

Чешский великан замер, а Баба-яга, сидя на Митькиной шее, без дальнейших разговоров огрела его клюкой по башке. Рука у нашей седенькой домохозяйки тяжёлая…

– Цо делашь, бабичка?!

– По-моему, он вас старухой обозвал, – почему-то решил я и, пользуясь заминкой противника, в прыжке врезал ему между ног. Да, мне пришлось подпрыгнуть, но я попал коленом, куда целился. Пиво «Козел» действительно добавляет прыгучести!

Рыжебородый великан мешком осел наземь, а дети, выбравшись из его ужасных карманов, с визгом дунули по домам. Уверен, что они усвоили урок и теперь станут очень послушными, всегда возвращаясь к родителям до наступления темноты.

– Ещё раз увижу, под суд отдам, и будешь у меня пожизненно деревья на Колыме пилить, а местный криминалитет весьма своеобразно принимает тех, кто идёт по статье «педофилия». Я доступно излагаю?

Великан на четвереньках скрылся в какой-то сточной канаве, даже не дослушав мою воспитательную речь. Жаль, конечно, что мы не успели спросить у него, как пройти к реке, но зато сделали одно доброе дело.

– Куд-куда ити пркажети, Нкита Ивныч?

– Идём по улице вниз, – подумав, решил я. – Реки, как

правило, выбирают низины, а не горы. Школьное образование великая вещь…

– Хи-хикс, – весомо подтвердила Яга с богатырской Митькиной шеи.

Как видите, мы все вполне были способны соображать, а я даже говорил совершенно внятно, без спотыканий. Поэтому дружно потопали вниз, и то, что нас встретило на площади, нам удалось принять с достоинством настоящих сотрудников милиции, ни разу не уронив честь мундира. Хотя, честно говоря, повод был. И весомый…

– Хи-хикс! – задорно предупредила нас бдительная бабка.

Сверху ей лучше было видно, как на маленькую, мощённую булыжником площадь из всех углов стекались весьма странные личности. То ли призраки, то ли нечисть, то ли вообще клоуны какие-то в невообразимых театральных костюмах. Считается, что Чехия – мистическая страна, полная чудес. Но не все чудеса приятны, особенно ночью…

К нам медленно приближался настоящий всадник без головы. Не такой, как в кино, а скорее похожий на рыцаря в белом плаще с крестом. Кстати, голова у него всё-таки была, он держал её под мышкой, восседая на полупрозрачном белом коне с красными глазами. Недосып, видимо, катастрофический, до чего довели животное.

– Мдамс, барня-сударня, – вдруг решил показать своё хорошее воспитание Митька, изображая галантный поклон влево. Баба-яга едва не сверзилась лбом о мостовую.

Слева к нам неспешно плыла худющая дама в белом. Лицо красавицы было прикрыто кружевной вуалью, подол её платья был заляпан кровью, а тонкая рука сжимала тяжёлый топор дровосека. Бедняжка испускала тихие, леденящие душу стоны.

А с моей стороны, ровно навстречу женщине в белом, так же бесшумно плыла дама в чёрном. Правда, вуали на ней не было, платье было соблазнительно расстёгнуто почти до пояса, а под правой ключицей торчала рукоять позолоченного кинжала!

– Ого, смотрите, вот ещё двое, – пробормотал я, вовремя обернувшись на металлический скрежет за спиной.

К нам неторопливо, широким шагом, шёл рыцарь в чёрных латах с синим лицом и петлёй на шее. А за ним, отставая на пару-тройку метров, осторожно крался на плюснах совершенно голый скелет с заискивающим выражением лица и дрожащей протянутой рукой, так, словно бы он хотел выпросить у нас милостыню.

Просто спектакль какой-то, но самым приятным, если можно так выразиться, было появление из-за угла спящего дома то ли

русалки, то ли утопленницы. Бледная девушка в мокрой сорочке, не скрывающей ни одного изгиба тела, с зелёными волосами на голове, с речной лилией в зубах и безумным взглядом. Значит…

– Значит, река там, – уверенно объявил я. – Опергруппа, за мной!

Увы, слишком поздно – костюмированная нечисть не хотела упустить добычу. Их жуткий вой взлетел до самых небес, заставив побледнеть месяц над ратушей! Ну, короче, как вы понимаете, нам опять пришлось драться. Правда, не так, как обычно.

– Никта Иввич, от… отц родной, а чё будет, если я… на их… дуну?!

Митя дунул, не дожидаясь моего ответа, потому что такая постановка вопроса поставила меня в тупик. По идее, конечно, если они призраки, то должны были бы и развеиваться, но вот ночной ветерок их ни капли не колышет. Досада. Засада? А, не важно.

В общем, он дунул. Широко разведя руки, набрав полную грудь воздуха, надув щёки, выпучив глаза, как волк в сказке про трёх поросят. Рыцаря в белом сдуло в стену ратуши вместе с лошадью! Голова вылетела из рук и, ругаясь, покатилась вниз по мостовой.

Двух дам, белую и чёрную, пришлёпнуло друг к другу, скатало в один китайский шар типа «инь-ян» и весело закрутило у какого-то чумного столба. Второго рыцаря или благородного воина в чёрных доспехах просто вертело винтом вокруг своей оси, так что он до пояса ушёл под мостовую.

Зеленоволосую девицу в мокром неглиже два раза перевернуло вверх тормашками и кинуло в маленький городской фонтанчик. Так что только булькнуло, потом скорбь и тишина. Вот со скелетом почему-то получилась неувязочка…

– Упс… уф… пш-ш… – струйкой пара из умирающего чайника выдавил наш младший сотрудник, протрезвел и пустился в бега. – Мертвяк ходячи-ий! Спасите-е, помогите-е, боюся до беспамятству-у!

Это, кстати, верно: покойники, пожалуй, его единственная серьёзная фобия. Помните, что он у нас на кладбище устраивал?

Бабка счастливо визжала, галопируя и пиная Митьку пятками, у неё вообще не вечерок выдался, а карусель с пряниками!

Я же вдруг впервые обратил внимание, что страшный скелет даже не пытается догнать наших, а мнётся на месте, словно бы извиняясь за то, что так напугал. Русалка также осторожно высунулась из фонтана, мокрая и печальная. Мне вдруг взбрело в голову, что чешское пиво на самом деле весьма коварная штука,

заставляющая людей забывать об их прямых обязанностях. А есть вещи, о которых забывать нельзя.

Например, о служебном долге.

– Младший сотрудник Лобов, приказываю прекратить наматывать круги по площади! Хватит изображать кота наскипидаренного. В конце концов, все эти призраки или привидения являются, по сути, жертвами какого-либо преступного деяния. Их души остались неупокоенными, значит, наша прямая задача как сотрудников милиции помочь им. Помочь, а не издеваться!

Надо отдать должное, наши сразу прекратили веселье. Митька встал передо мной, как лист перед травой, осторожно спустил бабку на мостовую и вытянулся во фрунт.

– Итак, рыцарь в белых доспехах мой. Митя, забирай себе того, в чёрном. Поговорить по душам, разобраться, в чём проблема, доложить!

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода!

Видимо, к нему вернулась власть над собственным языком, пять минут назад он и лыка не вязал. Хотя если у вас за спиной ходячий скелет стоит, то может проявиться и обратная ситуация – икота, немота, энурез…

– Исполняй! Бабушка, вам две дамы, белая и чёрная.

– Дык ясное дело, потрещим по-женски, глядишь, кой в чём и разберёмся.

– А где «хи-хикс»?

– Да тьфу на тебя, соколик, совсем не даёшь старухе подурачиться…

– Остальные граждане призраки будут приняты в порядке живой очереди, – громко предупредил я, поскольку на площадь стали медленно подтягиваться и другие привидения.

Ну что сказать, ночка в результате выдалась та ещё. Все устали, как ездовые собаки на Чукотке – шерсть дыбом, язык набок, глаза круглые, пот ручьём, дезодорантов нет-с…

Безголовый рыцарь в белом плаще оказался тамплиером. Чего он забыл в Чехии, парень и сам не помнил, так же как и не мог внятно объяснить, кто отрубил ему голову и в честь чего он с ней носится взад-вперёд без толку, но очень старательно.

Чтобы спасти его от ужасной судьбы, как я понимаю, мне было предложено ещё раз убить его же! Типа остановить белого коня и мечом проткнуть рыцарское сердце. Пришлось попросить тамплиера подождать, потому что меча-то ни у кого из нас нет. Может, конечно, Баба-яга согласится треснуть его клюкой по темечку, но разрушит ли это заклятие?

Митяй вернулся с докладом о чёрном воине, голос дрожит,

физиономия в слезах, весь полон сострадания и вообще…

– Уж история дюже жалостливая-а. Зовут того чернявого Йошка Берка, перед походом на войну он с невестой своей обручился. А когда назад возвернулся через год, соседи и говорят, чё, дескать, опоздал ты, невеста не верна! – с ходу пустился докладывать наш младший сотрудник. – Ну, он её, знамо дело, бросил, всяческих слов нехороших наговорил, а сам сдуру на другой женился. Невеста евонная с горя утопилась вся, отец ейный с башни носом вниз бросился, а сам Йошка на другой же день всю правду и узнал!

– Ну? – спокойно уточнил я, ставя галочку в блокноте напротив слов «чёрный рыцарь».

– Чё, не пробирает до сердцу от жалобности событий?

– Пока нет, продолжай.

– Обманули его соседи, оклеветали невесту невинную! Ну а так как мужику тому Бог ума не дал, он свою жену законную с невесть какого перепугу задушил да и сам в петлю полез. Сидел я с ним сейчас. На двоих слёзы лили, милейший человек, хоть и убивец весь.

– Ясно. Его проклятие чем-нибудь лечится?

– Да вроде есть один способ, – поскрёб затылок Митяй. – Девственница нужна.

– Никаких жертвоприношений на вверенном мне участке! Ну то есть ими вообще нигде нельзя заниматься.

– Дак речь не про то, – замялся он. – Ему, Йошке, просто с девицею непорочною часок поговорить надобно, в беседе задушевной покаяться – и вроде как всех делов. Чтоб просто выслушала его, так вот как-то…

– У нас в опергруппе только Баба-яга, – развёл руками я, оглядываясь по сторонам. – Где мы тут с тобой других найдём? Не будем же стучаться во все дома посреди ночи с вопросом, есть ли у них девственница, с ней тут призрак поговорить хочет?

– А чё делать?

– Пусть ждёт вон там, в сторонке с рыцарем-тамплиером. Бабуль, что у вас?

– Чё те скажу, Никитушка, выпить бы?

– Пивные закрыты, а ваши запасы в избушке. Что есть по делу двух дам?

Глава нашего экспертного отдела облизнула пересохшие губы, прошлась хлебнуть водички из фонтана и, уже вернувшись, дала подробный отчёт:

– Та, что в белом, из роду Рожмберков, а та, что в чёрном, из самих князей Радзивиллов польских. Обе несчастливы в браке. У белой муж, скотина бесстыжая, колотил её да мучил, а потом ещё

и проклял перед смертью. Ну а чёрненькая и вовсе почти королевой была, но её свекровь злая извела, ядами химическими отравила, так что бедняжечка от боли немыслимой сама себе в груди пышные нож-кинжал засадила!

– И…?

– И чё?

– Ну, я имею в виду, мы можем что-то для них сделать?

– А-а, не, облезут, – безмятежно отмахнулась Яга. – Там довольно поплакаться по-бабски, поговорить за то, что все мужики козлы да сволочи, а более ничего им и не надо.

– То есть у женщин острый дефицит внимания, – отметил я у себя в служебном блокноте. – Так, продолжим, скелет мой, тьфу… жутко звучит, но ладно. Митя, к русалке. И смотри там, не дай утопить себя в фонтане. А вы, бабушка…

– А я покуда до того пузатого мужчинки наведаюсь. – Наша опытная сотрудница кивком головы указала на призрак улыбающегося толстяка с бутылкой в руках. – Может, хоть у него чё осталось, а то ить душа продолжения банкету требует!

– Вы поосторожнее там, – начал было я, но понял, что разговариваю с пустым местом.

Когда бабке приспичит, то она и на своей костяной ноге передвигается с такой удивительной резвостью, что и на служебном мотоцикле шиш догонишь.

Короче, как вы понимаете, «приём граждан» мы вели практически всю ночь до рассвета. Помочь всем, разумеется, было нереально, но хорошо ещё большинство в этом и не особенно нуждалось. Чешские призраки в массе своей оказались вполне дружелюбными привидениями и на лишние скандалы не нарывались.

Тот высокий скелет, в прошлом студент, мот и пьяница, всего лишь выклянчивал монетки у прохожих, чтобы «заплатить профессору за учёбу». На деле, конечно, чтобы пропить в ближайшем кабаке, но это уже непринципиально. Дайте грошик, он отстанет.

В результате короткого служебного совещания мы рекомендовали тому же скелету, безголовому тамплиеру, женоубийце с верёвкой на шее и обеим дамам переселиться на постоянное место жительства в Прагу. Всё же там больше туристов, значит, больше подают, общения тоже больше, ну и девственницы, наверное, как-то почаще встречаются.

Пузатый мужчина с бутылкой назвался призраком Толстого купца, совершенно безобидный гуляка, просто угощающий случайных ночных прохожих, так что они с нашей бабулей ещё и пригубили по чуть-чуть. По-моему, они втихую даже адресами

обменялись.

Митяй честно выяснил всё о несчастной судьбе утопленницы, ставшей русалкой, чуть было сам не был ею утоплен (а я предупреждал!) в том же фонтане, но мы его вытянули за ноги, а потом по мокрому следу удирающей мерзавки дошли до реки. Не догнали.

Зато избушку нашли! Фактически она скромно стояла себе на курьих ножках всего за два квартала влево, вниз по течению, золотясь в рассветном мареве. Вернувшись в дом родной с первыми лучами солнышка, вся наша компания дружно рухнула спать.

Управление и руководство временно перешло к отчаянно зевающему Филимону Митрофановичу. Ну, это тоже некоторое преувеличение, так как избушка сама отлично знала, куда и в какую сторону мы направляемся. Погоня по следам принца Йохана вела нас из чешских земель в немецкие, если верить карте, то к маленькому городку Фрайбургу.

Лично я проснулся только к обеду – за окном мелькали леса и поля, Митька чистил картошку, Баба-яга возилась у печи, дьяк, прикрывая здоровущую шишку ермолкой, сидел у себя в уголке. Видимо, до этого старательно сочиняя новый доклад государю о промахах нашей преступной милицейской банды. Но я встал, и он отвлёкся.

– Что ж, продрал зенки бесстыжие, морда участковая? – вежливо приветствовал меня дьяк Филька. – От же набрались вы вчерась, накачалися пивом иноземным, патриотизьму в вас нет! Стыда и совести, прости господи, тоже ни на грошик медный. Хоть бы с собой бутылочку принесли…

– Мы ещё в Чехии? – обернулся я к бабке, поскольку отвечать на дьяковы инсинуации ниже моего милицейского достоинства. Не говоря уж о том, что почти во всём он был прав.

– Чешские земли короткие, – охотно откликнулась Яга, помешивая гречневую кашу в чугунке и добавляя масла. – Уже почитай через час по неметчине поедем. От с правой руки в оконце чуешь, как сивушным суслом тянет? Энто мы мимо ихнего Мюнхену проезжаем.

– Так, может…

– Ни-ни, и думать не смей! Уже разок позволили себе задушевность пивную, и будет. От Митенька до сих пор жалуется, что ему всю шею костями своими отсидела.

– Бабуль, ну не надо, – заныл Митька.

– Молчать, охальник! Можно подумать, я об шею твою бычачью ничё себе на старости лет не отбила?! Скакать ему вздумалось, ровно козлу молодому, белены объевшемуся!

– Ну, бабуль, давайте забудем…

– Да чтоб я на тебя ещё когда верхом полезла!

Митя торжественно, со значением перекрестился.

Глава нашего экспертного отдела запустила в него деревянной ложкой, но по воле злой судьбы попала в лоб дьяка. Тот в свою очередь недолго думая запустил в бабку чернильницей. Яга уклонилась, я отбил ловко чернильницу ладонью в окно, но пара-тройка капель успела разукрасить Митину физиономию. Смывались чернила плохо, зато размазывались хорошо.

В общем, как вы понимаете, ехали мы нескучно, с размахом широкой русской души!

После обеда – каши и пирогов с картошкой – всем было объявлено свободное время, кроме гражданина Груздева, его припахали к мытью посуды. Я же выпросил у Бабы-яги волшебное зеркало, вышел на крыльцо, сел и трижды дунул на холодное стекло. Почти сразу же раскрылся панорамный вид на нашу горницу и мою жену, сидящую у окна…

– Олёнушка!

– Никитушка! – Она тут же вскочила и бросилась к зеркалу на стене. – Любый мой! Как же я скучаю…

– Я тоже. – У меня перехватило горло от того, что вижу её так близко, но не могу ни обнять, ни поцеловать. – Как вы тут? Кот Васька говорил, ты к врачу ходила, живот болел?

– Нет, – чуть покраснела она, – не болел живот. И в отделении порядок, Фома Еремеев стрельцов в строгости держит, вчера ночью цыгана поймали, что хотел нашу Сивку-Бурку украсть. И украл бы, да некстати уха её коснулся.

– И вылетел через другое Иваном-царевичем?

– Да! – звонко рассмеялась она. – Так ещё по глупости из конюшни выскочил и давай на весь двор орать: «Яшка теперь самый красивый во всем таборе! Смотри, милиция! Смотрите все, у Яшки сапоги сафьяновые, кафтан парчовый, шапка соболья! Эх, загуляю, ромалы-ы…»

– Да, цыгане народ эмоциональный, – улыбнулся я. – А с животом не шути. Я же вижу, что ты недоговариваешь, аппендицит – штука серьёзная.

Олёна покраснела ещё больше, но ответить не успела, волшебное зеркало самостоятельно прервало наш сеанс видеосвязи. Не знаю, как оно там перезагружается (восполняет зарядку, энергию собирает или ещё что?), но сегодня уже нипочём не включится. Увы, это проверено.

…Легли все рано, поскольку прошлой ночью не спали вообще. Да и некоторая общая эмоциональная усталость от

взаимного общения, видимо, накопилась. Мы-то в отделении привыкли друг к другу, нас троих и водой не разольёшь, но, когда вдруг столько времени находишься в замкнутом пространстве однокомнатной избушки, это тоже слегка напрягает.

А уж присутствие скандального дьяка напрягает сразу всех, и уже не слегка!

Ночь прошла относительно спокойно, да, наш младший сотрудник давал храпака, но все устали, так что никто его даже ни разу не пнул. Своих снов не помню, если они и были, то невыразительные. Вот если бы опять Кощей Бессмертный приснился, этого не забудешь.

В то утро я проснулся первым, потому что за окном громко голосили птицы, а сквозь неплотно прикрытые ставни пробивалось солнце, тепло щекоча ресницы. Судя по ровному сопению Яги, храпу Митьки и немузыкальному бульканью дьяка, остальные всё ещё спали.

Избушка стояла. Значит, по идее, мы куда-то прибыли.

Будить никого не хотелось, даже, наоборот, я подумал, что очень хорошо было бы посидеть в тишине одному. А ещё лучше опять попробовать позвонить жене, потому что вчера не наговорились, а только раззадорились. Я даже подошёл к сундуку, чтобы достать волшебное зеркало.

Правда, потом передумал, это вроде как-то некрасиво получается: бабка спит, а я без разрешения по её сундукам шарюсь. А если вот прямо сейчас тихонько похлопать её по плечу, потрясти за рукав, спросить – ведь наверняка скажет: что ж, сам не мог взять?! Только разбудил старушку…

В общем, мог, конечно, но почему-то не стал.

Вышел на цыпочках, прикрыв за собой дверь, зевнул, улыбнулся чистому небушку и замер, уставившись на жерла четырёх пушек, державших нашу избушку под перекрёстным прицелом. Вдоль дороги – гладко выбритые солдаты в европейской форме, треуголках, с кремнёвыми ружьями в руках и примкнутыми штыками.

– А наши дурачки всё ещё с фитильными пищалями бегают, – зачем-то сообщил я.

Но уже через секунду сориентировался, что эти дисциплинированные военнослужащие явно не беззаботные поляки, и, вспомнив остатки школьных знаний, приветливо козырнул:

– Данке шён, золдатен унд ди официрен!

Наверное, получилось не совсем правильно, потому что ружья поднялись к плечам и на меня уставилось не менее десяти –

двенадцати стволов.

– Ну, я ещё знаю «хенде хох» и «гитлер капут», – очень-очень тихо прошептал я, медленно поднимая руки.

Из-за пушек строевым парадным шагом вышел нарядный офицер со шпагой наголо.

– Аусвайс, битте?

– Аус… чегоус? Я, честно говоря, не очень, если вы полатыни. Но можно Бабу-ягу спросить, ну это… как там по-вашему, бабка-курка-млеко-яйки шнель, шнель!

Офицер устало хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ох, опять рюсские-е… Найн, почему ми тут должны знать фаш фарфарский язык, а вы не можете хоть щють-щють виучить нормальный немецкий?!

– Потому что мы вас в сорок пятом победили.

– Нихт ферштанден?

– На Чудском озере, – поправился я.

Немец покивал головой и скорбно снял шляпу. Все солдаты, опустив ружья, обнажили головы. Видимо, дедушки и прадедушки в Тевтонском ордене были у многих.

Я гордо выпятил грудь, будто лично участвовал в памятном разгроме крестоносцев, но офицер вновь нахлобучил треуголку на голову и объявил:

– Ви есть арестованы!

– За что?

– За переход границы без документ.

– У нас есть грамоты царя Гороха, короля Вильгельма, а также личное приглашение на Рождество от посла Кнута Гамсуновича Шпицрутенберга.

– А документ на транспорт?

– Это избушка!

– Хаус? А технический документ, а проверка состояний, а допустимый скорость на шоссе, а…

– Может, ещё аптечка и запаска? – на свою голову съязвил я.

– Я, я, натюрлих, – даже обрадовался он, кивая подчинённым. – И ещё фы нанесли нам глубокий психологический травматизм, напоминайт про Чудско озеро-о…

Мамой прокуратурой клянусь, четверо солдат при этих словах вытерли скупые слёзы. Я стиснул зубы, чтобы не сболтнуть ещё чего-нибудь, и так наговорил по полной. В этот момент из-за двери высунулась заспанная Митина физиономия.

– Чечилось, Никт Ваныч?

– Немецкие пограничники, кажется, нас арестовывают. Бабу-ягу разбуди, пожалуйста.

– Не-а, – с хрустом потянулся он. – Бабуленьке ежели не

вовремя сон перебить, так она и костяной ногой по хребту дать может. Я уж огребал пару раз, так что теперича извольте будить сами.

– Исполнять приказ, младший сотрудн…

– А я покуда с немцами потолкую, может, не всё так печальственно. – Не слушая меня, Митька спрыгнул вниз.

– Гутен морген, герр офицер. Айн проблем, я?

– Шпрехен зи дойч? – не поверил своим ушам немецкий офицер.

– Их бин студенте ан дер дойче слобода, – скромно кивнул наш деревенский увалень.

– Айн гутер педагоге?

– О, я, я! Шпицрутены – зер гут педагог!

Все солдаты понимающие почесались.

Пользуясь моментом, я тихо скользнул в избушку будить наших. От избытка чувств на тот момент у меня это просто идеально получилось.

– Тревога-а! Не-эмцы!! Всем подъё-ом!!!

Гражданин Груздев вскочил на четвереньки, как перепуганный кот, сверху на него обрушилась Яга с помелом наперевес, и, не закрой я дверь собою, она бы так и пошла на дьяке в атаку – седая валькирия с бородавкой на носу и её верный породистый жеребец! Ура-а-а, гони метлой псов-рыцарей с нашей святой земли! Тьфу, вот бывают же такие фантазии.

Пришлось быстро прояснить сложившуюся ситуацию. К моему изумлению, серьёзностью проблемы почему-то не проникся никто. Более того, меня чуть ли не в открытую назвали паникёром.

Филимон Митрофанович высокомерно заявил, что все бумаги у нас в порядке, так что он не токмо царю, он ещё и всей боярской думе на полицейский произвол пожалуется, чтоб тому королю Вильгельму ноту оскорбительную в полверсты написали и контрибуцию стребовали.

Моя домохозяйка хлебнула остывшего чаю, для успокоения добавив в чашку стопку спирту, выпила, зажмурилась и преспокойно заявила, что она и не такие армии одной левой разгоняла, пушкам их же ядра забивала в такое место, что, не покраснев, не представишь, а саму ихнюю Германию вместях с Австрией – так на помеле вертела…

В общем, я вдруг понял, что единственное вменяемое лицо, способное сейчас вести с немцами конструктивный диалог на дипломатическом уровне, это наш Митя Лобов. Собственно, он и постучал в дверь почти в ту же минуту.

– Докладываю, Никита Иванович, батюшка сыскной воевода,

отец родной, кормилец и поилец…

– Не тяни, что там? Как переговоры?

– Всё распрекраснейше! Я их выслушал, они меня. Руки пожали, договорились, что зазря они стрелять не станут.

– Отлично!

– Тока ежели мы не подчинимся…

– В смысле?

– Офицер ихний нижайше просит вашу милость со всей нашей избушкою пожаловать в чудесный город Фрайбург, где нас ждёт скорый суд и смерть безвременная через казнь ужасную. А потому как жутко виноватые мы!

Мы все трое вытаращились на нашего заигравшегося увальня.

– Слух у них прошёл, бумагами всяческими подкреплённый, что, дескать, ищем мы принца Йохана и по факту можем быть как есть его соучастники. А он, гад, иначе и не скажешь, таких дел в том Фрайбурге наворотил… И суд, и армию, и пасторов, и бюргеров, и последних крестьян супротив себя настроил. От казнят нас всех за милую душу. Ну и зер гут, как говорится.

Мы смотрели на Митю. Он на нас. Возможно, мы его просто не так поняли.

– А чёй-то вы молчите все? Сожгут нас вместе с избушкою или не верите?! Так давайте биться об великий заклад! Коли не сожгут, вы все мне по подзатыльнику отвесите, а коли сожгут – так я вам. По рукам, что ль?

– По мозгам, – попросил я, и бабка тут же добавила нашему болтуну помелом по башке.

Меж тем снаружи раздались предупредительные холостые выстрелы из пушек и грозная команда на лающем немецком. Избушка каким-то седьмым чувством всё поняла без перевода, вздрогнула, как бы прищёлкнула каблуками-шпорами и под «айн-цвай-драй» замаршировала по просёлочной дороге. Как я понимаю, она сделала свой выбор и в дальнейшем нас слушать не собиралась. В первый раз за ней такое замечаю.

– Ты как хошь, аспид участковый, – привычно сдерзил дьяк, доставая из-за пазухи ещё одну походную чернильницу, пук перьев и свёрнутые в трубочку листы желтоватой бумаги. – Чую я, грамотку пора на родину писать, дескать, забижают тут нашу милицию. Кстати, заодно сам и отнесу, глядишь, обернусь пешком за месяц-другой. Они ж вас небось быстро не сожгут? Немцы-то народ основательный, пока суд да дело, да свидетели, да адвокаты европейские, прения всякие, упряжные-присяжные, – поди, тока к Рождеству и управятся. А тут и я с войском подоспею!

Митя, почёсывая маковку, выразительно уставился на нас с

Ягой. Бабка пожала плечами, поморщилась и треснула по голове Филимона Митрофановича. Всё справедливо, если уж давать по мозгам, то всем, кто заслужил.

– А пойдём-ка теперь, соколик, чаю выпьем?

– С плюшками?

– С ватрушками, – согласилась моя добрая домохозяйка. – Посидим, покумекаем, как нашему горю помочь. Глядишь, чего и удумаем. Одна голова хорошо, а две лучше.

– Три, – напомнил о себе наш младший сотрудник. – Я тоже думать умею!

– Две, – подтвердили мы с бабкой.

Пока дьяк, присев на край сундука, что-то старательно строчил на бумаге, высунув от усердия язык и пачкая чернилами пальцы, я с Митей передвинул стол поближе к распахнутому окну.

Погода в Германии стояла замечательная, природа чиста и невинна, везде цветущие сады, поля распаханы самым тщательным образом, в перелесках мелькают зайцы и фазаны, а то и тонкорогие олени, как в заповеднике.

На горизонте периодически возникали аккуратные немецкие деревеньки, более похожие на наши города, потому что домики были в массе каменные или кирпичные. С трудом верилось, что эта земля регулярно подвергалась опустошительным войнам пруссов против немцев, австрийцев против баварцев, поляков против чехов, венгров против (или за!) кого угодно и так далее по списку.

И это ещё не считая мелких бытовых братоусобиц крохотных соседских княжеств за какой-нибудь ручеёк, произвольно изменяющий своё течение во время весенних паводков. Хотя кто знает, может быть, история врёт и в этом скучном мире культурные европейцы воевали друг с другом подушками и зубочистками.

– Шамаханцев бы сюда, – неправильно читая мои мысли, протянула Баба-яга, присаживаясь за стол. – Вот ведь странные люди, всё у них хорошо, всё есть, а через каждые пять лет хоть кто-то да на наши границы зарится. По зубам получат, а потом нам же ноты обвинительные шлют, дескать, у них просто манёвры были, а наши мужики сразу драться.

– Да, политика затягивает, начнём обсуждать, так до ночи с головой уйдём, – согласился я. – Думаю, сейчас у нас своих проблем полные штаны. Мы же не собираемся позволить казнить себя в каком-то там Фрайбурге?

– Ежели б не пушки, только бы они нас и видели…

– Нет, просто так взять и сбежать тоже не вариант. Может

быть, как-нибудь договориться? В конце концов, в том же Бресте, да и в Польше это вполне прокатывало.

– Ох не знаю, соколик, не знаю. Немцы – народ дотошный, аккуратный да щепетильный, аж противно. С белорусами завсегда по-братски уговориться можно, с поляками выпить да помириться, с чехами и поссориться трудно, а вот с немцем держи ухо востро. Ему палец дай, так он те всю руку по локоть откусит!

– И Шпицрутенберг?

– Да тю на тебя, Никита, – всплеснула руками глава нашего экспертного отдела. – Уж Кнут Плёткович-то, поди, давно русский человек!

Я молча отхлебнул чаю – спорить было и бесполезно, и, по сути, не о чем.

Изба шла строевым шагом, справа и слева маршировали взопревшие немецкие солдаты, а позади нас лошади честно тянули артиллерию. Если б на пути оказался какой-нибудь резкий поворот, то вполне можно было бы рискнуть головой и попробовать оторваться.

С другой стороны, а куда и зачем бежать, если та же чёртова бабушка направила нас именно во Фрайбург. Да и Митя, как мы поняли, выяснил у немецкого офицера, что задерживают нас именно в связи с делом о пропавшем принце. То есть нам по-любому туда надо.

А этот красавчик Йохан, получается, немало наследил во всех странах, и путешествия его были не столь просты – уж не в поисках прекрасной принцессы разъезжал он по землям Германии, Польши, Белой и Великой Руси. Впрочем, и зачем именно, мы тоже пока не знаем…

Но согласитесь, теперь совершенно непонятно, чего же, по сути, от нас хотел король Фридрих Вильгельм? Зачем обвинять нашу Бабу-ягу в убийстве некоего претендента на престол, если, во-первых, за давностью лет это преступление особо никому не интересно, во-вторых, отношение к давно умершему принцу далеко не самое радужное, и в-третьих, куча народу знает, что он уж точно вернулся из Руси живым-здоровым?! Где логика, чего им от нас надо? Ну разве что кроме того, что…

– Бабуль, а вы раньше выезжали в Европу?

– Нет, на фига она мне сдалась-то. Мне и дома не пыльно, – не моргнув, соврала бабка.

– Но, как помнится, Кощей говорил, что они со Змеем не раз гуляли от Греции до Парижа, от Рима до Варшавы.

– Они, может, и гуляли, а нам-то что с того?

– Просто так. Подумалось: а если вот всё это было как-то

устроено с одной лишь целью – заманить нас в Германию и удалить из Лукошкина?

– Ох насмешил, ох и кому бы оно было б надоть… – начала было глава нашего экспертного отдела, потом задумалась, потом стала загибать пальцы, потом резко сделалась серьёзной.

– Ни слова про белку! – поспешил предупредить я.

Бабка разочарованно захлопнула рот.

Меж тем дорога сделала плавный поворот, и перед нами открылась величественная панорама: на огромной поляне, практически в окружении вековых дубов и сосен, стояли коричневые стены немецкого замка. Над башнями развевались пёстрые флаги, холостым выстрелом грохнула пушка у ворот, и мы поняли, что, собственно, прибыли.

Вот он, вольный город Фрайбург, прекрасное и страшное место, о котором я, к стыду своему, тогда ничего не знал. А вы знали?

– Что делать будем, участковый?

– По ситуации.

Перед нами распахнулись кованые решётчатые ворота, послышался торжественный рёв труб и дробь барабанов, после чего наша видавшая виды избушка, горделиво подбоченившись, осчастливила своим экстравагантным видом сотни горожан. И, должен признать, несмотря ни на что встретили нас цветами и радостными криками. В целом всё было ясно и без перевода:

– Гутен таг! Виват Русланд! Дер рум дер русишен полицай!

Митя, ни у кого не спрашивая разрешения, высунулся в окно, махая расшитым красными петухами полотенцем, чем ещё более усилил восторженный визг молоденьких немецких фройляйн.

Дьяк шипел из своего угла, что он и об этом всё пропишет, поскольку, по мнению боярской думы, даже минимальное знание иностранного языка «уже как есть государственная измена!».

Баба-яга вздохнула, достала новый платочек на голову и начала подводить щёчки свёклой. Подумав хорошенько, я тоже решил хотя бы начистить ботинки. В конце концов, мы здесь не просто случайные путешественники, а полномочные представители органов правопорядка. Та самая лукошкинская опергруппа, о которой, оказывается, и за границей слышали. Надо держать марку! Тем более если нас тут собираются вроде бы как-то казнить…

– Аллес, halt, – раздался голос сопровождающего нас офицера.

– От судьбы не убежишь, – перекрестилась наша домохозяйка. – Пошли, что ль, сотруднички. Вместе службу служили, вместе и ответ держать будем.

– Я не с вами, – сразу предупредил гражданин Груздев, явно замышляющий под шумок отсидеться в бабкином сундуке. – Не пойду, не хочу, не буду! Не участвовал, не привлекался, не подписывался! И не заставите, менты поганыя-а, волки позорныя-а!

Никто даже не обиделся, мы давно привыкли и к его закидонам, и к репертуару. Просто обнялись напоследок и вышли на крыльцо.

– Русише полицай!!! – восторженно взорвалась толпа.

Избушка стояла на небольшой рыночной площади, у высокого костёла, украшенного резьбой по камню и фигурами святых мучеников. Прямо перед нами высился деревянный помост, обтянутый красным бархатом, а на нём в креслах восседали четверо седых благообразных немцев в богатой одежде. Я так понимаю, что нас сразу доставили на общегородской суд присяжных.

Ещё один очень грузный мужчина в чёрной мантии с золотой цепью и круглым медальоном на шее слегка поклонился и помахал нам рукой.

– Чё-то лопочет немчура поганая? – не снимая вежливой улыбки, прошептала бабка.

– Бургомистр энто ихний, – радостно ответил Митя. – Я, может, и не так чтоб уж всё розумею, но вроде казнят нас не сегодня. Сегодня в гости зовут. Обещают баварские колбаски, пиво и шнапс!

– Отказываться неудобно, – признал я, да и вряд ли получится, учитывая удвоившийся конвой солдат. – Раз так зовут, подтверди, что мы будем рады способствовать дипломатическому развитию международных отношений.

– Вы издеваетесь над сиротой, Никита Иванович? Попроще никак?!

– Хорошо, скажи спасибо.

– Данке шён, – громко подтвердил мои слова наш младший сотрудник, отвешивая галантный поклон и каким-то образом подмигивая сразу четырём полногрудым застенчивым фройляйн.

Площадь вновь взорвалась аплодисментами. Такое впечатление, что к ним сюда не опер, а рок-группа приехала. «Рамштайн мэйд ин Люкошкино»!

Бургомистр сошёл с помоста нам навстречу, мы спустились по лесенке с крыльца избушки. Он с улыбкой подал Бабе-яге руку, церемонно проводя её вперёд, а нас с Митей сопровождали неулыбчивые парни в военной форме.

Впрочем, в спину никто не толкал, штыками не подталкивал, прикладами не бил. Судя по слабому грохоту, раздававшемуся

нам вслед, перепуганный дьяк баррикадировал дверь столом, лавкой, табуретками и прочей движимой мебелью. Ну и ладно, его проблемы.

Минутою позже нас троих пригласили пройти в поданную карету и под шумное рукоплескание счастливых немцев с почётом повезли… надеюсь, не в тюрьму. Но кто знает.

Сам губернатор ехал впереди, верхом на толстой откормленной кобыле блондинистой масти, по виду чистокровной арийке.

Митя, высунув нос в оконце, как мог, переводил нам мнение простого народа:

– Этот русский полицай очень строгий! У него такие задумчивые глаза, как у аптекаря, я уже диагностирую геморрой.

– Их бабушка вполне мила, но так худа. Возможно, её морят голодом, говорят, в России совсем нечего есть. Они все пьют водку, дабы заглушить голод. Представляете, русские женщины могут выпить целых тридцать грамм без закуски, а мужчины до ста! Они вымрут через год-два…

– А тот юный рыцарь с голубыми глазами и невероятной шириной плеч, кто он им? Приёмный сын? Ходят слухи, что это наёмный убийца на жалованье у полиции! Он привык убивать чисто русским способом – печью по голове. После этого мало кто выживает, а редкие выжившие сразу просят русского подданства, ибо уже не в своём уме…

– Надеюсь, наш мудрый бургомистр отправит их прямиком в Шварцвальд! А если они вернутся с костями безумного принца Йохана, то это будет повод заставить хоть кого-то ответить за его смерть. А мы, честные немцы, как всегда, ни при чём. Герр Унстерблиш плохого не посоветует…

– Кто-кто? – резко сделала охотничью стойку бабка.

– Унстерблиш? – уточнил Митя. – Ну это вроде как вечно живой, неумирающий, как наш…

– Кощей Бессмертный, – закончил я.

Ну вот что за жизнь, ни минуты покоя от него нет?!

Значит, не смог с нами справиться на нашей игровой площадке, так заманил в иностранную песочницу. И ведь я ни разу, ни разу не задал себе первый вопрос любого нормального следователя: «Кому это выгодно?» Кто придумал избавиться от всей опергруппы разом? Кому во всей Европе интересна судьба где-то там пропавшего принца и гарантированное обвинение в этом русской стороны, невзирая на разум, логику и факты?!

Да пусть он даже сто раз наследник престола и приходится дедушкой нынешнему королю Фридриху Вильгельму. Прекрасный принц Йохан давно помер! Любое следствие тупо сдулось бы за

давностью лет. Тут и сам Шерлок Холмс был бы бессилен…

А всё дело, оказывается, лишь в том, что гражданина Бессмертного, чтоб он уже хоть раз сдох по-настоящему, отлично знают и в польских и в немецких землях. Какого пьяного прокурора мы сюда всей толпой припёрлись и как выбираться будем, кто бы подсказал, а?

Карета остановилась у высокого, в три этажа дома, почему-то бледно-розового цвета, украшенного виньетками и графичной росписью на рыцарскую тему.

В Лукошкине такого не встретишь. У нас там в массе своей избы и терема, они деревянные, а если встречаются каменные или кирпичные строения, то это только церкви и крепостные стены. Здесь же, во Фрайбурге, кирпично-каменное было всё, даже собачьи будки.

Мне на минуточку подумалось, что не зря эти поганые капиталисты во все века зарились на наш русский лес. Свой-то они берегут! И если б я только знал тогда, по какой причине нас торжественно встречает вышколенный немецкий дворецкий…

Как я понимаю, разница с английским дворецким весьма существенная. Пожилой немец с бакенбардами широко улыбнулся нам, по очереди обнял меня и Бабу-ягу, от всего сердца пожав руку Митьке, направив нас на второй этаж, в приёмную бургомистра, а нашего младшего сотрудника, по-братски приобняв, увёл вниз, на кухню. Типа всё по статусу.

Митя, конечно, сперва прихренел на месте от такой социальной несправедливости, но потом правильно уловил смысл слова «кюхе». Главную солдатскую заповедь «подальше от начальства, поближе к кухне» он выучил с первым визитом стрельцов Фомы Еремеева на наш участок. Поэтому так же широко улыбнулся дворецкому, хлопнул его по плечу (едва не убив на месте!) и подтвердил:

– Кюхе! Сосисен, колбасен, бутерброден!

Мы же с Ягой без спешки поднялись на второй этаж, где у лестницы нас ожидал сам бургомистр вольного города Фрайбурга. Теперь его можно было рассмотреть поспокойнее.

Средней упитанности, с благородными залысинами, круглое лицо без усов, бороды, с рыжеватыми бровями и ресницами, как бы я предположил, типичнейший немец.

– О, я очень рад фидеть у нас ф гостях лучших предстафителей русской полиции!

На слух этот человек автоматически менял «в» на «ф», не более! В остальном его русский язык был безупречен.

– Я заканчифал Пражский униферситет Яна Гуса, – с улыбкой объяснился немецкий бургомистр. – О, это была прекрасная

ефропейская школа, поляки, чехи, сербы, болгары, немцы, фенгры, французы и даже иногда британцы жили одной семьёй. Я сфободно гофорю на шести языках.

– Наш царь Горох говорит на семи, – вдруг вспомнил я чисто для поддержания разговора.

– Оу-у?! Я фесьма наслышан о фашем русском царе Горохе. Фсе гофорят, что его род самый дрефний? Как это ф фашей русской погофорке – это было ещё при царе Горохе? Так?

– Ну приблизительно, – после недолгого размышления и визуального контакта с главой нашего экспертного отдела признал я. – Вы прекрасно говорите на русском!

– Фсе слафянские языки: польский, чешский, сербский, слофацкий, болгарский, белорусский – сразу понятны, если ты знаешь русскую речь.

– Тогда прошу пояснить, чем мы обязаны столь тёплому приёму с военными, ружьями, пушками, толпой народа и всей помпой?

– О, это долгий разгофор, – уже без дежурной улыбки сообщил бургомистр славного Фрайбурга. – Фы позфолите мне подать скромный обед? Должен признать, белое фино ф этом году фесьма удалось. Прошу фас к столу!

– Куда «фас»?! – вздрогнула было бабка. – А-а, ежели к столу, тады можно, тады без обид…

Возражать против и строить из себя патриотично стукнутых на голову мы не стали. Это было бы мало того что глупо, но ещё и превращало нашего гостеприимного хозяина в вынужденного тюремщика. Кому оно надо? Мне, нам, вам?

Я решил не нагнетать уровень сурового международного непонимания раньше времени, Баба-яга сунула руку за пазуху, одарив бургомистра маленькой фляжкой своей фирменной настойки на малине, мухоморах и клюкве с беленой. Дорогой подарок, кстати, как ни крути…

Пожилой немец невероятно растрогался, долго благодарил и клятвенно обещал открыть фляжку не раньше Рождества, чтобы был весомый повод. Однако по его заблестевшим глазкам я предположил бы, что бабкину настойку он откупорит уже вечером.

Что ж, его право. И риск тоже его…

Нас торжественно, как дорогих гостей, усадили за длинный стол в обеденном зале, традиционно отделанном резным дубом, гобеленами и гравюрами, иллюстрирующими историю германских земель начиная с четырнадцатого – пятнадцатого веков. Две служанки в длинных баварских платьях и корсетах с таким декольте, что Митька бы шею себе вывернул, ловко

расставляли на столе оловянные блюда с белым хлебом, горячими сосисками шести видов, запечённой свининой, тушёной капустой и отварным картофелем, посыпанным мелко нарезанным укропом.

Вина было подано столько, что, если все бутыли вылить в ванну, мы могли залезть туда всей опергруппой! Причём на вкус настолько сладкое и лёгкое, что даже бдительная в таких вопросах глава нашего экспертного отдела махнула рукой, притянув к себе поближе маленькую бутылочку очень редкого «ледяного вина».

Как объяснил бургомистр, оно изготавливалось из ягод винограда, тронутого первым морозом. Сами лозы после этого выкорчёвывались, всё нужно было сажать заново, но именно это вино было невероятно сладким и дорогим.

В то же время наш Митяй на кухне успешно перепробовал всё: красное, розовое, белое, зелёное, жёлтое, сухое, креплёное, но в конце концов тупо остановился на чёрном фрайбургском пиве, заливая его в себя литровыми кружками. Позже он признавал, что под острые рубленые фрайбургские сосиски оно подходило идеально. Две пышные кухарки, щебеча меж собой, только и успевали наполнять ему тару. В конце концов просто выставили ведро пива…

Лично я как-то старался держать себя в руках, помнить, где нахожусь и что такое честь милицейского мундира. Но! возможно! не уверен, однако факты есть факты! Уф…

Короче, часа через два я вдруг поймал себя на мысли о том, что мы все, включая столь же «тёпленького» бургомистра, шумно обсуждаем поход в какой-то там мистический немецкий лес, где нас ждут всяческие неприятности, и если мы посмеем вернуться оттуда живыми, то нас торжественно сожгут на главной площади города в той же избушке.

А вот если (да какого русского лешего это «если»? Правильнее – «когда»!) мы вернёмся и – о чудо?! – приведём на собачьем поводке того самого (истлевшего в труху!) принца Йохана, то нас встретят как великих героев всех германских земель!

То есть с цветами, с пивом, сосисками и бесчисленными белокурыми фройляйн, готовыми на всё в стиле «дас ист фантастиш, натюрлих, я, я!». Надеюсь, вы поняли?

О себе с той же уверенностью сказать не могу.

В общем, кажется, мы на что-то там подписались. И более того, обязались оставить полномочного представителя дипломатического ведомства при царе Горохе герра Филимониуса Груздевберга в качестве честного заложника нашей

авантюры.

Типа если к указанному сроку мы не доставим господину бургомистру беглого (лет сто – сто пятьдесят назад пропавшего) принца, то граждане вольного города Фрайбурга будут в полном праве казнить нашего дьяка. Честно говоря, да кто бы сказал хоть слово против?!

Если дружественная Германия поможет нам избавиться от этого тощего геморроя в ермолке, им же всё Лукошкино «данке шён» скажет и в ножки поклонится!

Думаю, даже половина нашей мятежной и вечно оппозиционной боярской думы побаивается чрезмерной самостоятельности Филимона Митрофановича. Они просто не знают, в какую сторону и как его занесёт. А дьяк-то у нас натура творческая, интеллигентная, из крайности в крайность бросается в ритме вальса, на раз-два-три!

Причём в оппозиции тоже надолго не задерживается, уходя оттуда ровно за день до того, как запахнет жареным. Лично я думаю, что это талант, редкий и по-своему полезный.

То есть ни одно дело нашей опергруппы, начиная с самого первого дня, не обходится без дьяка. Почему? А фигли?! Ответа не знает никто, тем более я…

Э-э, кстати, а что было потом? Хороший вопрос. Логичный.

Мне нравятся короткие предложения. Почему? Не знаю.

Как абсолютно точно не знаю, что происходит на данный момент. Если чешское пиво сыграло с нами злую шутку, то насколько же было коварно молодое немецкое вино…

– Где мы? – в полной темноте раздался на удивление спокойный голос Яги.

– В избушке, – уверенно ответил я, поскольку хорошо помнил, как нас сюда доставили.

Пьяных и никакущих. Быстро разложив по своим привычным местам согласно штатному расписанию. Бабу-ягу на печку, Митю у порога, меня на вязаном коврике посередине горницы.

Немецкое гостеприимство оказалось настолько щедрым, что лишь наутро следующего дня мне удалось хоть на минуту завладеть вниманием всей нашей опергруппы.

– В избушке – это хорошо, – выглянув в окошко, где висела густая темнота гуталинового цвета, призадумалась моя хозяйка. – Хотелось бы знать, конечно, где ж энти басурмане саму избушку расквартировали? Чую, что вроде как мы не в самом Фрайбурге, а…

Где именно, бабка сказать не успела, её прервал такой громкий и тоскливый волчий вой, что я даже поёжился. У порога заворочался Митя.

– Бабуль, не надо так громко-то…

– Кстати, а где дьяк? – пересчитывая своих по головам, опомнился я. – Филимон Митрофанович, ау-у?!

– Никита Иванович, отец… как вас там, потише можно? Башка-а трещит…

В темноте, практически рядом с нами, вдруг на мгновение вспыхнули чьи-то красные глаза. Под тяжёлым весом заскрипели ступени крыльца. Кто-то с противным скрежетом пытался царапать дверь. Это явно не гражданин Груздев…

– Ну просил же, Христа-а ради-и-и!

– Это не я, – практически в один голос сказали мы с бабкой.

Из-за двери вновь раздался страшный звериный вой, но теперь в нём явственно звучали нотки злорадства и торжества.

– От что же за сволочь такая?! – тихо простонал Митяй, вставая и берясь за кочергу. – Никакого человеческого сострадания, и так голова гудит, будто там черти камаринскую пляшут, а тут ещё и…

Он рывком отодвинул засов и шагнул на крыльцо. Вой прервался глухим звуком удара железом обо что-то очень твёрдое. Потом кого-то пнули коленом под зад, чей-то прощальный писк растаял в тишине ночи, и наш младший сотрудник с погнутой кочергой мрачно вернулся обратно.

– От же собака горбоносая, ещё и зубы скалил, кобелина немецкая! Ох, чую, плохо мне-е…

– Митенька, – разом засуетилась Яга, – а вот я те стопочку настоечки лечебной налью. Ты пей да на бочок ложись, в единый миг всё отпустит.

Митя аж прослезился, благодарно выпил что ему там набулькали и практически рухнул там, где стоял. Хорошо я подножкой подкорректировал, а то мог бы запросто сломать бабке сундук лбом.

Пока он выводил музыкальное сопение носом, уютно свернувшись на полу, как здоровенный медведь, мы запалили свечку, сели за стол и, образно говоря, приступили к разбору полётов. Хотя чего там разбирать? Мы в полной заднице-с!

– Стыдно-то как, Никитушка-а…

– И не говорите. Выбрались в первый раз за границу, приехали в культурную страну, были приглашены в гости к приличным людям, и первое, что мы сделали, – в хлам напились за столом! Подтвердили самые расхожие мифы о русских, как будто у себя в Лукошкине мы квасим не переставая…

– И ещё ж милиция-а! Не абы кто, а слуги закону и правопорядку, мать их прокурорскую!

– Мать моя прокуратура, – чуть подправил я. – Но, по сути,

всё верно. Вопрос в другом: мне смутно помнится, что мы вроде бы о чём-то там договаривались. Нас опять наняли?

– Не знаю, соколик, – изогнув бровь, нахмурилась Яга. – Но ить ты прав, об чём-то таком серьёзном разговор был. Зазря, что ль, мы дьяка Фильку тевтонцам в заложники оставили.

– Это, кстати, был красивый ход.

– Энто да! Но что мы бургомистру ихнему наобещали, вот не упомню.

Митя, не прекращая храпеть, сунул руку за пазуху, вытащил смятый лист бумаги и поднял над головой. Я деликатно вытащил у него документ с гербовой печатью и расправил бумагу на столе.

Увы, что бы там ни было написано классическим готическим шрифтом, весь текст всё равно был на немецком. Единственное, что мы с Ягой разобрали, было «prinz Johan». И то только потому, что его имя было выделено красными чернилами.

Короче, если включить голову, то выходило, что мы поставили свои подписи (хвала Богу, не кровью!) под обещанием что-то там сделать с беглым принцем. Какие были варианты? Найти, вернуть, арестовать, оправдать, доставить кости, сгинуть вместе с ним? Слово «Schwarzwald» тоже встречалось несколько раз, а Шварцвальд – это Чёрный лес, я точно помню, у нас в Москве такое пирожное подавали, очень вкусное, кстати.

– Рискну предположить, что нас отправили в Шварцвальд, чтобы мы какой-то египетской силой вытащили из густой чащобы легендарного принца Йохана живым или мёртвым. Мёртвым проще, но если вдруг каким-то чудом этот смазливый гад ещё жив, то брать его за химок не задумываясь! Ибо во Фрайбурге по нему уже давным-давно верёвка плачет.

– Так, стало быть, мы пьянючие в избушку вернулись, дьяка из неё выковыряли, сами заселились и в лес пошли?

– По логике выходит так, – согласился я.

– А чё ж тогда за тварь собачья нам дверь царапала?

– Понятия не имею, может, оборотень какой-то. Митя проспится, вы у него и спросите.

– Кабы знала, так хоть пищаль у Еремеева выпросила али пушку картечную у царя Гороха. Вот что значит собираться в спешке, когда дорога дальняя, – приложив ко лбу холодную сковородку, простонала моя домохозяйка. – Вернусь, так первым делом коту Ваське промеж ушей клюкой врежу, чтоб не отвлекал от сборов, поганец хвостатый! «Погладь меня», «уйди», «не смотри», «дай сметану», «не хочу», «открой дверь», «закрой дверь», «я передумал», «мышь поймал», «сам съем», «тебе принесу», «не буду», «буду», «где моя миска?», «останься», «ещё молока», «фу-у, молоко-о…».

Я разумно промолчал, так как, что бы Яга ни говорила, любую самую справедливую и конструктивную критику своего кота воспринимает в штыки. Есть ситуации, когда молчание (или молчаливое соглашательство) действительно эквивалентно золоту. Бабка это оценила и после красиво выдержанной паузы продолжила:

– Что ж, какие карты на стол выпали, теми и играют. А кому в дураках быть, время покажет. Раз уж мы в страшном лесу немецком оказались, так уж надобно следы того принца блудливого отыскать. Пусть он уж, поди, лет сто как и помер весь! Да без разницы, я ж его парфюм и через сырую землю учую! Было дело, всю избушку мне ароматами французскими провонял, псина эдакая…

Я вновь деликатно промолчал, прекрасно понимая, что если наша милая старушка обходит тему их возможных отношений гробовым молчанием или, того хуже, странными полунамёками, то, скорее всего, ничего меж ними не было. Хотя вполне возможно, что Яга предпочла бы, чтобы мы все думали иначе. Что ж, её право забыть или помнить, а уж делиться этим она тем более не обязана.

– Пойду-кось на улицу гляну.

– Там не улица, мы в лесу.

– Не тупее избушки, факты понимаю, – серьёзно кивнула Баба-яга, взяла помело наперевес и осторожно сдвинула засов двери.

Я поднял кочергу и встал у косяка.

Дверь медленно распахнулась. Выходить наружу мы не стали, смысла не было. Кругом темнота. Живая, насыщенная, полная таинственных и жутковатых звуков и густая, как смоль. Ни неба, ни луны, не звёзд, единственный свет от нашей свечки в избе…

Это Шварцвальд, самый чёрный лес на свете.

– Не видать ни зги. Может, покуда чайку?

– А пожалуй, да, – уверенно согласился я. – Кстати, как вы думаете, сейчас удобно позвонить, тьфу, в смысле переговорить с Олёной через зеркало?

– Отчего ж нет? Три часа ночи всего, поди, не разбудишь.

– Да, простите, поздно, неудобно.

– Чего ж неудобно, коли муж с женой говорить хочет?

– Так три часа ночи?

– Ну и что ж с того? От, когда я молодой была, мне хоть день, хоть ночь-полночь, уж я так любила-а…

– Тогда я звоню.

– Чего?

– Ну, поговорю через зеркало.

– А-а, дык, коли бабьего сна не жалко, давай ори, буди её, сердешную, мало ли она за день наработалась. Ить, поди, всё хозяйство на ней, стрельцы не помогают, у них своя служба. А так верно, чего ей спать-то?

– То есть не звонить?

– Я б позвонила.

– Тогда и я…

– Может, она до сей поры бельё стирает, убирается в тереме, все руки исколола, вышивая крестиком под лучиною, глаза наломала, а тут ты нарисовался с приветом из хмельной Германии-и!

Я в упор уставился на бабку. Яга беззаботно повела узким плечиком и занялась самоваром.

Кажется, она меня всё ещё ревнует. Тут уже чисто женская психология, против не попрёшь и ничего с этим не сделаешь. Если бы проводили международный конкурс «Свекровь – кошмар моей жизни!», то наша легендарная бабушка стопроцентно сидела бы на почётном месте в жюри.

Ладно, мы с Олёной поговорим на рассвете, сейчас есть и более важные вопросы. Жизненно важные, я бы сказал. Например, где мы конкретно находимся? что из себя в целом представляет этот Шварцвальд? кого нам тут опасаться? в каких дебрях искать останки блудного принца Йохана? И самое главное, если в принципе нас подписали на то, чтобы найти, то почему этого никто не сделал до сих пор? Вот прям так и ждали именно нас, опергруппу из Лукошкина? Ага, как же…

– Жаль, город толком посмотреть не успели, – начал я, пока бабка расставляла на столе кружки с чаем, мёд в горшочке и две миски – одна с пряниками, другая с баранками. – На обратном пути глянем, если будет время задержаться на денёк.

– Ох, Никитушка, не уловивши бела лебедя, а уже кушаешь. Кабы нам ещё живыми с того лесу выбраться, да и то почитай за счастье великое. Чует сердце моё, что простому человеку из этих глухих мест выхода нет. Морок ночной идёт, горло душит, сердце сжимает…

– Бабуль, ну вы сами себя накручиваете. Уж вам ли леса бояться? Вы же в лесу полжизни и прожили.

– Так то Чёрный лес, – фатально протянула Яга, прихлёбывая чай и маленькими кусочками обгрызая контрабандный белорусский пряник. – Сила тут иная живёт, мертвородная, страшная. Наши бесы, водяные, русалки к ней и близко не равнялись, ровно котята к медведю-шатуну. Говорят, Шварцвальд даже Змей Горыныч, недобрым словом будь помянут, ящерица поганая, а и тот его за три версты облетает. Потому что зверья

неведомого боится…

– Если вы о том красноглазом чудике, что под окошком выл, так Митька его в полминуты на место поставил, по ушам надавал и пятками вверх в дупло законопатил!

– Ну да, ну да, – к чему-то прислушиваясь, пробормотала глава нашего экспертного отдела. – А только та тварь зубастая, видать, выбралась и сотоварищей привела.

Я бросил взгляд в окно и едва не поперхнулся чаем. В плотном кольце туч вдруг сверкнула тусклая луна, а из темноты на нас смотрели десятки таких же красных глаз. Наученные печальным опытом, на этот раз нападающие двигались молча, слаженно, без предупреждающего воя.

– Митеньку не буди, – сразу остановила Баба-яга. – После моей настойки он до утра спать будет, хоть наголо его брей, хоть серьгу в нос засовывай, а хоть и морковку в… в ухо!

– У вас ружьё какое-нибудь есть?

– Ох, сокол ясный, я ж тихая старушка, в лесу жила, никого не трогала, незарегистрированного оружия не держала, проблем с законом не имела, окромя настоек на спирту да мазей скипидарных без лицензии…

– Бабуля-а!

– Да вижу, вижу я, ужо вплотную подошли, охальники, – буркнула Яга, сдвигая половик и с хрустом приподнимая доску с пола. – Но тока ежели про мой арсенал хоть кому сболтнёшь, сама тебя кривым зубом покусаю!

При колеблющемся свете одной маленькой свечи были извлечены из тайника две медвежьи рогатины, три шамаханские сабли, два меча (один длинный, с мальтийским крестом, другой покороче и пошире, вроде как у викингов), лук, колчан со стрелами, кольчужная рубашка очень тонкого плетения и два шикарных кремнёвых пистолета в серебре.

Я таких красивых даже у Кнута Гамсуновича не видел, честное слово!

– Стрелять-то умеешь, поди?

– Из лука не очень.

– Тады пистолеты бери, два раза пальнёшь, дак хватай рогатину и тычь ею в брюхо каждого, кто оборзеет. Ишь моду взяли милицию провоцировать! Хулиганьё немецкое, смотри у меня, я как наеду, спуску не жди, не беси бабушку-у!

Воодушевляющую речь нашей грозной пенсионерки прервал радостный вой неизвестных европейских тварей, и целая толпа (стая?) жутких полулюдей-полуволков с оскаленными собачьими мордами бросилась на нашу маленькую избушку.

– Дверь у нас крепкая. Окно держи, участковый!

Я сам распахнул створки маленькой рамы, не дожидаясь, пока нам вышибут стёкла, и принял из бабкиных рук два длинных пистолета.

– Пали меж глаз! Серебром заряжено, не подведи-и…

– Кто с мечом к нам придёт, того мордой об стенку! – громко выкрикнул я чьи-то давно знакомые слова и недолго думая направил ствол в первую же оскалившуюся пасть.

На миг ноздри резанул запах сто лет не чищенных зубов, но грохнул выстрел, избушку заволокло порохом. А тому, кто к нам лез, разнесло звериную башку.

– Попал?

– Думаю, да, – кашляя, признал я. – У него через дыру в черепе лунный свет было видно.

– Тогда прибереги заряд, Никитушка, дай и мне на старости лет поразвлечься. – Бабка профессионально вложила стрелу, и тетива тонко тренькнула. Ответом послужил чей-то прощальный хрип.

– Не знал, что умеете стрелять из лука.

– Настропалилась, когда с амазонками римские когорты по полям за Дунаем гоняли! Ох и оторвами мы с девчонками были-и! Несёмся верхами, волосы распущены, юбки с разрезами, груди почитай вообще ничем не… прости господи дуру юную, грешную!.. не прикрыты. Легионеры на наши прелести рты раззявят, а мы с седла – дзынь, дзынь, дзынь! Я ить тогда первый раз залетела…

– Чего?!!

– Не отвлекай, участковый, не до тебя.

Ещё одна таинственная страница долгой и насыщенной приключениями жизни нашей бабушки так и осталась нераскрытой. Нас просто хотели съесть, а потому отвлекали.

– Кажись, на крышу ктой-то лезет.

Я метнулся к печке, отодвигая заслонку.

– Вы правы. Наверное, хочет бросить нам гранату через трубу.

– Какую ещё такую гранату, фрукт, что ль, азербайджанский? – грозно оскалилась Яга. – У меня там горшок с кашею пшённою на завтрак, ещё горячий, поди. Убери от греха!

Я, конечно, кивнул, сунулся за большим горшком в печь, но лишь зря обжёг себе пальцы. И только, подумав, взялся за ухват, как в этот момент что-то (или кто-то?!) действительно сиганул вниз по трубе, с разбегу попав большой грязной лапой в кашу! Вою было-о…

– Не ори, уши закладывает.

– Это не я.

– А кто тады?

– Не знаю, он вылетел обратно, не представившись. Кстати, и ваш горшок с кашей тоже забрал.

– Чтоб ему ею же подавиться, супостату!

Я подумал про себя, что этому несчастному сейчас явно не до того, и бабка радостно вскрикнула:

– Ты глянь, Никитушка, какая картина расчудесная! Волчара тощий на передних лапах бежит, как скоморох на ярмарке! А на задней левой у него… да это ж мой горшок. Стой, ворюга! Стой, пристрелю же на месте смертельным оружием!

В такой ярости милую Бабуленьку-ягуленьку мне ещё никогда видеть не доводилось. Она мигом натянула тетиву, и стрела бывшей амазонки нашла цель на ладонь ниже поясницы! Оборотень взвыл фальцетом…

Меж тем в лесу заметно посветлело, серебряный диск луны стал розовым, кажется, рассвет близко. Нужно продержаться ещё каких-то полчаса, а с восходом солнца морок потеряет силу и твари разбегутся. Они это тоже знали и, тоскливо воя, начали отступать.

Однако один самый храбрый или самый глупый красноглазый зверь всё-таки сумел рыбкой прыгнуть к нам в окно, но мы с Ягой, как два революционных матроса, героически, плечом к плечу приняли его на штыки! В нашем случае на медвежьи рогатины.

От сдвоенного удара в грудь тварь опрокинулась на спину и сдохла, скребя когтями сосновые доски пола.

– Что ж, участковый, – сипло выдохнула Яга, – могёшь теперь в одиночку на медведя ходить. Уважаю!

Я постарался не выпускать из рук рогатины, чтоб не было видно, как дрожат пальцы.

И тут на собакоголового гуманоида, покрытого рыжими клоками свалявшейся шерсти, упал первый луч рассветного солнышка. Тело трансформировалось у нас на глазах, словно в американских фильмах ужасов. Теперь перед нами лежал тощий грязный мужчина, совершенно голый, лет пятидесяти, с заметной лысиной и гладко выбритым лицом. Встреть я такого на улице, то наверняка бы принял за добропорядочного гражданина Средней Германии.

Если есть преступные рожи, у которых все пороки на лице написаны, то вот этот тип не вызвал бы подозрений даже у самого упёртого ветерана-чекиста на пенсии. Да что там, он бы и мимо бабушек у подъезда прошёл под улыбки и доброжелательный шепоток – от ить сразу видно, хороший человек.

– Оборотень, – прикинув на глаз, определила наша бабка-экспертиза. – Волчак, волкодлак, волчун по-нашему. По-ихнему

вроде как вервольф будет. Днём мужик как мужик, крест носит, в церковь ходит, пиво пьёт, работой занят, детей растит, а наступит ночь… Всё, туши свет, запирай все двери! Своих же, не думая, загрызёт, оттого и в лес бежит на закате. Одёжу под пенёк спрячет, голышом останется, три раза через пень перекувыркнётся, и всё, вот те человек-волк! Оттого и сила двойная в ём, дикая да страшная.

– Вы хотите сказать, что мы только что отбили атаку волкодлаков?

– Ты рогатину-то выдерни. Ужо не встанет, поди. Не бойся.

– Да, конечно, задумался, простите.

Я с трудом заставил себя извлечь из тела мертвеца своё и бабушкино копьё, аккуратно переставив их в угол остриём вверх. Второй пистолет с серебряным зарядом лежал на столе, им бы я воспользовался в самом крайнем случае. То есть просто застрелился бы.

– Стало быть, кое-что нам проверить надобно, – не обращая больше внимания ни на меня, ни на свежий труп, задумчиво пробормотала Яга и полезла в сундук. Через пару минут она достала оттуда старую толстую книгу и заодно прихватила для меня волшебное зеркальце. – На уж, супруг заботливый, поговори со своей лебёдушкой.

Я, словно ребёнок, получивший бесплатный чупа-чупс, схватил зеркало и дунул за дверь. Рассвет вступил в свои права. Над высоченными кронами деревьев разливалось бледное, золотисто-розовое сияние. Сел на крылечке, прижавшись спиной к бабкиной ступе, и…

– Любый мой, Никитушка! – И в этот раз Олёна тоже была дома, отозвавшись сразу.

– Да, милая, это я. Как ты там?

– Люблю, жду, скучаю!

– Я тоже… а… ну там в целом как?

– Да вроде ещё ничего такого нового. Еремеев стрельцов всё своих гоняет, трёх жуликов мелких на базаре поймали да там же и морду им набили, милиции не дождавшись. Все довольны! Царь Горох от тебя новостей ждёт, а бояре его на свою сторону склоняют – дескать, сбежал ты в культурную Европу и назад не вернёшься. Потому всю милицию надо отменить как предательскую, а отделение сжечь!

– Старая песня.

– Вот именно. К тому же царица Лидия Адольфина, подружка моя верная, говорит, что почту тайную получает и вроде как вы уже успешно Брест прошли и в Варшаве отметились.

– Милая, мы ещё Чехию прошли и уже в немецком Фрайбурге

были. Вот только вчера с их бургомистром пьянств… ужинали! Милейший человек, кстати! А сейчас…

– Да? – Видимо, Олёна на раз уловила некоторую неуверенность в моём голосе.

– Ну, сейчас мы тут… в лесу, короче. Ищем того самого пропавшего принца Йохана. И на нас немножечко напали эти… вервольфы. Но ты не переживай, всё в порядке, просто… Эй, эй? Алло!

Круглые глаза моей жены подёрнулись туманной дымкой, и я понял, что связь прервалась. Это волшебное зеркальце ни в какую не желало настраиваться на длительный сеанс. Холодное стекло опять ни на что не реагировало, отражая моё разочарованное лицо, так что просто пришлось тупо возвращаться в избушку. А там…

– Не буду! Не хочу! Не заставите меня мертвяка смердячего на своём горбу таскать…

– Митенька, родненький, не доводи до греха, пришибу ить и не замечу!

– Всё равно не буду, я мертвяков боюсь!

– А меня не боишься?!

– Да вас-то с чего? Вы ж бабуля добрая, до смерти не изобьёте. А уж коли в щенка, петуха али в ещё какую иную живность обратите, дак небось сами же и расколдуете.

Я успел ровно за минуту до того, как в устах Бабы-яги сформировались слова «ах ты ж, пингвин отмороженный!». Доли секунды – и у нас в избушке действительно был бы здоровущий дрессированный житель Южного полюса с грустным взглядом, но не в этот раз…

– Младший сотрудник Лобов!

– Я!

– Приказываю завернуть труп голого мужика с колотым ранением в области грудной клетки в какую-нибудь мешковину, вынести вон из избушки и складировать вон у той сосны.

– Слушаюсь, Никита Иванович, отец родной! А тока ежели…

– Ежели, как ты выражаешься, он сделает попытку укусить сотрудника милиции, то ты вправе действовать согласно уставу.

– То исть могу дать ему по башке?

– Разумеется!

– Вот ведь умеете вы найти подход к сослуживцам, – со слезами умиления в голосе протянул наш Митя и безропотно поволок труп на выход под сосну.

– А тут их ещё цельная куча! – крикнул он через минуту. – Не изволите ли лично полюбопытствовать?

– Сходи глянь, участковый, – подтолкнула меня в спину Яга. –

На то и служба твоя милицейская. Да стрелы мои соберите, уж больно больших денег они стоют.

Честно говоря, я близко не представлял себе сравнительную стоимость оружия в Лукошкине и сопредельных государствах. И кстати, зря. Мысленно я поставил пометочку: по возвращении домой ввести жёсткий милицейский контроль за ввозом-вывозом как минимум огнестрела.

Конечно, каждый нож на учёт не поставишь, но, когда по твоему городу гуляют шальные люди с незарегистрированными стволами, ничем хорошим это не кончается.

Наш младший сотрудник меж тем храбро понатаскал со всех сторон трупы голых мужиков и красиво выложил их в ряд по росту.

– Итого, семь человек. То есть вервольфов-оборотней, – проходя с блокнотом, подсчитал я. – Одна смерть от огнестрельного ранения, один заколот рогатинами, остальные пятеро убиты стрелами в грудь. Раненые есть?

– Никак нет.

– А должен быть. – Я вспомнил убегающего негодяя с бабкиным горшком.

– Ну, ежели и были, дак, поди, своим ходом убегли.

– Видимо, да.

– А чё ж вы меня на драку-то не разбудили?

– Ты слишком сладко спал и вызывал умиление.

– Смущаете меня, Никита Иванович…

Митька по-девичьи покраснел и начал собирать бабкины стрелы. Мимо цели не прошла ни одна, а в трёх трупах их было даже по две. Пожалуй, наша домохозяйка не врала, когда заливала про приключения своей буйной юности, верхами, с амазонками. Лично я поверил!

Бабушка у нас всегда с сюрпризом, хоть на вид божий одуванчик. Горбатый, кривоносый, с костяной ногой и кривым зубом навыпуск, если вы можете представить себе одуванчик такого типа. Только на ночь не представляйте, не надо…

– Проверь ещё раз, тут, случайно, нет ни одного с ногами в каше?

– Вроде нету. Да и с чего бы?

– Потом расскажу. – Мне не хотелось сейчас углубляться в аналогии про трёх поросят, тем более что…

– Митя, там ребёнок!

– Как есть малое дитя, – согласился он, а к нам на полянку бесстрашно просеменила крохотная голубоглазая девочка в баварском платье со шнуровкой и в красном капоре на ленточках.

Наученный горьким опытом, я на автомате скомандовал:

– Хенде хох!

Девочка ойкнула, сделал книксен, поставила свою корзинку в траву и послушно подняла руки.

– Партизанен?

– Найн, – чуть изумлённо пролепетала она.

– Позвольте мне, Никита Иванович. – Митя опустился на одно колено и загугукал: – Ай, майн либстес кинд! Ви ист ир наме?

– Marta.

– Почему не октябрь? – неуклюже пошутил я. – В красном у нас осень называется, а в марте подснежники голубые шапочки носят.

– От чё вы путаете ребёнка малого? – вступился наш добродушный увалень. – Сказано – Марта, значит, Марта и есть.

Он ещё о чём-то спросил на немецком, девочка ответила.

– Говорит, идёт к бабушке, несёт традиционный немецкий штрудель, масло и шнапс.

– Ясно. Сказка про Красную Шапочку. – Подумав, я, как мог, доброжелательно улыбнулся ребёнку и хлопнул по плечу Митяя. – Проводи её до бабушки. Если в пути встретишь волка, дай ему по шеям! И возвращайся побыстрее, нам ещё принца искать. Не заблудишься?

– Дак по тропинке, не потеряюсь. Марта говорит, там даже указатели есть. А волк точно будет?

– Непременно, – уверенно пообещал я. – Можешь даже за хвост его и хребтом об дерево. Так сказать, разрешаю отвести душу. Чтоб эта сволочь надолго запомнила, как к маленьким детям на улице приставать.

Девочка Марта (как я понимаю, из французской сказки невесть с чего переехавшая в германскую) вприпрыжку отправилась с добрым дядей младшим полицаем к своей милой бабушке.

А я пошёл к своей. В смысле вернулся в избушку к Бабе-яге. Положил пук стрел у порога на лавочку. Глава нашего экспертного отдела меж тем что-то колдовала, склонившись над столом – миска с водой, книга на неизвестном мне языке, клубок шерстяной пряжи, две серебряные монетки европейской чеканки, жёлтая свеча, баварская сосиска и пустая рюмка.

– Не помешаю?

– Сядь-ка, Никитка, да под руку с глупостями не лезь, – буркнула моя домохозяйка, указывая взглядом на скамейку. – Хочу, видишь ли, выяснить, куда далее двигаться. В какую сторону поиски направить? Где того доходягу блудливого искать будем?

– Так вы всерьёз считаете, что он может быть ещё жив?

– В Чёрном лесу потеряться легко, а вот кануть навеки трудно, – загадочно пробормотала бабка, подняв указательный палец вверх. – На то нам разум дан и науки всяческие в помощь, чтоб мы не гадали, а твёрдо, знаниями вооружившись, шли к намеченной цели!

Честно говоря, я даже не нашёлся, что ей на это ответить. Есть ситуации, когда самое разумное заткнуться и не мельтешить. Тем более что наблюдать за тем, как Яга колдует, всегда жутко интересно.

– Коли все до сих пор того принца ищут, так, стало быть, надеются на то, что живой он. А с чего ему почти сто лет живым-то быть? Засада-а…

Я открыл было рот для ответа, но бабка раздражённо приложила палец к губам.

Понял, молчу, молчу.

Далее всё шло по уже знакомой программе, если кто думает, что глава нашего экспертного отдела каждый раз выдумывает новые прогрессивные методики колдовства, так я вас разочарую. Нет, наша бабушка упёрто пользуется проверенными временем заклинаниями, новомодностей не жалует, и ведь, главное дело, несмотря ни на что, всё у неё прекрасно получается. Что ни экспертиза, то прям-таки весёлая хохлома с дымковской игрушкой и богородской резьбой по дереву. Помните, там ещё такие смешные мишки по пеньку молотками лупят?

У нас вся ярмарка этим ширпотребом забита, заезжие иностранцы охотно берут на сувениры, ищут в образе упёртых медведей отголоски загадочной русской души…

Змий зелёный,
Бык клеймёный,
Поп пьянючий, недоёный!
Иноземец молодой
Постучался на постой.

Где ты, кто ты, дай ответ,
Ежли энто не секрет?
Конским храпом,
Волчьим сапом,
Ох, придёшься на обед.

Потом Баба-яга вообще перешла на быстрый маловразумительный шёпот. Я кое-как воспроизвёл слова «принц», «козёл», «девица», «водка», «чтоб ты сдох, скотина

эдакая», но вряд ли из этого можно было бы сложить какой-нибудь литературный рифмованный текст.

Нет, возможно, у некоторых людей, склонных к поэтическому мышлению, всё и получится. Но я-то отнюдь не гуманитарий, а простой служака. Нас в школе милиции ямбам и хореям не обучали. Уж простите великодушно…

– Никитка, сокол ясный, да не сиди же ты пень пнём, давай свечой в воду капай!

Я поспешно схватил горящую свечу, наклонив её над миской, и честно держал под углом в сорок пять градусов, пока горячий воск густыми, полупрозрачными каплями падал вниз. Тем временем бабка, продолжая что-то бормотать, бросила в миску монеты и буквально через минуту остановила мою руку.

– Что видишь, участковый?

– Ну, что-то похожее на дворец или замок. Это если перевернуть, а если нет…

– Замок то и есть, – согласилась Яга, полезла в печку за сажей и посыпала ею воду в миске. – Чёрный замок, а сидит в ём Чёрная королевна!

– Именно королевна? – уточнил я, не решаясь потянуться за блокнотом. – Не графиня, не баронесса, не принцесса, которую надо спасти?

– Ох, да пущай хоть баронесса. Придём, сам спросишь. Ещё видишь чего?

– Ну-у, – присмотрелся я к очередной восковой пластинке. – Вроде как прямоугольник.

– И что ж он тебе напоминает?

– Параллелепипед.

– Чего?!

– То есть вытянутую по горизонтали трапецию, – поспешно поправился я. – Что весьма похоже на… гроб?

– Угадал, – тяжело выдохнула Яга, наслюнявленными пальцами гася огонёк свечи. – Приплыли мы, участковый. Уж когда воском чёрный замок да белый гроб выливается, тут нипочём добра не жди.

– Ваши предложения?

– Бежать бы надо, да некуда. В городе пушками встретят, а через Чёрный лес в ту же Францию не прорвёшься. Чужие мы для него. Хотя ежли бы потом через Касабланку да морем в Турцию проскочить…

– Нет, я не об этом. Я о том, где конкретно находится этот гроб, можем ли мы его достать и привезти останки принца во Фрайбург?

– Мёртвых тревожить нехорошо.

– Ой, да можно подумать, что мы ни разу ничем подобным не занимались?! – раздражённо пожал плечами я. – Вы вспомните хорошенько, то мертвецов допрашиваем, то кровь, то зуб, то ещё какой-нибудь неодушевлённый предмет. В чём сейчас проблема-то? Чего вы испугались?

– Не нарывайся, участковый, – с глубокой печалью в голосе буркнула наша бабушка. – Говорю же, не моя энто земля, не моё чародейство, не мои силы тут вес имеют. И чем дальше в лес, тем меньше мне всё энто нравится.

– Допустим, но…

– Чего мы вообще в ту Европу поехали? Ить не в первый раз меня, старую, припугнуть пытаются. Переехала бы себе в деревеньку под Архангельск али к тётке на Лысую гору близ киевского Подолу, отсиделась бы там до зимы, да и всех делов.

– А как же честь мундира?

– Да ничего ей, энтой вашей чести, не сделается. Через месяц-другой, да хоть бы и через полгодика, позабудут все. А с нотами европейскими наш Горох издавна управляться обучен, он ими в уборной стены обклеивает!

– Знаю, но времена меняются, у нас теперь царица из культурной Австрии.

– Лидка-то? – нарочито пренебрежительно хмыкнула Яга.

– Лидия Адольфина Карпоффгаузен, – чётко выделяя каждое слово, уважительно поправил я. – И, как вы знаете, у неё пунктик на соблюдении законности.

– Мы не сможем вернуться…

– Именно! А значит, должны довести это дело до логического конца. Да будет вам панику разводить-то, и не такие расследования проводили. К тому же я домой хочу!

– Ох и вправду чегой-то ступила я, – перекрестившись, опомнилась моя домохозяйка. – Куды бежать-то? От кого бежать? Рази когда мы от судов европейских бегали?! Да я сама всех поубиваю…

– Ну, это тоже перебор.

– А ты не лезь под горячую руку!

– Да что ж с вами сегодня?! На своих бросаетесь.

– А, значит, энто я злая? Плохая, значит, бабка? Ну дык и брось меня, дуру старую, уходи куда хошь, чё те со мной время терять-то, а?!

Если бы не почтенный возраст, я бы прямо сейчас решил, что у неё ПМС какой-то.

Нет, мы и раньше ссорились, ругались, но не так, чтобы на пустом месте. Согласитесь, это вообще уже ни в какие ворота не лезет. Я прав! В чем я не прав?! Но она, чтоб её, всё равно…

К тому моменту, как я окончательно сформулировал свою мысль, а глава нашего экспертного отдела взялась за ухват, в дверях появился Митя. Улыбчивый, довольный, с закатанными рукавами, в волосах застряли клочки серой шерсти.

– А вот спорим, что не подерётесь?

– Лучше рассказывай, как справился с задачей. – Я отважно повернулся к Яге спиной, зная, что в такой ситуации она по затылку не ударит.

Служба превыше всего! Сзади раздался нервный стук поставленного на пол ухвата.

– Докладываю всё как есть. Сказок врать не стану, тока честь по чести, без украшательств да придумок всяческих, фантазий опять же левых. Потому как ежели и товарищам верным, и начальству любимому, и Бабуленьке-ягуленьке родной правды не говорить, так кто я есть в таком случае?

– Митя…

– Подлец, как я разумею! Совершеннейший подлец и гад ещё к тому же, каких поискать. Для такого-то вора и злодея, что от главы отделения, от самого сыскного воеводы, правду скрывает? Не место ему в наших рядах! И ежели тока вдруг у нас в отделении такового замечу, так своей же рукой по шеям ему, по шеям!

– Митя, ради бога…

– А коли вдруг сами меня на том деле поймаете, ну коли вдруг соврал чего али чёй-то не так преподнёс, вроде как не под тем соусом, без должной внимательности ко деталям или мелочам разным, какие любому следствию бесконечно важные, тогда от, карайте меня, сотруднички! Своею безжалостной рукой так на том самом месте и карайте!

– Митька-а-а!!! – взревели мы с Ягой, одновременно хватаясь за один тот же ухват.

Пока мы вырывали его друг у друга, наш долговязый нахал преспокойно уселся на скамью, заграбастал со стола самый большой пряник и продолжил:

– По приказу вашему, Никита Иванович, отец родной, я ту фройляйн маленькую до бабули ейной сопроводил. А по пути нам здоровенный волчара такой встретился, увидел меня, глаза выпучил – и бежать. Что ж, мы идём. А через десять шагов он опять из кустов высунулся, поздоровался с нами на немецком, спросил, куда идём, дескать, может, проводить? – Митька, как мог, изобразил голодного волка. – Ну, я ему и объяснил, чтоб не лез, куды не просят, собака мутная! Так он ничё, не обиделся, даже короткую дорогу нам показал. А как пришли мы до хаты той гроссмуттер, так заходим, а в ейной постели тот же самый волк!

«Да неужели?!» – мысленно всплеснул руками я.

– Ну мы-то его враз признали, несмотря на капор, ночнушку да очки. Повернул я малую личиком в угол да как дал тому обманщику с размаху по брюху. Тут он и родил бабку!

Яга трижды перекрестилась…

– Ей-богу, не вру, пузо треснуло, а из него жива-живёхонька пожилая фрау выползла, вся в соплях да желудочном соке! Противно, да уж чего попишешь.

– Бабуль?

– Да, сокол ясный?

– Ну вы же слышали?

– Слышала, дак то случай разовый, исключительности нереальной. Вдругорядь, поди, так не свезёт.

– Но шанс есть.

– Есть. Убедил нас Митенька, что могём мы и с европейской нечистью русским кулаком управляться.

– Значит, ищем гроб, – за всех резюмировал я.

На том мы и порешили, дружно засучивая рукава и готовя избушку к походу.

Продуктов нам за глаза хватало, от голода никак не умрём, а вот чтоб не умереть от других малоприятных причин, пришлось кое-что укрепить и, так сказать, оттюнинговать наше транспортное средство на куриных ножках, превращая скромную избушку в боевой танк.

Митяй у нас парень деревенский, работы не боится, умеет всё и по плотницкой и по кузнецкой части. Пока бабка занималась нашим завтраком, мы с напарником трудились не покладая рук, и буквально через полтора часа передвижной домик Бабы-яги было просто не узнать.

В трубе – распорки калёными сучьями вверх, оконный проём укреплён деревянной решёткой, люк внизу законопатили клиньями, крышу, крыльцо и стены так усыпали заострёнными кольями, что и сами едва сумели попасть в дверь. Любая попытка напасть на нас неожиданно была заведомо обречена на провал. И то если бы у нападавших оставался хоть один шанс выжить…

Теперь по ухоженным немецким тропинкам Шварцвальда следовало нечто вроде деревянного дикобраза, начинённого тремя самыми отъявленными головорезами на свете из знаменитой лукошкинской опергруппы. И во всём их Чёрном лесу не найдётся силы, способной нас удержать!

Ой, да кто тут у них есть – замки с королевами-баронессами-ведьмами, волки говорящие, медведи-оборотни, лесные ведьмы, драконы, прочие разбойничающие звероящеры? Можно подумать, мы у нас в России такого не видали? Плюнуть и растереть.

Арестуем на раз-два-три в ритме вальса, не в первый раз!

По крайней мере, именно так я мысленно мотивировал себя, пытаясь унять нарастающую тревогу. Ну или просто страх. Причём самый худший страх на свете – нерациональный.

Я не трус по природе, во многих переделках бывал, сами знаете, да что там, меня даже хоронили заживо один раз!

Но тогда, как говорится, я стоял на своей земле, за свою державу, а тут…

– Не переживай, участковый, – тихо прошептала мне на ухо Яга, убедившись, что Митька смотрит в другую сторону. – Бог даст, и не таким гадам наваляем!

Луна мелькала за перемещающимися деревьями, которые пытались ухватить нашу спешащую избушку своими длинными корнями. Пару раз им это даже удавалось, но избушка опытно стряхивала их с куриных лап и топтала, словно обнаглевших червяков.

Я молча улыбнулся бабке, она всегда понимает меня как никто.

– Да и не так оно всё страшно, – продолжила моя домохозяйка уже на порядок громче, чтобы теперь и наш младший сотрудник слышал. – Ежели я всё правильно понимаю, вервольфы только ночью охотятся, а днём все дороги свободно ведут к Чёрной башне Чёрного замка, в котором сидит Чёрная баронесса, и охраняют её чёрные медведи, вот она-то, поди, точно знает, где блудного принца искать. Баба она, думаю, грозная, своенравная, но, глядишь, и договоримся.

– Вы на что намекаете? – осторожно уточнил я.

– Да так, ни на что, – насмешливо фыркнула глава нашего экспертного отдела. – Только слыхала как-то от Змея Горыныча, будто бы немецкие женщины очень уж русских мужиков в постели уважают. Али ты не мужик, Никитушка?

– Конечно нет! Я участковый! И вообще… мне потом Олёна голову оторвёт… или не только голову… Может, нам Митьку сдать?

– И думать не смей! Испортишь мне мальчонку! Фу-у-у! Даже представить таковое противоестественно-о…

– А со мной, значит, можно представить?!

– А так ты по долгу службы!

Вот и как с ней прикажете спорить после этого? Вернёмся – выставлю Гороху счёт за всё, в том числе за мою (возможно!) пострадавшую сексуальную репутацию. Блин, как дебильно звучит-то…

После гречневой каши с грибами и луком я несколько подуспокоился, решив не пороть горячку раньше времени.

В конце концов, бабка у нас известная фантазёрка и перестраховщица, так что вполне возможно, что ничего такого нам по факту и не понадобится.

А меж тем ситуация за окном начинала складываться довольно причудливым образом.

Мы постоянно тормозили избушку, чтобы с кем-то там по пути разобраться. Мы просто не могли пройти мимо! Служба наша милицейская такая, сами понимаете…

Всё началось с маленького мальчика, видимо, карлика, который стоял у дороги и жалостливо просил помочь его братьям, томящимся в плену у голодного великана. Однако стоило Митьке высунуться из дверей, как мелкий гадёныш свистнул, и шестеро подростков обкидали нас камнями, требуя денег и хлеба. Ну, вы меня понимаете, это чистой воды рэкет на дорогах.

Сердобольная бабка самолично передала им каравай хлеба и добрый шмат белорусского сала.

Дети взяли всё, даже не поблагодарив. Крохотный главарь молча увёл их обратно в лес.

Митя поднял с пола один из «камней», залетевших в окно, и я с ужасом понял, что держу в руках коренной зуб размером с кирпич. Слов нет. Судьба самого великана представлялась мне теперь весьма и весьма незавидной…

Потом нас пытался тормознуть тощий мужичонка с редкой бородёнкой, абсолютно голый, не считая широкой красной ленты через плечо. При ближайшем рассмотрении оказалось, что на ленте немецким языком вытканно нечто вроде «Одним махом семерых побивахом!».

Наш младший сотрудник слёзно умолял позволить ему «выйтить» и со столь могучим богатырём силушкой помериться, но бабка просто шуганула голого хвастуна помелом, после чего наглый эксгибиционист сбежал. Не помню где и как об этом писали братья Гримм, но мы победили, нет?

Буквально через полчаса на дороге возник богато одетый безбородый гном с жутко злобной физиономией и начал в полный голос орать с пенька, что он зверски убьёт нас всех, если мы с трёх раз не угадаем его имя.

Но, помнится, в детстве я читал такую сказку и сдуру выкрикнул всплывшее в памяти имя: «Румпельштильцхен!» Несчастный заскрежетал зубами, схватил себя за левую ногу и в ярости разорвал себя пополам. Короче, кровь, кости, кишки, зрелище не для слабонервных…

– Ты бы поосторожнее как-нибудь, Никитушка, – строго погрозила мне пальчиком Баба-яга. – Всё ж таки за границей находишься, надо как-то повежливее с людьми. Европа, чай, не

Подберёзовка, не в гости к Митиной маменьке едем.

– Виноват, вырвалось. Больше не буду.

– Дак ему больше и не надо.

Если вдуматься, то в качестве рабочей гипотезы я бы предположил, что в этом самом Шварцвальде мы встречаем на своём пути героев народных немецких сказок. Хотя вели они себя совсем не по тексту, а зачастую куда более агрессивно.

Ну, быть может, кроме Красной Шапочки.

Но тут наша эксперт-криминалистка уверенно заявила, что эта сказка действительно французская, причём очень и очень неприличная, а наш Митяй пришёл, увидел, посодействовал и напрочь «переписал» классический сюжет! Кто там знает, как должно было быть? Это ж Митя…

Пришлось признаться, что за этим я его и посылал. Кто знает, когда мимо домика бабушки в лесной глуши будут проходить охотники или дровосеки? Тоже, между прочим, вполне себе криминальные элементы. Лес рубить в Шварцвальде нельзя, а охотиться здесь могут только лютые отморозки, не боящиеся ни Бога, ни чёрта, с такими всерьёз связываться себе дороже.

Чтобы вам было понятнее, это как если бы у нас в России какая-либо бандитская группировка оказала вам случайную помощь, так поверьте, что потом им будете обязаны по гроб жизни! Не удивлюсь, если дровосеки обязали спасённую бабушку покупать у них дрова по тройной цене, а охотники вообще устроили у неё в доме весёлый притон с девочками, сосисками, пивом и клофелином.

Простите, увлёкся.

– Во-о-он она показалася, твердыня замковая! – во весь голос радостно проорал наш младший сотрудник, едва ли не полностью закупорив своими плечами маленькое оконце. – Вижу, ой вижу башню высокую, вокруг неё мусор всякий, кости белые да доспехи ржавые. Ай и куда же ведёт нас путь-дороженька прямоезжая? Может быть, успеем развернуть избу на дорожку окольную? Но коли нет, так придётся ли во цвете лет сгинуть без вашего на то сострадания?! *Не для меня-а придё-о-ёт вясна-а…*

– Ай-люли, – привычно подтвердили мы с бабушкой, за ноги оттаскивая его от окна. – Ну что же, раз уж мы прибыли, то, видимо, начнём с банальных переговоров?

На самом деле нас встречала не башня, не пушкинская пещера с хрустальным гробом, а полноценный многоуровневый средневековый замок. Я такие в кино видел – высокий, чёрный, засиженный мухами и украшенный всяческими малоприятными изображениями в готическом стиле. Как то: горгульи, бесы, летучие мыши, зубастые крысы и всяческие другие столь же

уродливые твари.

Ещё, конечно, традиционный бурелом вокруг, полузаросшие травой старинные могильные плиты, ржавые кресты и как апофеоз – полное окончание дороги. То есть широкая лесная тропинка попросту упиралась в ворота. Дальше пути не было.

Видимо, мы прибыли на конечную станцию.

– Отец родной, Никита Иванович, а я выйду посмотреть? – кинулся к дверям Митяй и почти в ту же секунду метнулся обратно, бледный как простокваша. – Так ить там же мертвецы всякие из земли лезуть! Не пойду я! Боюся…

– Встречают нас со всеми почестями, – важно подтвердила бабка, вставая и потягиваясь. – Что ж, идёмте, сотруднички, пора и нам знатных хозяев уважить.

Баба-яга повязала новый платочек, поправила сарафан, поплотнее запахнула тёплую кофту и бесстрашно вышла на крыльцо. Я уверенно шагнул следом, за шиворот волоча на буксире упирающегося Митьку. Без вариантов. Мы же милиция!

Из-под могильных камней действительно выбирались группки скелетов в остатках гниющей плоти и рваных лохмотьях одежды. Суда по всему, хоронили на здешнем кладбище людей богатых, каких-нибудь помещиков, бюргеров, курфюрстов или богатых рыцарей. Агрессии пока никто не проявлял, нас просто взяли в кольцо и ждали…

Открытой оставалась лишь короткая дорожка, ведущая непосредственно к воротам замка. В одном из окон высокой башни на миг мелькнуло чёрное платье.

Значит, так называемая Чёрная баронесса о нас знает и ждёт. Яга права, надо идти и с уважением отнестись к хозяйке самого Шварцвальда.

– Оружия брать не станем, – сквозь зубы предупредила глава нашего экспертного отдела, преспокойно опираясь на отполированную временем, проверенную клюку. – В драку зазря не лезть, вопросов глупых не задавать, без моего ведома ничего не есть, не пить. Ить мы же сюда не в гости заявились, а по серьёзному делу. Ежели до вечеру не выберемся, так, стало быть, тут нашу опергруппу и похоронят.

– Надеюсь, с оркестром? – Я хоть как-то попытался разрядить обстановку. – Почётный караул, залпы холостыми и всем звание «героев Лукошкина» посмертно. Да, царю Гороху челобитную написать, чтоб памятник поставили на Базарной площади, как Митя кислую капусту ворует, вы его стыдите, а я подзатыльники отвешиваю.

– И медаль ещё мою маменьке на деревню, – простодушно добавил наш пугливый богатырь.

Нет, не совсем верно, Митя, он только мертвецов боится, а со всеми прочими уголовниками и не церемонится даже. Вон как вервольфа с крыльца за шкирку спустил и коленом наподдал, формируя траекторию полёта. У него это запросто…

– Все за мной, – поправив фуражку, скомандовал я, спускаясь по ступенькам крыльца.

Голые скелеты уставились на нас пустыми глазницами, но не сделали ни шагу с места.

Ворота Чёрного замка поднялись вверх с традиционным готическим скрипом. Знаете, таким противным, словно зубовный срежет в кабинете стоматолога, одновременно торжественным и леденящим душу. Умеют они на Западе работать со спецэффектами, ничего не скажешь.

Но сначала мы пропустили вперёд избушку. Она осторожно, как пугливая курица, сунулась внутрь, нашла себе место на широком дворе и, повертевшись, спокойно присела. Можно идти.

– Бабуленька-ягуленька, Никита Иванович, вот ведь боюсь, аж сердце заходится, – нервным шёпотом начал наш первый парень на деревне. – А можно я, страху того убавления ради, вон энтого особо подозрительного по кумполу его же могильной плитой осчастливлю?

– Нет.

– Ну хоть в рыло ему плюнуть?

– Нет.

– А палец средний эдак выгнуть да показать?

Видимо, я замешкался с ответом, потому что Митька всё-таки выгнул и показал.

Ряды скелетов всё правильно поняли, каким-то образом покраснели в скулах и пошли в атаку. Мы чудом успели нырнуть за ворота. Тяжёлые створки резко захлопнулись за нашими спинами.

С той стороны раздались глухие удары пустых черепов, но пробить лбами старый дуб, окованный железными полосами, они, естественно, не могли.

– Митя, тебе выговор с занесением!

– За что же?

– За всё!

– Ну хоть не уволили, и то спасибо.

– Ещё уволю!

– Обижаете сироту недокормленного, – привычно ухмыльнулся Митька, наглым образом подпуская фальшивой слезы в голос.

На нашу Ягу это, как ни странно, действовало до сих пор, но я-то знал его как облупленного.

Вот вернёмся, он у меня неделю двор будет мести, носу в город не высовывая. И никакой квашеной капусты! Ни с клюквой, ни с калиной, ни с брусникой!

Зверство, конечно, но с Митей иначе нельзя, он только сильную руку уважает.

Например, того же бабкиного кота наш богатырь ни в грош не ставит, а вот, с другой стороны, азербайджанского домового сразу зауважал, после того как тот к нему с двумя кинжалами в сени ночью припёрся. Полаялись матом, выпили коньяка, помирились, теперь друзья неразлейвода.

А кот Васька… он же у нас непьющий. Кроме валерьянки! Но продолжим…

Мы дружной опергруппой, слаженно прикрывая друг друга и не теряя бдительности, вошли в гостеприимно распахнутые двери замка и двинулись внутрь по широкому коридору, освещаемому оплавленными свечами красного воска. Одни. Нас никто не встретил, не пригласил, не сопроводил.

Честно говоря, так уж страшно не было, скорее даже интересно. Да вы и сами понимаете, тех, кто хоть раз был в гостях у Кощея Бессмертного на Лысой горе, запугать очень трудно. А ведь мы туда в последнее время вообще ходили как к себе домой.

– Чегой-то недопонял я, – начал наш младший сотрудник, который в принципе не умеет долго держать язык за зубами. – Это что же, из стен нечисть всякая поганая лезть не станет? Никто меня, младшего сотрудника, пугать не будет? За филей взять не попытается, к себе в могилу не потащит, грубиянством посмертным не озаботится? Чёй-то, чую, не так тут всё, неправильно. Не по совести же! Издеваются, как хотят, над сотрудниками милиции…

Бабка невзначай тюкнула его старой клюкой по коленке, прерывая поток несанкционированных фантазий. Митя взвыл, обиделся, заткнулся и переключился на личные проблемы. То есть умолял меня выписать ему нечто вроде больничного. Типа пострадал от сослуживцев, а значит, право имеет! Наив ландышевый…

Впрочем, всё это ненадолго, поскольку полностью остановить его сложно, в этом плане наш младший сотрудник, быть может, и самого дьяка Фильку переплюнет. Нет?

На мгновение я даже задумался, как там сейчас без нас скучает одинокий гражданин Груздев? Сидит себе, наверное, на хлебе и воде или ещё какой-нибудь полезной сосисочной диете в уютной фрайбургской тюрьме под присмотром обходительного бургомистра.

Впрочем, собственная судьба сейчас беспокоила меня гораздо больше. Длинный коридор вывел нас в широкую галерею, увешанную старинными картинами. В основном это были портреты каких-то неизвестных дам, мрачных рыцарей и могучие фигуры всадников в полный рост.

Мы с Ягой шли, ничего не трогая, но тут наш неугомонный герой решил сам до чего-нибудь докопаться, раз уж к нему никто не пристаёт.

– А-а, глядите, какая важная рожа! Можно я ей язык покажу? А я уже показал! Вот и ещё раз покажу и в нос потыкаю! Видали, как чуть палец мне не отхватила-а…

Оказалось, что эти старинные портреты вполне себе живучи и не только каким-то невероятным чудом двигаются, но даже способны при случае дать сдачи, представляете?!

Пока мы с бабкой укоризненно качали головами, наш младший сотрудник только и успевал метаться от стенки к стенке, получая по башке то веером, то конским копытом, то плоской стороной меча. Этот замок вполне мог самостоятельно поставить на место любого зарвавшегося гостя.

– Заступиться за мальчонку, что ль?

– Я бы не стал. Идёт нормальный воспитательный процесс, к тому же он первый начал.

– И то верно, – подумав, согласилась моя домохозяйка. – Ему оно только пользительно!

А уже через минуту перед нами распахнулись очередные двери, открывая роскошный тронный зал, где в окружении грозной охраны в чёрных доспехах сидела на бархатном кресле невероятно красивая женщина. Я попробую её описать…

Шёлковое, чёрное с красным платье, смоляные волосы, убранные под золотую сетку, бархатные чёрные глаза в обрамлении удивительно длинных ресниц, тонкие чёрные брови и совершенно бледное, беломраморное лицо, идеально правильное, словно у голливудских моделей.

Митяй просто замер с распахнутым ртом, я же почувствовал, как остановилось сердце, а обручальное кольцо на пальце как-то сразу стало тесным. Наверное, поэтому первое слово преспокойно взяла Баба-яга:

– Здоро́во, что ль, сестрица названая!

– И тебе не хворать, – к моему изумлению, на чистейшем русском, без малейшего акцента откликнулась прекрасная хозяйка Чёрного замка.

Обе женщины, одной не больше тридцати, другой недалеко за триста, церемонно обнялись, чмокнув друг друга в щёчку. Ничего не понимаю, вроде как получается, что глава нашего экспертного

отдела давно знакома с этой Чёрной баронессой?

– Уж не знала, не ведала, к кому в гости иду. Глядь, а тут ты?!

– Да и мне в голову не приходило, что сестрица старшая из самой святой Руси ко мне в лес заехала. Думала, ты всё так же в ступе летаешь.

Я на минуточку вспомнил о том, что ступа, кстати, по-прежнему стояла на крылечке избушки, прикрытая рогожей. Но бабка об этом почему-то ничего говорить не стала, а перешла к главному:

– Дело у нас неотложное. Ищем мы кой-кого в твоих владениях.

– Слышала.

– От ворон?

– От воронов, – поправила красавица. – Могу твоей печали помочь. Но ведь не задаром?

Яга обернулась ко мне, все видом показывая, что пора включаться в разговор, торги начались.

– Двое молодцов с тобой пришли, – продолжила хозяйка Чёрного замка, голос у неё был совершенно необычайный, чарующий и обволакивающий, но на её дивных губах не мелькнуло даже подобия улыбки. – Неужели это те самые милиционеры, о которых судачат в городе? Забавно. Отдай мне одного, сестрица, и я укажу тебе дорогу к блудному принцу.

Митяй счастливо закивал, хотя смотрела черноокая баронесса скорее на меня, чем на него.

– Позвольте представиться…

– Ещё преставишься, – ровно вставила баронесса. – Но продолжай, я покуда не видела мужчин в такой странной одежде. Ты явно небогат, но держишься с достоинством. Привык командовать, но не полководец. Защищаешь своих, даже если стоишь всего на полшага впереди.

– Допустим, – кивнул я.

– Полицейский или стражник, но, скорее, ни то ни другое. Мудрец, любящий загадки? Герой, идущий за неведомым со своим поредевшим отрядом? Усталый муж, ищущий горячих развлечений вдали от любящей жены? Всё, похоже, но не так. Яга! Я возьму этого, он мне интересен.

Прежде чем покрасневшая бабка успела вставить хоть слово, я сунул руку в планшетку, достал зеркало волшебное и дыхнул на поверхность. Волей Провидения в генеральских погонах (ведь должен же быть какой-то святой, заботящийся о простых ментах!), короче, Олёна была дома.

– Никитушка, любимый мой!

– Милая, я тоже скучаю, – торопливо влез я. – Тут вот одна

озабоченная гражданочка с неплохими формами и знанием дедукции хочет, чтоб я у неё остался. Ты не против?

– Покажи-ка эту овцу-самоубийцу!

Как вы понимаете, мне оставалось лишь развернуть зеркало к Чёрной баронессе и дать знак нашим заткнуть уши. Полторы-две минуты из зеркала нёсся такой отборный мат, такие угрозы, такие клятвы, описания, обобщения и конструкции, что лицо владычицы Чёрного замка в Шварцвальде резко пошло пятнами. Бледная кожа натянулась настолько, что чётко проступил череп, и на какой-то момент нам всем стала ясна истинная сущность дамочки…

Это было столь жуткое зрелище, от которого реально кровь холодела в жилах. Будь я Стивеном Кингом, или кто там ещё пишет сценарии фильмов ужасов для Голливуда, наверное, мне удалось бы быть более ярким, красочным и убедительным в описании.

Но ведь, по сути, я простой участковый, худо-бедно хоть протоколы писать умею, а литературные произведения – нет. Уж простите, включите фантазию, попробуйте додумать сами.

– Свет очей моих?

– Да, дорогая? – Я развернул зеркало к себе.

– Закончи это дело побыстрее и марш домо-ой!!! – проорала моя Олёнушка так, что с потолка что-то посыпалось, то ли пепел, то ли известь. – Я очень тебя люблю и жду. И… похоже, мне есть что тебе сказать.

– Я же ни в чём не виноват!

– Знаю. Но кое в чём уж точно.

Зеркало отключило сеанс видеосвязи.

Мне оставалось молча сунуть его обратно в планшетку и так же, как все, ждать – что теперь будет?

Хозяйка замка на законных правах взяла себе первое слово.

Не сразу, конечно, а как только пришла в себя, похлопав по щёчкам, прогоняя румянец и восстанавливая привычную для себя аристократичную благородную зеленоватую бледность. И да, это было о-о-очень непросто.

– Значит, ты и есть тот самый сыскной воевода Никита Ивашов? Много всякого о тебе за два года по нашим Европам наслышано. Где правда, где ложь, а где глупые сказки, кто ж разберёт? – покачала головой черноволосая красавица. – Что ж, сама не знаю я, что мне теперь с вами делать, гости незваные. Отдохните покуда. Ешьте-пейте без меры, отравой не балуюсь, не моя то стезя. А вот если бежать надумаете, так не советую: мой лес – мои законы!

– Благодарим, сестрица младшая. – Баба-яга чуть склонила

голову набок, словно розовый попугайчик, что, видимо, должно было изобразить почтенный поклон. – Ты про нашу беду знаешь. Врут люди, будто бы я вашего принца Йохана убила да съела! Но…

– Что «но»?

– Раз ты при его имени не дрогнула, так, может, и сопроводить к нему сможешь?

– Э-э… – замялась хозяйка Чёрного замка.

– Стало быть, живёхонек он?

– Возможно.

– На том порешим и суда твоего ждать будем. Так ли, сыскной воевода?

– Не совсем, – прокашлялся я. – Как видите, дома нас тоже очень ждут. Сейчас вы слышали, что думает по этому поводу моя жена. В следующий раз я попрошу пригласить на беседу самого царя Гороха. Да, да, того самого, который в прошлый раз, образно выражаясь, «навтыкал вашим под Ревелем»! Зачем-то напоминаю вам, что в какое-то время он сам, и супруга его Лидия Адольфина Карпоффгаузен даже служили у нас в отделении.

– И что же с того?

– Как – что? Я же понятным вроде бы языком объясняю. Мы вам ничем не угрожаем, но наш горячий царь Горох в любой момент готов с войском Днестр форсировать, если хоть тому же Митьке кто-нибудь оцарапает пальчик. Так понятнее?

На лицо Чёрной баронессы набежала чёрная (а какая же ещё?!) тень. Какое-то мгновение она явственно боролась с жуткими демонами, обуревающими её душу, и, судя по всему, очень-очень хотела задушить нас всех тут же, на месте. Потом всё-таки собрала силу воли в кулак, сжала, уравновесила и без улыбки обернулась к нам.

– Отдыхайте, гости. Никто и ничто вас не потревожит. Мой ответ будет скоро.

За дверями раздался дробный топот. Наш младший сотрудник побледнел, он вообще в последнее время взял эту странную моду – чуть что, обморок изображать. Двери позади нас распахнулись, а за ними вполне ожидаемо стоял конвой тех же самых скелетов, что вылезали из могил перед воротами замка.

Ну, может, конечно, и не так уж тех самых, может, это были чуточку другие, просто очень похожие, я спорить не стану. Мы с главой нашего экспертного отдела просто подхватили полуобморочного от страха Митеньку под белы рученьки и вывели из зала.

Наверное, по протоколу надо было бы написать «из тронного зала»? Не знаю, поэтому уж простите великодушно.

– Митя, держись.

– Скелеты, мертвецы, трупы ходячие-е…

– Митя, не смотри на них, смотри в потолок.

– А ежели укусят?

– Мы с бабушкой Ягой не позволим. Правда?

– Истинная правда, Никитушка! Я уж бдю-бдю как могу. И ежели кто только зуб показать посмеет, я ж ему клюкой по челюсти с размаху как дам! Был зуб, а вот уж и нет его.

– Верю, – простонал наш впечатлительный бугай, подгибаясь в коленях. – Маменьке моей на деревню напишите, ежели что. Дескать, так и так, пущай соседям расскажет, что Митька её непутёвый погиб смертию храбрых, престол и Отечество защищаючи.

– А по шеям?! – не выдержал я.

– Сироту все обидеть норовят.

– Тебя обидишь!

Договорить мне не дали, один из наших костлявых конвоиров зачем-то зевнул, звонко лязгнув челюстями. Митька икнул, и его повело…

– Аа-а, не держите меня-а, живым не дамся-а!!!

Страх перерос в панику, паника в агрессию, и, прежде чем мы с бабкой успели хотя бы лечь на пол, чтобы сориентироваться в ситуации, он, зажмурив глаза, начал махать пудовыми кулаками направо-налево так, что уже через минуту от эскорта оживших скелетов на ногах не осталось ни одного! Щебень, пыль, прах и ничего более….

– Митя, брейк! Брейк, я сказал! Мертвецы кончились, приказываю взять себя в руки и успокоиться.

– Стра-ашно-о-а мне, Никита Иванови-ич.

– А им не страшно было?! – перешагивая через мелко перемолотые кучки костей, простонал я. – Иди уже! Раздолбал всех скелетов – не собрать, не склеить. Как нам теперь дипломатично перед хозяйкой замка извиняться, ума не приложу.

– Дык я готов отстрадать! – пылко воспрянул наш добрый увалень, но Баба-яга одним ударом клюкой по затылку мигом добавила ему ума.

– Прилечь бы, – сразу опомнился Митя. – Устал я чёй-та, день тяжёлый.

Пожалуй, на тот момент мы все думали так же. Все устали, у всех нервы были на пределе, всем хотелось прилечь и отдохнуть, хоть бы ради того, чтобы собраться с мыслями.

Коридор завёл нас новым проходом вправо, где за окованной крест-накрест металлическими полосами дверью оказались вполне себе сносные гостевые покои.

Ну как гостевые, не «Метрополь», разумеется. Одна широкая кровать, на которой, пожалуй, можно было бы улечься вшестером, даже учитывая ширину Митиных плеч. На стенах выцветшие гобелены, изображающие рыцарей, принцесс, драконов и единорогов. Душа и туалета нет. Есть так называемое ночное ведро, или ночной горшок, в углу под кроватью.

Кнут Гамсунович как-то обмолвился, что балдахин ставится, чтобы защитить от тараканов и конденсата, капающего с сырых потолков. В Голландии, например, ещё и дверцы у кровати закрываются на манер шкафа, чтобы крысы или мыши ночью не забежали погреться под одеялом.

На этом европейском фоне русская печь и кот в доме выглядели просто чудом каким-то. Инженерная мысль и биологическое оружие.

– Никому ничего и в рот не брать! – строго предупредила бабка, покосившись на богато накрытый стол перед кроватью. Еда была самая простая – сыр, хлеб, колбаса, ветчина, вино, но всего этого было много, а мы давно не ели…

– Думаете, она нас отравить собирается? – Мы с Митькой сглотнули слюну.

– А чего ж тут думать-то?

– Но баронесса сказала, что отравой не балуется!

– Сама не балуется, а нас-то с чего не потравить? – искренне удивилась глава нашего экспертного отдела, смачно плюнула себе на ладони, растёрла и поводила над столом.

Почти над каждым продуктом на миг зависало бледно-зелёное сияние. Под магическим «ультрафиолетом» не заиграл лишь один длинный батон французской пекарни и стеклянный кувшин простой воды. Собственно, вот и весь наш ужин в ту достопамятную ночь.

– Что ж, соучастнички, сообщники, сослуживцы, – протянула Яга, деля хлеб на три неравных куска. Больший достался Мите, средний мне, меньший ей. – Ешьте, пейте, а уж почивать уложимся на полу.

– С чего бы? Поди, ежели на бочок ляжем, дак и все уместимся, – вякнул было наш младший сотрудник, но бабка подняла со стола блюдо копчёного мяса и бросила жирную свинину на кровать.

В один миг и мясо, и фарфоровый поднос с огненным пшиком растворились в шёлковом покрывале. Даже фарфоровых осколков не осталось.

– Ух ты, – восхищённо выдохнул Митька, мгновенно загораясь нездоровым энтузиазмом. – А можно я ещё чё-нить туда заброшу?

В принципе, мы не были против. Пусть парень

поразвлекается, нам жалко, что ли? Пока этот добрый молодец метал на всеядную кровать, что попадалось ему под горячую руку, мы с Бабой-ягой сели прямо на пол, привалившись спиной к стенке.

– Колитесь.

– Это допрос, что ль, соколик?

– Нет, это предложение честно рассказать своим товарищам о вашем тайном знакомстве с хозяйкой Чёрного замка. Лично меня как-то даже смутило, что она в лицо называет вас сестрицей и вы ни на минуту не выражаете возмущения подобной фамильярностью. Итак?

– Не скажу.

– Как хотите.

– Всё одно не скажу, – упёрлась рогом бабка вроде бы как на пустом месте. – Не хочу и не буду. Имею такое право! Не заставишь, начальник!

Я пожал плечами и отвернулся. Яга не могла долго молчать, это был всего лишь вопрос времени. Итак, раз, два, три, четыре-е…

– Да леший тебя раздери, ищейка ты участковая!

– Я не слушаю.

– А вот ты слушай!

Старушка уже закусила повода, её понесло, поэтому мне оставалось лишь навострить уши и слушать, слушать, слушать…

Если не приводить весь монолог целиком или хотя бы попытаться убрать из него эмоциональную составляющую, то в интересах следствия могло быть интересно относительно немногое. Но тем не менее признаю: ей было что скрывать, реально было.

В дни своей относительной молодости, то есть когда Яге было лет сто – сто пятьдесят, она периодически наводила шороху не только на Великой Руси (которая в те времена не была столь уж великой), а свободно разгуливала под разными именами в землях Польши, Чехии, Болгарии, Словакии, Венгрии, да и той же Германии. Европу бабуля знала, не надо врать.

Так вот в тихом занюханном Дрездене она и познакомилась с Чёрной баронессой. Причём их разницу в возрасте особо учитывать не стоит, она весьма себе условна. Баба-яга никогда свои года не скрывала, а вот её подруженька (сестрица!) по буйным студенческим попойкам к своему возрасту относилась крайне щепетильно. Женщины меня поймут.

То есть по факту втирала всякие там мази, ходила на массаж, пила минеральную воду, купалась в оленьей крови, делала пластические операции, но на самом-то деле, быть может, была

даже на десять – двадцать лет старше нашей бабки.

Знакомы они были очень давно, но шапочно, встречались пару-тройку раз на праздниках Белтейна майской ночью у Лысой горы под Киевом. Не на той, где замок Кощея, как вы понимаете, Лысых гор и по всей Центральной Европе предостаточно. Главное, чтобы была открытая площадка и никто из простых граждан особенно не совался подсматривать.

Ведьмовские шабаши начали входить в моду ещё с пирамид Древнего Египта, а уже в раннехристианские времена ведьмовское сообщество более не пряталось в одиночку по пещерам и гротам. Наоборот, люди старались объединиться в союзы, компании, группы по интересам, где пьянствовали, пели, плясали, устраивали оргии, ну и попутно обменивались опытом.

В той или иной мере, разумеется, раскрывать нетрезвым «сестрицам» все свои тайные заклинания, мягко говоря, не поощрялось. Конкуренция в женской среде всегда была крайне жёсткой, а уж в ведьмовском мире откровенничать вообще чревато. Тебя съедят, вытрут об тебя ноги и будут абсолютно уверены, что поступили правильно! Ничего личного, просто бизнес, не ты, так тебя.

Получалось, что в последний раз бабка пересекалась с черноокой баронессой аж за два года до рождения дедушки нашего Гороха. Знала, что та из немецких земель, но откуда точно, не интересовалась. Да та и не сказала бы, наверное, ведьмы часто меняют адреса.

Потом их дорожки надолго разошлись, и пробежала между ними отнюдь не чёрная кошка, а скорее опытный сердцеед с благородной лысиной. Ну, думаю, вы все поняли, о ком шла речь.

– Стало быть, к чему я всё веду, – подустав, зевнула Яга. – По традициям уголовным, ведьмовским, коли одна сестрица к другой даже нежданной-незваной заявилася, гнать от порога у нас не принято. Крышу над головой завсегда дадут, но и возможности пакость устроить не упустят.

– Тогда, может быть, нам стоит вернуться в нашу избушку?

– Нельзя, соколик, никак нельзя. Тут уж назвался груздем, так и лезь в кузов. А сбежать попробуешь, трусость покажешь, она нам всех собак вслед спустит и сама на Дикую Охоту поспешит. Стара я стала от подружек бежать, да ногу простреливает на непогоду.

– Ясно. – Я выпрямился, потянулся и скомандовал: – Что ж, всем отдыхать! Все вопросы будем решать завтра.

– Белку в глаз бьёшь, участковый… – начала было бабка, но вовремя спохватилась: – Ох, прости, прости, про белку больше ни слова не скажу! А денёк с утречка и впрямь непростой будет,

сестрица младшенькая зря слов не бросает, а ежели и поможет нам, дак плата за то высока будет.

Наш содержательный диалог прервал нарастающий Митькин храп.

Вот ведь счастливый и беззаботный парень – живёт чистой и незамутнённой жизнью, без особых проблем и лишней ответственности. Голоден – ешь, устал – спи, по службе делай, что велят, и нет проблем! Если б ещё не буйная фантазия с неукротимым энтузиазмом, цены б ему не было как сотруднику милиции младшего звена.

Я покосился на Митьку, вольготно развалившегося на каменном полу, словно большой белый медведь, подумал и привалился рядышком, спина к спине. Баба-яга свернулась калачиком в уголке.

Конечно, сон на холодном камне без подушек и одеяла особым удовольствием не назовёшь, но, видимо, мы всё-таки здорово вымотались за дорогу, поэтому лично я отрубился сразу, как только лёг. Не помню даже, закрыли мы за собой дверь? Да пофиг…

К тому же сны в Чёрном замке шварцвальдовской красавицы были такие волшебные и красочные, хоть сценарий по ним пиши. Вроде бы меня что-то разбудило, я поднялся на локте и вижу, как часть стены со скрипом отъехала в сторону, а из тайного хода на четвереньках вылезает какой-то мутный бородатый гном с большущим ножом в зубах. Я, значит, делаю вид, что сплю, а потом как подпрыгну, как закричу:

– Буга-га-га!!!

Бородатый недомерок охнул, схватился за сердце, жалобно захрипел и бежать, а нож на пол выронил. По-моему, даже на стали отпечатались явственные следы зубов. Ну да и тьфу на него, потому что потом сон ещё интересней стал. Откуда-то из-под пола тонкой белёсой струйкой вылез призрак очень стройной бледной девушки с распущенными до пояса волосами.

Больше ничем она не прикрывалась, ну разве что пухлые губы щедро извозила самой яркой губной помадой. Фу, фу, фу, у нас в Лукошкине даже разбитные девицы с Лялиной улицы выглядят куда скромнее и приличнее. В комнате резко похолодало, я вроде бы начал искать одеяло, но не нашёл, хотя во сне обычно можно найти всё. Но не в этом сне, хотя и страшно тоже не было.

Призрачная девушка медленно приближалась, я сдуру решил, что другим тоже будет интересно на неё посмотреть, но будить Ягу не рискнул, а потянул за ногу Митьку.

– Вставай, дубина стоеросовая, всё интересное проспишь!

Но Митька даже во сне просыпаться отказывался, а потом

стянул с ноги сапог и запустил в меня. Я пригнулся. Сапог пролетел сквозь девушку, и она почему-то обиделась. Лицо стало злым, из-под красных губ выползли страшные клыки, на руках выросли чёрные когти.

– Это не я, это Митька, хи-хи… – Мне почему-то стало жутко смешно.

Голая красавица, видимо, хотела что-то ответить, или покричать, или повизжать, не знаю точно, но лишь она попыталась набрать воздуха в грудь, как резко закашлялась, позеленела, схватилась за горло, упала на колени, поскребла когтями ног по каменному полу и исчезла одним хлопком. Ну, быть может, не сразу, конечно…

То есть она ещё зачем-то бросила укоризненный взгляд на правую Митину ногу, умотанную в позапозавчерашнюю портянку. Мы-то давно к таким ароматам привыкли, а вот немецкая нечисть, похоже, имела более деликатное обоняние.

– Ну и подумаешь. – Ни капли не обидевшись, я перевернулся на другой бок. В первый раз ночую в настоящем готическом замке – и сразу такие волшебные сны. Может, ещё кто придёт? Хотелось бы сказку про Кота в сапогах, но она вроде французская.

Ожидания оправдались, однако вместо кота буквально через пять минут пришёл высоченный мертвец в кандалах. Он строил страшные рожи, высоко поднимал колени, скрипел зубами и тянул ко мне когтистые руки. Драная одежда военного образца, жёлто-зелёные останки плоти, выразительная чёрная чёлка на лбу и кубик усиков под дырявым носом.

Я всё никак не мог вспомнить, кого мне это напоминает, но точно знал, что Митю непременно надо поднять. Наш младший сотрудник до икоты боится мертвецов, а какой же начальник упустит такой шанс взбодрить подчинённого? В реальности нет, конечно, но во сне можно, смешно же!

Хитрый мертвец тоже сразу это почувствовал, и мы наперегонки рванулись к Митьке. Мёртвый успел первым и даже взмахнул над его головой тяжёлыми кандалами. Конечно, с целью весело позвенеть, не бить же ими спящего?!

Пользуясь тем, что во сне можно всё и всё не страшно, я попросту толкнул его коленом под тазовые кости. Мертвец с чёрной чёлкой запнулся о брошенный сапог того же Митьки, всем телом (или что там от него осталось) перелетев на опасную кровать! Одна вспышка до потолка, и… всё. По-моему, даже квадратных усов не осталось. Ну, могло бы быть и повеселее…

Погрозив кровати пальцем, я лёг на пол, надеясь вновь, что приснится что-нибудь эдакое.

К сожалению, интересных снов больше не было. От холода я

проснулся, клацая зубами, уже часов в пять-шесть утра. Митькина спина, конечно, полыхала как печка, но обнимать его и греться казалось как-то предосудительно. Что люди скажут на такое вопиющее нарушение субординации? Да и я женатый человек. Кстати, бабка уже встала и зачем-то обшаривала углы комнаты.

– Доброе утро! Чем занимаетесь?

– Коли живы все, так куда уж добрей, – меланхолично согласилась Яга, клюкой загоняя под кровать чей-то обугленный череп без нижней челюсти.

– Не понял, это… э-э…

– А это тебя, сыскной воевода, спросить надобно.

Я нервно потёр ладонями виски, а неумолимая глава нашего экспертного отдела наклонилась, подняв с пола длинный нож с глубокими следами чьих-то зубов.

– Я не виноват, мне всё приснилось!

– Да видела, как ты не виноват. Своими глазами видела, – мрачно поморщилась Баба-яга. – Ить от же чуяло сердце, что не стоило нам всем ту воду пить! Однако жажда проклятущая верх взяла. Ить я ж завсегда перед сном пью. Правда, чаще не воду…

– Но вы же её проверяли?!

– А то! И щас тебе скажу: яду в ей не было. Да вот колдовская соль, видать, была. Под старым Кряковом, в местечке Велички, таковую копают, и цвет у ей голубой, оттого при растворении простым взглядом не увидишь, на вкус не почуешь.

– Так в чём смысл?

– В том, какая зараза и какие слова над ней нашептала, – повела плечиком милая старушка. – Вот с той воды каждый из нас себя по-своему вёл: Митька спал беспробудно, я всё видела, да тока рта раскрыть не могла, ну а тебя с того на подвиги разные потянуло. И ведь, что ни говори, уж ты, сокол ясный, храбро со всеми бедами управился!

– Это… получается, это был не сон?

– А-а, чегой-то вы тут шумите над самым ухом? Будите сироту недокормленного почём зря-а, а-ах… – широко зевнул наш младший сотрудник, встревая в разговор. – А то, может, я чему помешал? Может, вы здесь без меня какие-то секреты обсуждаете? Может, насмешничали у меня за спиной, а?!

Мы с бабкой переглянулись и, не сговариваясь, отвесили болтуну по подзатыльнику. Ему не больно, а нам снятие стресса. Митька чихнул, улыбнулся, встал, радостно потирая руки.

– Ох и выспался же я, слава родной милиции! Сколько сил в себе чую, ажно грудь распирает до чрезвычайности. Хотите, чё-нить эдакое учиню? Да за-ради вас хоть королевне энтой чернявой нашу избушку на голову надену!

– Теперь его на подвиги тянет?

– Побочный эффект, – подумав, согласилась Яга. – Наше дело ведьмовское по сути своей преизрядно тонкое. Потому и кажный раз по-разному себя проявляет. Ну дак мы за то с моей сестрички названой по полной спросим. С пристрастием!

И, судя по необычайно холодному взгляду нашей доброй бабушки, кое-кому сегодня придётся очень несладко. Это она у нас в обычном состоянии вспыльчивая, но отходчивая. А вот когда по-настоящему сердится, спокойная-а даже не как танк, а как ракетоносный крейсер с атомными боеголовками, – вот тогда гаси свет, жми ядерную кнопку. Думаю, вот и динозавры в своё время так же нарвались, вытоптали ей огород с морковкой, ну и…

– Наши планы?

– Идём разборки чинить.

– Но, быть может, ваша подруга и не собиралась нас травить. Просто роковая случайность.

– Да за таковские случайности бьют до чрезвычайности, а за такие небрежности бьют по промежнос… – вспыхнула было Яга, обеими руками запечатывая себе рот. Выдохнула, перекрестилась и кротким голосом попросила: – Митенька, пни дверцу ножкой. Да не поскупись, от всей души пни!

– Рад стараться, Бабуленька-ягуленька, – демонстративно засучил рукава наш богатырь. – За-ради вас и лбом готов ейную дверь вышибить!

Слава богу, лоб он применить не успел, мы вообще редко разрешаем ему головой пользоваться. А вот ногой махнул так, что дверь с первого удара выгнулась назад, со второго слетела с петель, а с третьего вылетела вон, впечатав в противоположную стену двух стражников-скелетов в рыцарских латах. Не очень они им помогли.

Всё в хлам, в щебёнку, вдребезги, авангардная инсталляция из костей, доспехов, гвоздей и досок на стене. Простите, парни, не мы это начали…

В тронный зал мы вошли слаженной опергруппой, готовой к бою! Чёрная хозяйка с круглыми от изумления глазами вытаращилась на нас, как глубоководный камчатский краб, не зная, что сказать или с чего начать.

Справа и слева от неё стояли с мечами в руках два высоченных волкодлака. Полулюди-полузвери. Помнится, мы с такими уже встречались ночью у избушки. Кто-то спалился, да?

– Тока зубы мне разочек покажете, враз обоим хвосты отвинчу и в моём же присутствии без соли съесть заставлю, – мрачно пообещал наш младший сотрудник, с хрустом разминая пудовые кулаки. – Потом шкуру спущу, голыми в Африку пущу, а

на суде в Гааге скажу, что так оно и было!

– Потому как неча было на милицию наезжать, – весомо добавила бабка, цыкнув зубом и проведя большим пальцем под горлом.

Короче, мне пришлось вмешаться, пока не началась драка.

– Гражданочка… э-э… баронесса? Хорошо, пусть так. Вы арестованы за попытку применения насильственных действий, влекущих вред для жизни и здоровья сотрудников Лукошкинского отделения, находящихся у вас по вашему же приглашению.

– Арестована? – без улыбки прищурилась владычица Шварцвальда. – За насильственные действия? О, разве я кого-нибудь насилую или принуждаю?! Нет, нет…

Она встала с трона, коснулась каких-то золотых пряжек на плечах, и в тот же миг длинное чёрное платье волной упало к её ногам, обнажив великолепную фигуру, словно выточенную из слоновой кости. Я успел подхватить Митькину челюсть, а надо бы свою.

Вервольфы (видимо, им такой стриптиз не в диковинку), зарычав, обнажили клыки.

– Ну всё, стерлядь с сиськами, – прорычала Баба-яга, берясь за клюку. – Я те покажу, как у меня, молодой, Кощеюшку отбивать! Будь он сто раз проклят, скотина плешивая-а…

Дальше, как вы понимаете, уже пошло форменное безобразие: мат, крики, рычание, мордобой. В котором я, по счастью, никакого участия не принимал.

Отошёл в сторонку, прислонился спиной к дверному косяку и спокойно наблюдал, как Митька треплет холки обоим европейским монстрам, тряся их за шкирку, как нашкодивших щенков. Как моя тихая домохозяйка с нереальной скоростью гоняется за голой тёткой по полу, по стенам, по потолку и лупцует её своей кривой клюкою куда попадёт. Как волкодлаки в ярости кусают друг дружку, как черноокая красавица пытается дать Яге сдачи, применяя какие-то диковинные приёмы неизвестной мне борьбы, и кидается во все стороны огненными шарами. Трон и ковры спалило на фиг…

Повторюсь, я ни во что не вмешивался, в конце концов, всем нам надо выпустить пар, так что пусть народ развлекается. Через пару минут мне взбрело в голову поделиться всем этим с Олёной. Я вытащил волшебное зеркальце, подышал на него, но, увы, моей жены в горнице не было. Ни её, ни кота, ни азербайджанского домового, ни даже случайно забежавшего на стол таракана.

Я со скуки повертел зеркалом туда-сюда, покричал в надежде, что меня хоть кто-то услышит, однако на этот раз все, видимо, были чем-то очень заняты и моего визита на видеосвязь не ждали.

Ну и ладно, что тут поделаешь. В следующий раз перенаберу, роуминг не ограничен, удобно же.

Тем более что минут через пять-шесть накал драки пошёл на убыль: растерявшие зубы волкодлаки жались к дверям, Митя с ног до головы был облеплен мокрой волчьей шерстью, Баба-яга загнала взопревшую соперницу в угол, положила на колено задницей вверх и выбивала из неё нечто вроде «простите, тётенька, я больше не буду-у…».

Я поправил фуражку и решил, что пора.

– Граждане преступники, предлагаю сейчас же сдаться! Закон суров, но справедлив. Если вы готовы пойти навстречу следствию, то всегда можете рассчитывать на снисхождение.

Изрядно ощипанные волкодлаки закивали первыми, подняв над головой лапы вверх. Под угрозой очередного удара клюкой по прекрасной… тьфу, в общем, за ними резко сдулась и бабкина «сестрица». Наши бы боролись до последнего, русские не сдаются, но это ж Европа…

Хозяйка Чёрного замка в самом сердце Шварцвальда на четвереньках побежала к трону, быстренько влезла в платье, упаковавшись полностью. Поправила причёску и уважительно обернулась ко мне.

– Герр полицай, или как по-вашему, батюшка сыскной воевода?.. думаю, мы найдём общий язык, так как даже несмотря на все возникшие недоразумения…

– По твоей же вине, сучка крашена, – вполголоса добавила Яга.

– Почему же крашена, это мой естественный цвет, – несколько нервно продолжила Чёрная баронесса. – Я готова оказать всевозможное содействие органам правопорядка. Мы, немцы, очень законопослушный народ. Вы искали принца Йохана? Я укажу вам дорогу.

– Благодарим за помощь следствию, – козырнул я.

– Но не обижайтесь, если в конце пути вы увидите не то, что хотели.

Вот честное слово, на тот момент я не особо запомнил её слова.

Или, вернее, запомнил, конечно, но не принял их к сведению. То есть принял, но не настолько.

Ведь главным для меня был тот неоспоримый (судя по всему!) факт, что принц похоронен в Шварцвальдском лесу, в германских землях, в центре Европы. А значит, никаким боком нельзя обвинить в его гибели нашу Бабу-ягу! Она его не съела! И подавись ты, ваше королевское величество Вильгельм какой-то там по счёту, всеми своими голословными обвинениями!

– Смотри у меня, сестрица младшая, ежели только…

– Не тупее тебя, сестрица старшая, – прошипела хозяйка Чёрного замка, высунув язык. – Лично мне тот блудный принц без надобности. Хочешь забрать – забирай. Эй, вы, слуги мои верные, проводите опергруппу. Куда надо проводите, добром прошу, ибо слово держать умею!

Оба потрясённых волкодлака переглянулись меж собой, покорно кивнули и склонились перед нами в сутулом поклоне. Я кивнул, мы идём.

Должен с уважением признать, к чести хозяйки лесного замка, что по всему пути следствия в нашу сторону не было обращено ни одной провокации. Нас торжественно сопроводили длинным коридором с переходом через кухню, тюрьму, склад продуктов и военный арсенал, по винтовой лестнице вниз, в какой-то узенький, затянутый паутиной и заросший пылью проход.

Митя был вынужден идти боком, ширина плеч не позволяла ему развернуться, и голову вечно приходилось пригибать. Первым шла Баба-яга, за ней я, за мной Митя как младший сотрудник, замыкающий опергруппу. Волкодлаки, как вы поняли, вежливо отошли в стороны уже после арсенала. Зубы не показывали, но плохо скрываемые ухмылочки на их пёсьих мордах не предвещали ничего хорошего.

Ой, да затолкайте себе весь Уголовный кодекс РФ под хвост и прыгайте от радости, не жалко. Сами справимся! Тем более что, успокоения нервов ради, Митька вновь начал вполголоса напевать что-то бравурное…

Кто скучной трезвости своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый честный из людей!
Мужик! Без многоточия.

При всём при том,
При всём при том

Пусть все штаны в заплатах.
Кто честно глушит водку ртом,
Того зову я братом!
Вот нам поставлен новый поп,
Он всех зовёт покаяться.

Но пусть он бестолочь и сноб,
Зато отличный пьяница!

При всём при том,
При всём при том
Пусть польза от кефира,
Но будет день, когда кругом
Мы всем сопьёмся миром!

На этот раз я точно знал, что и у кого он украл, просто сказать ему об этом не успел. Впереди вдруг забрезжил слабый свет. Если учесть, что мы уже с полчаса (или мне так казалось) брели во тьме, ориентируясь лишь на «ночное зрение» нашей эксперт-криминалистки, свет впереди вселил надежду во всех! Бабка первой облегчённо выдохнула, перекрестилась и изобразила аристократический обморок, картинно упав мне на руки. Она же лёгкая как пёрышко.

– От ить он, сукин сын, принц Йохан!

Прямо перед нами открылась обширная пещера, где в запечатанном стеклянном (пластиковом, хрустальном?) гробу на серебряных цепях, прикреплённых к потолку, качался труп молодого человека в дорогих средневековых одеждах. Мы подошли поближе рассмотреть тело.

На вид я бы дал ему максимум года двадцать три – двадцать пять, не более. Лицо довольно симпатичное, типа нашего Харатьяна, но без армянских корней. То есть истинный ариец – высок, белокур и (надеюсь) голубоглаз. Как и положено героям народных сказок и легенд, усопший выглядел вполне себе сохранившимся для ста – ста пятидесяти лет.

Честно говоря, я вообще не очень понимаю, как он мог так удобно устроиться? Его ведь ищут не только в родной Германии, но и в Польше, и в Чехии, и в России, этот белокурый красавчик везде наследить успел. Европейская полиция с ног сбилась, передают это дело по наследству, уже и нашему царю Гороху ноты шлют, а этот типчик преспокойно лежит себе в Шварцвальдском лесу.

На минуту в мою голову забрела примитивная мысль: если он тут у всех под боком, то почему нашли его именно мы? Все прочие что, не всерьёз искали, что ли? Или вообще не искали…

– Последнее тревожит меня всё более и более.

– Ты о чём, Никитушка?

– Так, мысли вслух, – опомнился я, делая первый шаг к прозрачному гробу. – Выглядит свежо, как Ленин в Мавзолее. Но его там подкрашивают и моют регулярно.

– Чудеса какие, – изумлённо выдохнул Митька, возвышаясь

над моим плечом. – Дык, стало быть, всё ж таки помер он. Тут помер, а не у нашей бабушки в супе. И чё ж тогда мы сюда припёрлися? Нешто сами немцы не знали, где их принц Йохан похороненный? Да, поди, весь Фрайбург хоть и маленький городишко, а наверняка знал!

– Ты быстро учишься, – осторожно соврал я, поскольку если кто и учится на собственных ошибках, то точно не Митя. – Продолжишь в том же духе и получишь звание младшего сержанта милиции.

– А сразу «первый помощник сыскного воеводы» нельзя?

– Можно. Но облезешь.

– Уяснил.

– Продолжаем. – Я обернулся к главе нашей экспертной службы. – Что скажете? Ваше опытное мнение, ваш личный взгляд на проблему?

– Ну, подумать надобно…

– Мы не торопим, но время не ждёт.

– Тады слушай. – Баба-яга потёрла нос, к чему-то принюхалась и продолжила: – От ить опять вроде как псиной тянет. Но ежели ближе к делу, то я так скажу: во-первых, он енто, сомнений в том нету. Во-вторых, когда человека вот так во гробу вешают, да цепями оборачивают, да печать из воска красного кладут, стало быть, непростой человек в том гробу находится. И в-третьих, кто бы нам сейчас подсказал, с какой целью его тут заперли?

– Быть может, это вопрос престолонаследия, – логично предположил я. – Честное слово, в истории есть масса примеров, когда вот так убирали опасных претендентов на трон. Мне кажется, не так уж сложно найти замок хозяйки Чёрного леса и передать ей на сохранение так называемого лишнего принца.

– А уж цепки серебряные да печать из воска красного липкого вообще смех! – радостно внёс свою лепту Митька, со смехом разминая воск в своих пальцах. – А и чё тут чудное вытеснено, вроде как крест какой?

Какой крест, мы уже толком рассмотреть не успели, красный воск поплыл в горячих ладонях нашего младшего сотрудника, и буквально через несколько секунд серебряные цепи лопнули от первого вздоха, сделанного спящим принцем.

– Я ж говорила, что не убивала его, не ела, и вообще не в моём вкусе поганка энта белобрысая с берегов германского Рейна, – нервно сглотнув, хмыкнула Баба-яга. – От так-то! А то развели тут скандал международный, угрозы санкционные, сосиски царю Гороху поставлять не будут, да тьфу! Они ж первые без нашего леса, пеньки, зерна и мёда взвоют.

– Поддерживаю, – поднял руку наш младший сотрудник, так что я поспешил вмешаться, пока «патриотический» угар не захватил всю нашу опергруппу.

Кому как, но лично мне ни на миг не упирались эти бравурные нотки посреди неоконченного дела. Ведь, по сути, мы ещё ничего толком не выяснили. Ну да, принц есть, он, похоже, даже живой (хоть и непонятно, каким образом это произошло), и столько лет в гробу совершенно не изменили его внешность! Что само по себе очень и очень странно.

– Шевелится во сне, – тыча пальцем в стекло, выдохнул Митька. – Чё делать-то теперь будем?

– Как я понимаю, его должна поцеловать какая-нибудь белокурая красавица. Верно?

– Отчего же непременно красавица-принцесса, – ненадолго призадумалась бабка. – По факту любой, кто гроб хрустальный откроет, тот его в уста сахарные и целует!

После секундного размышления мы с Ягой уставились на нашего неугомонного младшего сотрудника. Митя настороженно сделал шаг назад и встал в боевую стойку – таёжный медведь против милицейского произвола. Цирк какой-то, честное слово! Вы не представляете, что поднялось потом, когда Митька понял, что отступать некуда…

– Не буду-у я его цело-ва-ать!!! Не заставитя-а! Не стану-у! Не по-божески то, не по закону человеческому! Прав таких не имеетя-а! Да я прям щас самолично уволюсь и пешком в родную Подберёзовку вернусь! Пущай уж говорят, что у вдовы Лобовой сын непутёвый, зато уж не… это… как его там. Не он, короче, стало быть!!! Сами целуйтя-а!!!

– А и то верно, – неожиданно согласилась моя домохозяйка. – По справедливости да по чести, всем нам приложиться надобно. Из-за меня энто дело началось, с меня и первой спрос.

Бабка, кряхтя, приподняла крышку гроба и, не чинясь, чмокнула розовощёкого принца. Ничего не произошло. Я прокашлялся, шагнул вперёд, зачем-то снял фуражку и поцеловал покойника (или нет?) в лоб.

– Нечестно! Бабуль, в лоб же не считается!

– И впрямь, Никитушка, не по чину тебе будет эдак-то от служебных обязанностей увиливать. В уста целуй, потом отплюёшься.

Кто бы знал, чего мне это стоило. Я примеривался и так и эдак, даже пытался, зажмурившись, вызвать в памяти образ Олёны, бесполезно. При всех целоваться с мужиками на манер благодушного Леонида Ильича, взасос целующего глав соцлагеря, мне было противно.

Но и отступать тоже некуда, авторитет командира теряется один раз, второго шанса подчинённые просто не дают. Такова человеческая психология, а у нашего брата милиционера подобные вещи просто гипертрофированы – струсил, снимай погоны, ты больше не офицер!

Короче, я поцеловал…

– Не, не шевелится, – уныло объявил Митяй. – Может, вам, Никита Иванович, ещё раз постараться? Может, подольше как-то или во французской манере, как говорится?

– Митенька, ты бы сам приложился, – напомнила бабка. – Поди, уж твой черёд пробовать.

– Не для такого козла моя целовалка росла!

– Ох, да ты хоть своим глазом глянь, дышит ли? Может, уже и не надо ему ничего, окромя христианского погребения. Ухо к губам приложи.

Наш доверчивый младший сотрудник сунулся в гроб, и мы с Бабой-ягой, не сговариваясь, в четыре руки сгребли его за загривок, буквально впечатав губы в губы, заставив-таки чмокнуть принца! Как он нас не убил потом, ума не приложу.

Митя, конечно, не принц Йохан. Который, кстати…

– Данке шён! – Молодой человек протёр глаза, несколько удивлённо уставившись на нашу троицу. – О, гроссмуттер Яга! Гутен морген! Оу-у-у!

Неожиданно завыв, он выскользнул из гроба и пулей бросился по пустому коридору. Мы в некотором (да чего уж там, в изрядном!) отупении уставились ему вслед.

– Что это было? – тихо спросил я. – В смысле, Митя!

– Да.

– Ты кого разбудил, дубина?

– Кого приказывали, – сдвинув брови, надулся он. – А этот поцелуй насильственный я вам лично до гробовой доски помнить буду. Вот вам крест.

Я обернулся к Яге. Наша эксперт-криминалистка задумчиво скребла бородавку на носу.

– Чё я те сказать-то хотела, Никитушка? А-а, вспомнила! Уж оченно сильно мне его вой не понравился, шибко волчий напоминает, нет?

Честно говоря, бабка на тот момент подтвердила мои худшие подозрения. Почему никто из немцев всерьёз не искал пропавшего принца? С чего вдруг хозяйка Чёрного замка в Шварцвальде так легко указала нам дорогу? Кто, когда и, главное, зачем сунул принца Йохана в хрустальный гроб, обвив его серебряными цепочками, запечатав красной восковой печатью с непонятным символом?

Который, кстати, до сих пор не давал мне покоя. Я попытался воспроизвести его каблуком на пыльном полу, вроде примерно как-то вот так:

Похоже в чём-то на фашистский крест, но не он.

– Так то «волчий крюк», – с ходу опознала моя домохозяйка. – Ещё от норманнов, а ранее и самих ариев до нас дошедший. В древние года люди и звери знали, коли на каком доме «волчий крюк» висит, дак ни один хищник туда не сунется! Ибо как есть ему там полный кирдык по-шамахански. А по-нашему, стало быть, пасть порву, моргалы выколю, волчара ты страшная!

– И что, волки отступали?

– Куды там, бежали без задних ног, на одних передних, язык высунув, хвост поджав!

– Что ж, – нахмурился я, – это многое объясняет. Особенно то, что мы тут с вами натворили.

– Мы?! Я-то при чём? Вы ж меня, доверчивого, вообще заставили! – упёрся обеими руками наш младший сотрудник, и, надо признать, в чём-то он был прав.

Где-то мы недодумали, и вешать все проблемы на не особо виноватого Митьку, конечно, не стоило, но с другой стороны… Кто-то же должен взять на себя ответственность? Или просто назначить крайнего…

– Младший сотрудник Лобов, хватит истерить! Кто первый коснулся гроба, кто сломал восковую печать, после чьего поцелуя подозреваемый встал и дал дёру в неизвестном направлении?! Так что приказываю прекратить катить бочку недостойных инсинуаций на нас с главой экспертно-криминалистического отдела!

Наш деревенский богатырь покаянно опустил голову, придавленный весом неумолимых улик. У меня слегка отлегло от сердца, в конце концов, главное в работе любой опергруппы – это слаженность. А для этого порой приходится перекладывать часть вины на ни в чём не повинных членов команды. Это по-любому объединяет, и не важно потом, кто более, а кто менее прав.

Сейчас, за рубежами Древней Руси, вдали не только от родного Лукошкина, но и вообще от возможной военной поддержки царя Гороха, мы должны были особенно держаться друг за друга. Бог высоко, царь далеко! Кажется, я правильно упомянул именно эту народную поговорку?

– Возвращаемся, – неуверенно приказал я. – В конце концов, у пустого гроба нам делать нечего.

На тот момент должен признать, что мне сразу повиновались, без традиционных споров, выяснений отношений, определений приоритетов и всего такого прочего. И Митя и Яга, кажется,

поняли, что ситуация плавно выходит из-под контроля. Вот в этот момент я и вспомнил слова черноокой красавицы – в конце пути вы увидите не то, что хотели…

Я помотал головой, собрался и спросил:

– Идём?

Да, не спорю, несколько запоздало, но ведь и нам требовалось хоть какое-то время, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Мы, не сговариваясь, развернулись кто где стоял, сделали суровые и неподкупные лица, после чего махом ударились в погоню.

Ну, собственно, как «ударились», пошли быстрым шагом, насколько позволяла узость коридора и костяная нога Бабы-яги. То есть это не очень быстро, если вы можете себе представить. Когда мы наконец поднялись на первые этажи, а оттуда через арсенал и кухню в так называемый тронный (по факту весьма обгорелый) зал, то увиденное просто шокировало…

– Зачем вы его выпустили?! – простонала черноволосая баронесса, как кошка покачиваясь на высокой люстре с пятьюдесятью свечами. Подол её длинного платья был изорван на узкие полоски чьими-то клыками, а в тёмно-карих глазах плескался плохо скрываемый ужас.

– Гражданочка, тут, случайно, принц Йохан не пробегал?

– Издеваетесь, герр полицай?! – в голос взвыла наша «гостеприимная» хозяйка. – Да он мне тут шестерых скелетов вооружённых погрыз! Все углы сквозь штаны пометил, меня на люстру загнал, с любовью приставал по-собачьи и сбежал на четвереньках, едва только ваши шаги чутким ухом расслышал! Он что, кому-нибудь мешал там, в своём гробу?!

– Что ж ты, сестрица названая, младшая, нам раньше не сказала, что в той пещере нас ждёт? – резонно вспылила Баба-яга. – Курва ты немецкая, чтоб тебе пусто было! Когда надо, молчишь, а после дела кричишь?! Да чтоб тебе за таковые подставы по судебному решению все волосы из подмышек выщипали и съесть заставили! Чтоб тебя в платье монашеском мимо дома дьяка Груздева вели, а он пьяный был! Чтоб у тебя прыщи повылазили на таком месте, где и сама не посмотришь и другим не покажешь! Чтоб…

– Довольно, – поспешно вмешался я. – У нас есть более важные дела.

Нет, дела делами, но, как правило, если наша бабушка чего желает, так оно сбывается на раз-два! А месть для сотрудников милиции категорически неприемлема. Это, так сказать, не наш метод. Мы ставим своей основной целью не наказание, а перевоспитание преступников! Правда, с Кощеем Бессмертным

это ещё ни разу не получалось, но всё равно по уставу положено как-то так.

– Все в избушку и в погоню! – приказал я.

Никто не сказал и слова против. Ну, наши-то понятно. Хозяйка Чёрного замка на люстре, сияя ляжками, тоже не возражала, даже изрядно покусанные скелеты из охраны и те только молча закивали в знак согласия. Да и кто был бы против? Вот именно.

Блудный принц Йохан, освобождённый, голодный и счастливый, унёсся в лес, зачем-то кусая всё подряд и громя все преграды, что появлялись у него на пути. Кого же мы, вообще, выпустили?!

Митька вдруг резко поумнел и, подхватив Бабу-ягу, просто понёс её на руках. Я изо всех сил прибавил шаг. Ну то есть было понятно, что, если вспрыгну Мите на шею, он и с двойным весом вряд ли замедлит скорость. Я бы так и сделал, но при иностранцах нельзя.

Когда мы выбежали из дверей замка во двор, то верная избушка ждала нас там, как боевая лошадь казачьего полковника времён Первой мировой. В оконном проёме второго этажа замка показалась прекрасная баронесса:

– Вы уходите не заплатив, герр полицай Ивашов?

– Мы ещё вернёмся, если вы настаиваете.

– Пустые обещания, ах, мужчины, мужчины…

– Почему вы нам не сказали, что нас ждёт в том хрустальном гробу?

Хозяйка Чёрного замка на миг задумалась. А потом вдруг впервые улыбнулась мне.

– *Что ж ты, фраер, сдал назад? Не по масти я тебе…*

У меня на какое-то мгновение дыхание перехватило от обиды. Она всё знала, всё рассчитала и всё сделала специально! Когда-нибудь я точно её посажу, но сейчас не время.

Вся наша опергруппа переглянулась, и друг за дружкой мы бросились карабкаться по неровной лесенке на крыльцо самоходного домика Бабы-яги. Уже в избушке бабка опомнилась:

– А чего ж мы так дёрнули, Никитушка? Я ить стерве этой не все космы повыдёргивала. Не отвела душу. Давай-кось вернёмся на пару минуточек, уложусь, я успею, вот те крест…

– Нет.

– …она у меня до ишачьей пасхи помнить будет, раком ходить, крючком парик вязать из своих же волосьев с куриными перьями вперемешку! Пусти, участковый!

– Митя, заводи избу, – жёстко приказал я. – Идём на Фрайбург, может быть, ещё и успеем.

– А принца, что ль, ловить не будем?

– Принц Йохан как раз и побежал в город. Он оборотень, главный среди вервольфов, значит, ему надо успеть подхватить по пути своих собратьев, и тогда они всей толпой просто выгрызут этот чудный немецкий городок, как волк режет овец. Да вы что, в самом деле не понимаете, КОГО мы разбудили?!

Митька ничего не понял, он просто по-щенячьи смотрел на меня круглыми преданными глазами, а вот глава нашего экспертно-криминалистического отдела вдруг резко захлопнула рот и задумалась. Седые брови бабки поползли вверх, кажется, до неё тоже начало доходить.

– Чё ж ты встал, пень великовозрастный?! – вдруг обрушилась Яга на нашего Митьку. – Кому Никита Иванович приказал избу заводить? Марш-марш-марш, пошла рысью, старая-а!!!

Избушка вздрогнула, поднялась и пошла. Практически в тот же момент шестёрка скелетов в доспехах попыталась преградить нам путь. Зря, белых стройных ребят размозжило мелкой пылью под тяжёлыми куриными лапами. Чёрная баронесса хохотала нам вслед.

Скрипя, заработал цепной механизм, опускающий ворота. По-моему, впервые на моей памяти избушка с разбегу упала на бок и, теряя доски с крыши, пролетела под стремительно падающей решёткой. Кажется, мы вырвались.

– Сокол ясный, держи-кось!

Я вовремя обернулся, чтобы поймать летящий мне в голову лук. Не овощ, а настоящий боевой лук приднепровских амазонок. Следом к ногам упал колчан со стрелами.

– Мне избу вести надобно, а ты в окошко гляди, кабы сестрица младшая нам новых пакостей вслед не послала.

Митяй выскочил на крыльцо, оттуда кричал Яге, что и как у нас на пути. Бабка, обняв руками печь, что-то шептала ей вполголоса. Не знаю зачем, не спрашивайте даже. Я бросился к окну и замер.

На том самом небольшом балкончике Чёрного замка стояла баронесса, раскручивая в руках что-то вроде огненного шара. Пользоваться она ими умеет, а если такая бомба долетит до нас, избушке хана! Гитлер капут, как говорится.

– Стреляй в её, участковый!

– Я не умею, – честно признался я.

– Да ты только стрелу из лука пусти, а там она сама цель найдёт, – прикрикнула бабка.

Ладно, в конце концов, кому мне ещё верить, как не сотрудникам собственного отделения. Мы, милицейские, всегда друг за друга держимся. Я высунулся в окно, взяв лук так, как

держал его в кино Кевин Костнер, и попытался натянуть тетиву. Ну-ка, бдзынь…

Стрела соскользнула с пальцев и, невероятным образом изогнувшись, полетела на крыльцо. Митькин визг, наверное, был слышен не только в приграничном Бресте, но и в стольном Лукошкине!

– Прямо в правое полупопие. За что караете, Никита Иванович, отец родной?!

– А-а… э-э, не отвлекайся от дороги! Я всё вижу, – пришлось по-быстрому соврать мне, вытаскивая вторую стрелу.

На этот раз я успел сделать выстрел буквально за секунду до того, как пылающий шар сорвался с кончиков пальцев Чёрной баронессы. Заколдованная стрела с серебряным наконечником, вихляясь, полетела вперёд! Хозяйка шварцвальдского замка попробовала увернуться и преуспела в этом. Почти, почти преуспела.

То есть вместо груди стрела влетела ей в чуть оттопыренное ушко, пришпилив красотку к оконной раме. Вопль был такой, что избушка даже подпрыгнула вверх на пару метров! Кстати, удачно избежав разорвавшегося внизу огненного шара.

– Попал, чё ли, Никитушка?

– Ну, не белке в глаз. Скорее в ухо. Теперь она может не только серёжки носить, но и амбарный замок при желании.

Баба-яга на миг нахмурилась, потом, наоборот, разулыбалась и подняла вверх большой палец правой руки. Я присел на табурет и удовлетворённо опустил лук…

Кстати, полезнейшая штука, оказывается: как бы ты ни пустил стрелу, она летит туда, куда ты запланировал, и в целом всегда правильно понимает выбор цели. Ну там Митькина задница – это редкое исключение, лишь подтверждающее правило. Да там и ранения не было, он орал больше, паникёр. Ну так, кольнуло слегка.

А уже через полминуты мы свернули в густой лес, где никто не мог бы в нас пульнуть очередным огненным шаром, даже из пушки не достали бы. То есть как ни верти, а мы снова на свободе и идём к заданной цели.

– Давай рассказывай мне, дуре старой, как ты до всего догадался?

– Ничего такого особенного, – прокашлявшись, признался я. – Просто вдруг вспомнил, что обозначал тот знак на восковой печати. Я видел его в фильмах про Великую Отечественную. Короче, не вдаваясь в детали, это «волчий крюк», его использовали отдельные части немецких карателей СС.

– Чушь городишь непонятную, – неуверенно буркнула бабка. – Ничё про твои эсэсы я не знаю, а символ-то старый, крюк он крюк и есть, в Европе так волков ловили.

– Я к этому и веду, «крюк» служил своеобразным символом, запечатывающим стеклянный гроб. То есть «волчий крюк» удерживал волка! А благодаря нам этот волк сбежал.

Баба-яга нахмурилась. Чувствовалось, что ей не особо приятен тот неоспоримый факт, что её давний и почти забытый гость из культурной Германии не только сохранил моложавость лица, но ещё и оказался натуральнейшим оборотнем. Принц оборотней – вот как его скорее стоило бы называть. А нас – идиотами.

– Никита Иванович! – проорал с крыльца Митька, приоткрывая дверь. – Там народец лесной поперёк дороги встал – ни пройти, ни проехать, ни перепрыгнуть.

– Изба-а, стоять! Раз-два, – скомандовал я.

Избушка на курьих ножках вздрогнула от крыши до пола, аккуратно затормозив, перешла на строевой шаг и встала, как прусский гвардеец, вытянувшись во фрунт.

Мы всей опергруппой, плечом к плечу, встали на крыльце. А лесная тропа перед нами действительно была запружена целой толпой сказочных жителей. Не хватало братьев Гримм, а так…

Тут был большущий медведь с серебряной короной на голове, две изящные крестьянские девушки в ночных рубашках, блондинка и брюнетка, олени с позолоченными рогами, прижимающиеся друг к другу белые лебеди, четверо бородатых дровосеков, та самая компания мальчишек во главе со своим карликовым вожаком, простодушный великан в неряшливой одежде, призрачные рыцари, чьи доспехи сияли зелёным и голубым светом, девица в баварском платье с необычайно длинной косой, толстой, как канат, старуха с босыми ступнями сорок восьмого (!) размера, два совершенно голых маленьких человечка с острыми ушками и сапожными молоточками в руках, мальчик и девочка, явно брат и сестра, крепко сжимавшие пальчиками неровные куски пряника в форме печной трубы, обычный заяц со шпагой на поясе, куча белок, мышей и две лисицы, стоящие на задних лапах. В общем, полный фарш, как говорится.

Но первой с нами заговорила маленькая девочка в белом платье и красной шапочке. Да, да, та самая Марта, вы правильно угадали. Я тоже её узнал.

– Герр Ивашов? Мы много слышали о вас, господин полицейский из Лукошкина.

– Ты… вы так хорошо говорите по-русски? – удивился я,

спрыгнул с крыльца и опустился перед девочкой на одно колено.

– Герои сказок говорят на всех языках, – серьёзно ответила малышка, взяв меня за руку.

Мы сели рядышком на нижней ступеньке крыльца. Баба-яга за шиворот удерживала Митьку наверху, а он Христом Богом клялся, что право имеет хоть поздороваться, поскольку именно он ту девочку с бабушкой от болтливого волка избавил.

– Ты выпустил принца Йохана, что лежал в хрустальном гробу в Чёрном замке?

– Я. То есть мы. Но, по сути, конечно, я. – На мгновение мне пришлось постучать себя кулаком по лбу, чтобы привести мысли в порядок. – Мы же не знали, что он принц-оборотень. Все свидетели рассказывали лишь о его обжорстве, похотливости, умении вовремя делать ноги и прятаться в лесу. Никто ни разу не сказал, что он, сволочь, ещё и кусается!

– Тебя укусил?! – ахнула Красная Шапочка.

– Нет, нет, это образное выражение. Из нашей опергруппы никто не пострадал. Но тут такая ситуация, короче, нам срочно надо снова его поймать и представить на суд бургомистра города Фрайбурга.

Вся толпа сказочных жителей, навострив уши, сделала два шага вперёд.

Я прокашлялся и коротенько пересказал им всем всю историю нашего путешествия. Начиная с обвинений в адрес нашей бабушки Яги, якобы убившей и съевшей наследника престола, а заканчивая уже своими служебными обязанностями по задержанию и поимке преступника.

Нам же теперь просто некуда податься. По факту либо мы разыщем принца, представим его в городском магистрате живого и невредимого, получив в этом официальный документ, либо нас самих арестуют в той же Германии, а потом ещё и казнят на главной площади за «убийство наследника австрийского престола, славного и всеми любимого красавчика принца Йохана».

То есть как ни верти, но выбор не особо велик. Как там говорится? Бог высоко, а царь Горох далеко! Тем более что в заложниках у гостеприимного бургомистра остался гражданин Груздев, тот ещё гад, но мы своих не бросаем. Не очень складно получается, но уж как есть.

– Принц опасный зверь, – честно предупредила меня Красная Шапочка. – Мы все собрались, когда сороки прокричали, что он бежал. Чёрная баронесса прятала его от всего Шварцвальда, но ей веры нет, у неё свои тайные игры. Если же оборотень поднимет своих вервольфов, то не только нашего леса, но и всей Германии

не станет. Один укус, и человек становится оборотнем, он свою же семью ночью вырежет, всех соседей убьёт и ни на миг боли в сердце не почувствует…

А вот я как раз таки на миг почувствовал, что говорю не с ребёнком, а с человеком куда более старшим, чем я, пожившим, набравшимся опыта, знающим, что и почём в этом жестоком мире. У детей должно быть детство. Красной Шапочке его не досталось, но и взрослой она никогда не станет. Это неправильно, сказки не должны быть злыми.

– Мы поможем вам, дорога до Фрайбурга будет открыта. – Девочка обняла меня за шею, смешно и неуклюже целуя в щёку. – Но и ты обещай нам, что поймаешь злодея! Этот лес наш общий дом, нельзя отдавать его волкодлакам. Защити нас, герр Ивашов, полицейский из Лукошкина.

– Я милиционер, – пробормотал я, крепко обняв её.

Потом ещё подумал, что если у нас с Олёной когда-нибудь будет дочь, то назвать её надо Красная Шапочка. Шуму, правда, будет, отец Кондрат начнёт ногами топать и бушевать, что нет такого имени в святцах. Ну, бог с ним, с именем, назовём любым другим, но красный чепчик с кружевами я ей сам куплю в Немецкой слободе!

– Вот возьми. – Малышка сунула руку в корзинку и протянула мне не пирожок, а небольшой серебряный крюк на тонкой стальной цепи. – Предки древних германцев издревле так хищников ловили, и волков, и рысей, и медведей. Но помни: шанс у тебя только один.

– Я постараюсь, обещаю. Поехали!

Жители сказочного леса расступились, пропуская нашу избушку, девочка помахала мне вслед, потом о чём-то начала шептаться с остальными, а потом деревья сомкнулись за нашими спинами, и её уже не было видно.

За первым же поворотом обиженный Митя пристал ко мне с расспросами.

Дескать, почему его не позвали, уж он-то бы знал, о чём говорить, уж ему-то девочка врать бы не стала, уж он-то и сам мог тамошним оленям рога поотшибать, мишек к лисам в нору загнать, а тому же великану глупому вообще штаны на голову натянуть! Нечисть она и есть нечисть, хоть в жизни, хоть в сказке, чего ж с ней миндальничать?!

Я умоляюще покосился на Ягу, и уже через минуту обложенный матом Митенька старательно надраивал полы в избушке, не задавая более глупых вопросов. Тем более что невдалеке послышался волчий вой и ему ответило ещё с десяток голосов.

– В погоню за нами идут, – чётко определила бабка. – Ежели всей стаей хоть одну куриную ногу захватят, так хана нам всем тут, сотруднички. Отбиваться надобно!

Мы бросились к окошку. Действительно, меж стволов вековых дубов и сосен мелькали серые волчьи тени. Однако вдруг на поляне волки налетели на высокого оленя с золотыми рогами. Первый хищник улетел под облака, второго перебросило через избушку, а третий, избегая страшных рогов, поджал хвост и с визгом убежал в кусты.

– Девочка не обманула, – тихо выдохнул я. – Нам помогут добраться до Фрайбурга и предупредить горожан.

Мы все подобрались, сконцентрировались, действуя слаженно и сообща. Волки гнали нас, как стая зимой гонит по снегу могучего лося. Но до самой избушки хорошо если добрались один-два зубастых зверя. Штук шесть-семь нарвались на неопрятного великана слева. Оборванные хвосты так и летели во все стороны, вою было-о-о…

Мальчик-с-пальчик со своими братишками единой бандой стреляли камнями из-за каждого куста. Двух (как минимум!) волков захлестнула петля из длинной золотистой косы и унесла куда-то в кроны деревьев. Ещё одного здоровущего волка мы заметили на поляне справа. Маленький мальчик крепко держал хищника за уши, а девочка жёстко впихивала ему в пасть куски пряничного домика.

Нам действительно реально помогали и медведь в короне, и простые дровосеки, и заяц со шпагой. Уверен, что количество волков в Чёрном лесу в тот день уменьшилось вдвое. Но самым трогательным был подвиг сотни серых мышек, едва ли не насмерть защекотавших огромного волчару…

Спустя каких-то часа три-четыре на хорошей крейсерской скорости мы выбрались из Шварцвальдского леса на окраину уютного Фрайбурга. Невзирая на то что время явно было к ужину, в сторону рынка на главную площадь стекались горожане.

По моей просьбе Митя высунулся в окно, задал пару вопросов для уточнения ситуации и доложил:

– Дьяка нашего на закате казнить собираются! Обещали костёр, запах жареного мяса и всем по кружке пива за счёт муниципалитету! Вроде как безобразие полное, нет? Поспешили они с Филимоном Митрофановичем, а ить нас дождаться обещалися. Нечестно будет!

– Вот те и вся суть европейская, – презрительно добила бабка. – Чё им надо, то и воротят. А законов соблюдения да правил культурных тока от нас требуют. Поубивала бы…

– Дьяка сдавать нельзя, – с тоской в голосе подтвердил я. –

С нас же потом боярская дума с живых не слезет, не сберегли, не защитили, продали проклятым империалистам! Вместе выехали, вместе и вернёмся. Митя, веди избушку на площадь!

Мы прибавили ходу, насколько это было возможно при узких улочках средневекового немецкого городка. Изба неслась вперёд на последнем издыхании, загоняли мы её сегодня. Куриные ножки, они тоже не железные по лесу скакать, по пересечённой местности, по булыжной мостовой…

Но нам уступали дорогу, не ругались, не оскорбляли, не обзывали «русиш швайн», а скорее наоборот – махали руками, кидали вверх чепчики (а не лифчики или труселя!), кричали что-то патриотичное и законопослушное, то есть немцы были немцами.

Точно такими же простыми, честными, милыми и отважными людьми, как у нас в слободе. Да, их можно обмануть, повести не той дорогой, но заставить быть добровольными предателями – невозможно. Мы вырулили на площадь ровно к тому моменту, когда ушлый бургомистр зачитывал последние строки приговора нашему мятежному дьяку.

– Чего он там метёт-то? – поинтересовалась Баба-яга.

– Вроде как говорит, что русский посланник должен головой своею ответить за все прегрешения нашего варварского миру супротив ихней цивилизованной Европы, – весьма приблизительно к основному тексту перевёл Митяй.

Наверняка протокольный текст был более дипломатичен и обтекаем, но суть от этого не менялась. Был бы человек, а статья найдётся. Зато король Фридрих Вильгельм будет доволен, он сохранит лицо, а если уж совсем никак, то найти крайних несложно. Вон хоть палача он же казнил…

Народ на площади вежливо расступился, давая возможность усталой избушке на уже изрядно подкашивающихся куриных ногах пройти как можно ближе к эшафоту. Солдаты в гвардейской форме по приказу уже знакомого офицера тоже опустили ружья. Данке шён, господа хорошие!

В принципе, мы так и встали борт о борт с высоким постаментом, на котором к сосновому бревну был привязан цепями гражданин Груздев, обложенный со всех сторон вязанками сухого хвороста.

Я, кстати (или некстати?), вспомнил, что в Средние века это являлось актом милосердия, то есть приговорённый сгорал на быстром, а не на медленном огне. Интересно, ценил ли этот момент сам дьяк? Надо будет поинтересоваться при случае. Хотя чего ждать?

– Филимон Митрофанович, вы в порядке?

– Господи наш Иисусе Христе, на Тебя едино уповаю-у…

– А на нас, значит, нет?

– Единый Вседержитель, пришли ангелов небесных во спасение грешного мя-а…

– Гражданин Груздев, ангелов, видимо, не будет, но есть мы, – вежливо напомнил я. – Пока вы являетесь подданным царя Гороха, никто и нигде не может сжечь вас без суда и следствия!

– Храни Господь родимую милицию, – с чувством простонал дьяк и, потеряв сознание, обмяк в цепях на столбе.

Пока городской суд в лице бургомистра и ещё трёх-четырёх толстопузых бюргеров о чём-то там перешёптывался, на помост выпрыгнул страшный Митька со зверским выражением лица и ухватом наперевес. Опытный палач не стал дожидаться худшего и резво слинял под эшафот.

Кстати, не факт, что он испугался именно младшего сотрудника. Лично мне казалось, что палач Фрайбурга просто встретился взглядом с нашей бабушкой. Мрачная Яга неподвижно стояла у окна в позе скульптуры Церетели, и это реально пугало до икоты.

Я же неторопливо спустился по ступенькам крыльца и встал на помосте, пока стальные руки нашего младшего сотрудника рвали цепи. Можно было бы и просто снять, но так эффектнее.

Убедившись, что тощая тушка дьяка отнесена в избушку, я вежливо козырнул господину бургомистру.

– Граждане свободного города Фрайбурга (Митя, переводи!), я обращаюсь к вам с непростым известием. Во-первых, этот человек (да, дьяк тоже человек, пусть лично нам кажется иначе, пусть мы его иначе как геморроем и не называем, но…) ни в чём не виноват! Вообще не виноват, по факту и по-любому. Он заложник ситуации. Если вы собирались казнить его только потому, что мы ушли и не вернулись, то прошу прощения, вот они мы. Шашлыки не состоятся! Посему требуем уважить международное право и отпустить господина Груздева на свободу.

– Я, я, дас ист фантастиш, – совершенно не к месту, но старательно подтвердил дьяк.

Похоже, все мы русские в первую очередь запоминаем именно эту фразу. Клинит нас на ней, что ли?

– Мить?

– Ась?

– Ты перевёл?

– Чё? – опомнился он, краснея до ушей. – Ох ты ж мне грешному, заслушался я речей ваших сладких! Вкратце чё им сказать-то?

– Что дьяка жечь нельзя!

– Зер гут, Никита Иванович, отец родной. – Наш младший сотрудник низко поклонился недоумевающей немецкой публике и всего одним длинным предложением поверг её в полный шок: – Дойчен швайн, идиотен, кретинен, дегенератен, садистен!

По крайней мере, тишина образовалась, как в гробу. Я там лежал, я знаю.

Ей-богу, не только я, но и бабка всё поняла. Пока она била Митьку клюкой по дурной голове, я обратился напрямую к главе города:

– Господин бургомистр, вы же знаете русский. Прошу прощения за эмоциональность речи нашего младшего сотрудника, он будет наказан, быть может, даже выпорот или расстрелян у оврага, не знаю, мы подумаем. Но речь не о нём.

– Продолжайте, герр полицай, – пошептавшись с судьями, милостиво разрешил бургомистр, выпрямившись во весь рост.

– Дело в том, что мы сдержали слово и нашли принца Йохана.

– Где же он?

– Увы, сбежал, подлец, – честно повинился я. – Но знаете ли, в чём странность? Бежал он не куда глаза глядят, а в ваш чудесный город Фрайбург! Быть может, именно здесь его знают и ждут? Причём не просто знакомые, а друзья, единомышленники, фанаты. Да вы садитесь, неудобно же.

– И что же застафляет фас так думать?

– Ну, тут сложный путь логики и дедукции. Давайте присядем где-нибудь с пивом, и я вам всё объясню.

– Нет, гофорите здесь и сейчас, – повысил голос глава Фрайбурга. – У меня нет секретов от моих же граждан! Они фсе имеют прафо знать.

– Хорошо, – согласился я. – Просто успокойтесь, сядьте и выслушайте нас.

– Гофорите, я жду.

– Это я жду, когда вы сядете. Не можете? Понимаю, получить стрелу с серебряным наконечником прямо под хвост, наверное, очень болезненно. Я заметил, что вы стоите осторожно, отклячив зад. Геморрой или ранение? Не соизволите развеять наши сомнения?

– Никитушка-а…

– Погодите, пожалуйста.

– Я те чё сказать-то хочу…

– Бабуль, он почти раскололся, – отмахнулся я, но Яга может быть крайне убедительной, когда ей это надо.

Наша эксперт-криминалистка едва ли не за ухо развернула

меня нос к носу и яростно заорала:

– Закат уже! Людей спасать надобно, а не разговоры разговаривать! Скоро начнётся-а…

Закат. Уход солнца. Принц-оборотень во Фрайбурге, мрачного бургомистра которого я также обвинил в симпатии к волкодлакам. Интересно, сколько же их здесь?!

– Митя, переводи!

– Слушаюсь!

– Ахтунг, ахтунг! – вспомнил я фильмы о Великой Отечественной. – Всем разойтись по домам! Закройте двери и окна, никого не впускайте! На неопределённое время вводится комендантский час!

Почему-то женщины и дети поняли меня даже без перевода. Площадь начала быстро пустеть. Не прошло и десяти – пятнадцати минут, как мы остались один на один с городским советом, десятком солдат под командованием того же офицерика и пятью-шестью нищими, которым, я полагаю, просто некуда было идти.

– Фы фсё поняли, мой дорогой друг из лукошкинской полиции, – устало улыбнулся бургомистр. – Что ж, мы и раньше не собирались фыпускать фас из города, надеясь, что фы фсе сгинете ф чёрных чащобах Шфарцфальда. Но фы фернулись. Значит, фсё закончится здесь.

– Да, всё закончится здесь, – подтвердил я. – Вы арестованы.

– За что же, герр полицай?

– За подготовку мятежа, за попытку захвата города, за измену королю, за переход на сторону беглого принца Йохана и, наконец, за противоречащее законам Германии оборотничество. Я бы мог добавить ещё и факт нападения на русскую милицию, но вам и без этого светит пожизненное.

– О, обфинить ещё не значит задержать. Силёнок-то хфатит?

Злодей демонически расхохотался, его поддержали судьи с высунувшимся палачом, те же нищие, а потом они все вдруг резко сбросили одежду, на миг оставшись голышом, и началось…

– Никита Иваныч, уж простите, но бабушка приказала. – За моей спиной беззвучно возник Митька, мигом взвалил меня на плечо и в три прыжка доставил в избушку.

– Я хотел посмотреть!

– А и чего ты там не видел? – резонно парировала бабка, запирая дверь на засов. – Козе неграмотной понятно, что все они там вервольфы с волкодлаками и есть. Тута отсидимся, покуда не съели.

За окном избушки раздался торжествующий волчий вой. Теперь принц Йохан может выйти из сумрака и взять весь город,

принадлежащий ему по праву силы. Перед моим внутренним взором замелькали не самые приятные картинки, и голову накрыл багровый туман.

– Ты куды, аспид участковый? – раскинув руки крестом, встал на моём пути дьяк Филька. – Не пущу! Это их дело, внутреннее, германское, а нам в европейские разборки лезть не следует. Что ещё боярская дума скажет на такое самоуправство?!

Я обернулся к Мите и Яге. Оба стояли у печи, такие же бледные и явно поддерживающие сторону дьяка. Наверное, мне также стоило бы прислушаться к голосу разума, но в этот момент из-за двери раздался предсмертный крик первого немецкого солдата, на которого напал человековолк.

– Митя, за топор! Бабуля, – лук и стрелы! Я беру на себя общее руководство! Гражданин Груздев, не путаться под ногами! Опергруппа, за мной!

То, что было потом, стоило бы отнести к самым безумным деяниям Лукошкинского отделения милиции. Мы трое выскочили на крыльцо, когда на ногах держались всего четверо солдат и один храбрый офицер.

Не менее двух десятков мохнатых монстров с горящими глазами рвали трупы несчастных. При виде нас они, словно по команде, повернули испачканные кровью морды. Дружный вой взлетел над ночным городом, и на помост, где ещё недавно собирались предать неправедной казни нашего дьяка Фильку, неторопливо взошёл молодой человек в богатой одежде.

– Пришлось сменить костюм, мой успел выйти из моды, – на очень хорошем русском заговорил принц Йохан.

У меня на минуточку сложилось впечатление, что здесь, в Германии, все злодеи прекрасно владеют кучей иностранных языков. Может, у них просто школьное образование лучше? Даже завидно стало немножко.

– Я знал, что рано или поздно кто-то освободит меня, мои братья делали всё, приближая этот час. – Принц потянулся, фривольно подмигивая Яге. – А старушка здорово сдала с нашей последней встречи. Я должен был бы убить её, но… как-то… сам не знаю почему…

Бабка вспыхнула румянцем, как маков цвет, Митя набычился и уже пошёл было мстить, но я сумел удержать обоих. Если преступник начал говорить, надо дать ему высказаться. В конце концов, он столько лет молчал в гробу, поимейте сострадание.

– Как получилось, что вы, потомок королевского рода, ступили на скользкую тропу преступности?

– О, это очень долгая и неромантичная история, – с некоторым раздражением поморщился принц, жестом удерживая

свою зубастую свиту. – Поверьте, если бы мы встретились в иные годы, то, возможно, могли бы дружить, пить пиво и даже, чего греха таить, вместе бегать за юбками. Но сейчас, увы, поздно скорбеть о днях минувших и об утраченных возможностях. Я голоден. Кстати, меньше часа назад сожрал ребёнка. Это долгое пленение, этот унизительный сон, когда ты всё понимаешь, но не можешь встать, столь утомительны.

– Вы были в сговоре с Чёрной баронессой и бургомистром. Я не верю, что вы пролежали в гробу сто с чем-то лет. Уверен, что они периодически выпускали вас прогуляться, таким образом, вы трое готовили захват Фрайбурга.

– Трое? Но при чём тут баронесса?

– У неё был свой интерес. Ведь целый город, населённый оборотнями, – это лучшая защита границ Шварцвальда.

– А он неглуп, – удивлённо вытаращился принц волков. – Как ты додумался, полицейский?

– Милиционер, – привычно поправил я. – Это несложно: если человек даже одну ночь пролежит абсолютно без движения, у него затекут руки и ноги. Вы же отлично двигаетесь, хотя якобы спали годы. При всём моём уважении к колдовству и магии законы физиологии человеческого организма никто не отменял.

Волкодлаки обернулись к своему предводителю. Тот скрёб подбородок и молчал, опустив голову. Мы тоже ждали, став плечом к плечу.

– Мне приятно общение с вами, полицейский-милиционер, – наконец решился принц Йохан, и глаза его сверкнули красным. – Но если я отпущу вас, то вы всё равно не сможете молчать, а значит, войска Вильгельма и союзников войдут в Чёрный лес, а конные патрули быстро зачистят город от оборотней. Вы не оставили мне выбора, слишком многое поставлено на карту.

– Совершенно верно, – согласился я, чувствуя, как холодные струйки пота бегут по спине. – Однако мне кажется, как благородный человек, вы не откажете нам в праве на последнее желание?

– Если оно не принесёт мне вреда.

– Это подразумевается само собой. – Мне удалось изобразить галантный французский поклон. – Нашу сотрудницу, известную вам под именем Бабы-яги, незаслуженно обвинили в вашей смерти. Но раз уж вы живы, то не могли бы подписать бумагу, оправдывающую главу нашего экспертного отдела.

– В принципе, да. Почему нет? Ведь потом вы всё равно умрёте!

– Зато с чистой совестью. – Я подмигнул дьяку, следящему за переговорами из окна избушки.

Филимон Митрофанович всё понял правильно (редкий случай!) и меньше чем через минуту предоставил к подписи готовый документ с ещё сырыми чернилами. Принц пробежал глазами текст, удовлетворённо хмыкнул, взял перо и поставил в нужном месте красивую витиеватую роспись.

Я передал лист Мите, он Яге, бабка дьяку Филимону, тот подул на него и, аккуратно сложив, сунул за пазуху.

– Кульминация! Вы будете умирать как герои или как грешники?

– А кто тут собрался умирать?

– Вы говорите, как еврей.

– У меня большой опыт общения с гражданином Шмулинсоном, – признал я. – Нападайте!

Наверное, эта маленькая, но эпическая битва должна была войти в историю. Одинокая милицейская опергруппа в чужой стране, в чужом городе, в окружении подготовленного врага, отважно приняла бой! Сражение на уровне легендарного крейсера «Варяг», честное слово…

– Бей зубастых! – в голос возопил Митька, первым бросаясь на ближайшего вервольфа.

И в ответ сразу трое зверолюдей кинулись на нашего младшего сотрудника. Они просто не знали, какое опасное оружие – плотницкий топор в руках простого деревенского паренька под два метра ростом и косая сажень в плечах. Куски фарша так и полетели в разные стороны!

Баба-яга вновь вспомнила молодость, превратившись в молодую амазонку и сыпля стрелами направо-налево. Волшебное оружие не било мимо цели. Но не всегда поражало жизненно важные органы. Казалось, бабка просто издевалась над волкодлаками, поскольку мёртвым валялся лишь один, а вот с серебряной стрелой в заднице были как минимум пятеро!

Я понял, что ухват практически бесполезная штука, если вам нужно остановить несущегося на четырёх лапах зверя. То есть от одного я ушёл, на излёте врезав ему по зубам, но уже второй на раз перекусил твёрдое древко, и если бы не ежедневные тренировки в спортзале в школе милиции…

– Саве-сурум!

Бросок через бедро в стиле азиатской борьбы кураш. Да, национальные приёмы старинных единоборств и послужили основой создания знаменитого самбо – самообороны без боя. Которое, между прочим, куда круче новомодного дзюдо. Вервольф, кажется, это был палач, вспахал волчьей мордой мостовую…

– Сарынь на кичку-у! – вдруг раздалось над площадью.

Честно говоря, фиг его знает, что это значит, я лишь помнил по школьной программе, что это был боевой клич казаков Степана Разина. Кто именно кричал, тоже неизвестно, но после этого из дверей избушки кувырком вылетел полный ярости боя дьяк Груздев.

Филимон Митрофанович, вооружённый сковородкой для блинов в правой руке и горящим факелом в левой, с яростью берсерка вклинился в ряды врага, погнав волкодлаков, словно Самсон филистимлян! Он был воистину страшен в своём праведном гневе.

– Не убоюся сети ловчей, ибо верую в Господа! И нет мне иной защиты, окромя покрова Богородицы! Да иссякнут врази Его, да расточатся их силы, да иссохнут чресла, да волей Божией – по зубам им, по зубам!

Не знаю, кому как, но лично мне не доводилось видеть трусливого соглядатая боярской думы в таком ретивом боевом экстазе.

Короче, мы все бились, как герои. Минуты три-четыре-пять. Потом наступило логическое отрезвление, в том смысле, что храбрость иногда побеждает силу, но наличие числового превосходства никто не отменял. Рано или поздно нас должны были взять в кольцо. И у них это отлично получилось.

– Что теперь? – вежливо поинтересовался принц Йохан, вырастая на наших глазах в самого большого верфольфа из всех, каких я только видел, практически с быка. – Один взмах моей лапы, и ты умрёшь. Один мой приказ, одно моё слово, и прощай последние надежды на милосердную смерть. Герр милиционер, ты хочешь видеть, как твои друзья умрут в муках, поедаемые заживо?

– Нет, – сдался я, опуская взгляд.

– Ты умён. Что ты готов отдать за то, чтобы они были живы?

– Правую руку.

– О, это воистину так по-арийски, – на миг умилился принц волков. – Только настоящие герои Вальгаллы не боялись, подобно Тюру, бросать вызов самому Фенриру. Но ты же в курсе, чем это кончилось?

– Никитка, и думать не смей! – взбрыкнула было Баба-яга, но притихла после сдвоенного рычания справа и слева. Наша старейшая сотрудница прекрасно понимала, когда успеет дочитать заклинание до конца, а когда и нет. Расклад был не в её пользу.

Упёртый Митька, никого не слушая, боролся с четырьмя кусачими монстрами, отчаянно начищая морды всем, да так, что, бывало, и всю челюсть удалял, не задумавшись. Дьяк отважно

прикрывал двух бледных солдат и офицера со шпажкой. Я не знал, что будет дальше, но прекрасно понимал, что шанс только один – убрать главного зверя…

– Твои друзья умрут первыми.

– Я слышал это не раз. Но мы живы и намерены продолжать в том же духе, – вспомнилось мне. – Да, вы сильнее, да, у вас все права. Не уточните конкретно на что – на этот лес, на этот город, на все немецкие земли или вы мыслите в масштабах Европы?

– Уважаю умных людей, – удовлетворённо кивнул принц волков. – Когда придёт час, мы возьмём всё, что захотим. Но хватит слов, меня мучит голод! Руку, герр полицай!

– Может, уже сразу и голову?

Волки утробно завыли. Бледный диск луны приобрёл кровавый оттенок.

Я медленно снял фуражку, переложил её в правую руку, коротко поклонился и отважно шагнул вперёд. Принц Йохан сам бросился мне навстречу, широко распахивая пасть. Я метко швырнул туда фуражку, а он на автомате её проглотил.

Вот, собственно, и всё.

– Глюпая шютка, – слегка шепелявя, прорычал чёрный волк. – А сто это у меня с голёсом?

Другие хищники тоже ничего не понимали. Тупо, словно бараны, смотрели на стальную цепочку, тянущуюся из его пасти, конец которой был намотан на мой кулак.

– Помните ту девочку в красной шапочке? – Я устало сел на помост, вытирая пот. – Она объяснила мне, как пользоваться этой штукой. Главное, чтобы волк заглотил приманку, обратно крюк он уже не выплюнет.

– В брьюхе колет, – неуверенно пробормотал принц, делая срыгивающие движения.

Увы, проглоченный крюк держался крепко. Выплюнуть он его не мог, а серебро в желудке зверя было смертельно опасно для оборотня.

– Перевоплощаться в человека тоже не рекомендую, желудок разорвёт, – заранее предупредил я.

Блудный Йохан быстро всё понял, и его жёлтые глаза округлились от страха.

– Да, к сведению остальных. Лапы вверх и сдаёмся представителю властей. Вон тому храброму офицеру в мокрых штанах. Если кто-то против, то я просто потяну за цепочку и ваш вожак умрёт в страшных муках.

Оборотни грозно зарычали…

– Деляйте, как он гофорит, идиёты, – всхлипнул бесперспективный захватчик городов и пожиратель фуражек. – Не

сейдите меня, я стъяшен ф гнефе!

Не стану забивать вам голову лишними деталями и конкретикой, остановимся на главном.

Примерно через полчаса город был полностью наш. До наступления рассвета Митя, дьяк и бледный от отваги гвардейский офицер, взяв на себя всю полноту власти, сопроводили в городскую тюрьму голого бургомистра и ещё семерых развоплотившихся (так можно писать в протоколе?) оборотней. Что с ними будет потом, не моя проблема.

Цепочку я передал с рук на руки Яге, бабка бдительно следила за присмиревшим волчарой, так до конца и не понявшим, что ему кранты. С серебряным крюком в желудке он не проживёт дольше месяца, а при попытке обернуться человеком порвёт живот изнутри в тот же момент.

Я лишний раз проверил текст полного оправдания нашей старейшей сотрудницы, заверенный подписью печально известного блудного принца. Потом, пользуясь первым лучом рассвета, достал волшебное зеркальце, осторожно дохнув на его поверхность. Моя верная жена не спала.

– Это я. Не разбудил?

– Нет, милый. Я знала, сердцем чуяла, что увижу тебя сегодня, – ласково улыбнулась Олёна, вытягивая шею, чтобы разглядеть, что у меня за спиной. – Вроде как горит что-то?

– Уже отгорело, это Филимон Митрофанович тут паре волков шкуры подпалил. И немного хвороста сгорело. И тележка чья-то, и солома на мостовой. Митя сейчас придёт и костерки потушит, а то если на помост перекинется, то действительно можем спалить весь город к ёлкиной маме.

Я ещё что-то такое пытался говорить, нёс какую-то пустую околесицу, сам не знаю зачем и к чему, а она только смотрела на меня ласковым взглядом и слушала, слушала, слушала. Потом потянулась губами и поцеловала меня с той стороны зеркала. Связь прекратилась, стекло вновь отражало лишь мою помятую физиономию да разливающийся над Фрайбургом рассвет.

– Пора домой?

– Пора, участковый, – кивнула усталая бабка. – От тока красавца энтого пархатого в судебные органы сдадим, под военный трибунал отправим и сразу домой, в родное Лукошкино.

– Поссядите, – сиплым шёпотом взмолился принц, его взмокшая шерсть слиплась иголками, делая вервольфа похожим скорее на дикобраза. От страха неизбежного наказания он жутко потел, и на всю площадь воняло псиной.

– Закон обратной силы не имеет, – ответил я, глядя ему в жёлтые глаза. – Пусть с вами местное руководство разбирается.

– Я бойсе не буду-у…

– Гитлер тоже так говорил.

Мне оставалось лишь дождаться наших. Когда уцелевший офицер привёл с собой группу сознательных граждан с охотничьими ружьями, я позволил ему привязать оборотня к тому же столбу на помосте, чтобы люди наконец смогли воочию убедиться, какая реальная опасность им угрожала. А то взяли моду, чуть что, русские виноваты, и давай нашего дьяка жечь…

Дело сделано. Баба-яга полностью оправдана, чему есть куча свидетелей. Чёрная баронесса так и останется в своём замке, сказочных героев никто не потревожит, всё будет как было. Но со временем по мрачному Шварцвальду проложат асфальтовые дорожки, туристские маршруты для скандинавской ходьбы, поставят лавочки и фонари, всё для отдыха людей. Прогресс не остановить.

Мы уехали после обеда, часа в четыре. Нам ещё быстренько насовали копчёных сосисок в дорогу, Митьке подарили бочонок пива, Филимону Митрофановичу новые баварские шорты на лямках, а нам с Бабой-ягой торжественно вручили две специальные грамоты, объявляющие нас заслуженными друзьями всей Германии и почётными горожанами Фрайбурга.

Покидали мы это гостеприимное местечко с такой же помпой, как и въезжали сюда – с оркестром, барабанами, аплодисментами, цветами и ликованием публики. На помосте, под небольшим навесом, прятался зашуганный волкодлак принц Йохан с серебряным крюком в желудке. Рядом стояли неподкупные немецкие солдаты, и теперь зверя не боялись даже дети…

Уже ближе к границам Чехии я сам попросил нашего младшего сотрудника что-нибудь спеть для души. Митяй сначала не поверил собственному счастью, дико засмущался, и, наверное, какое-то время его пришлось даже поуговаривать. Мог бы и просто приказать, но это не то.

Дьяк занимался своей писаниной в углу у печки, ему нужно было сдать полный отчёт к прибытию в Лукошкино. Яга что-то подсчитывала на пальцах, возможно, дни, расстояния, расход-приход продуктов. В общем, просить пришлось мне одному.

Наш Митька важно уселся, свесив ножки, на крылечке, откашлялся и от всей души начал:

Вот хата, которую строил Семён.
А в подполе тихо стоит самогон,
В той хате, которую строил Семён,

А это нахальная птица ворона,
Ей нравится запах того самогона,
Что в подполе тихом стоит немудрёно,
В той хате, которую строил Семён.

А это лисица, что ловит ворону,
Но не причинит ей ни зла, ни урона,
Она равнодушна почти к самогону,
Что в подполе тихом стоит беспардонно,
В той хате, которую строил Семён.

Вот волк, растерявший все зубы в лесу,
Который так нежно целует лису,
Которая внаглую ловит ворону,
Пришедшую на аромат самогону,
Что тихо стоит себе незамудрённо
В той хате, которую строил Семён.

Вот это кобыла, седая и статная,
Что волку беззубому даст по сопатке,
Который лисицу ласкает украдкою,
Чтоб та не хватала ворону за лапку,
Чтоб та самогон не глотала украдкой,
Что в подполе тихом и пахнет так сладко…

– *В той хате, которую строил Семён,* – на автомате с удовольствием подпел я.

– Чёй-то, чую, нерусская какая-то песенка, – поморщилась бабка, недовольно косясь на распевшегося исполнителя.

– Ворона, лиса, волк, кобыла, Семён, самогон, – расслабленно повёл плечами я. – Всё слова русские, всё о пьянке и тоске по родине, чего же надо? Наговариваете вы на мальчонку…

Мы, наверное, не будем утомлять вас описанием нашей обратной дороги, тем более что была она спокойной и даже немного скучной. В Чехии останавливались только ради глотка местного пива и уточнения судьбы крумловских призраков. Как я понял, часть из них последовала нашему совету, переехав-таки на постоянное место жительства в Прагу.

Польшу мы вообще пролетели на ура, задержавшись на границе лишь ради того, чтобы по просьбе бабки прикупить польских яблок. Не то чтобы у нас на Руси своих нет, у нас всяких полно, а так, чисто для поддержания добрососедских отношений.

В Бресте усатый градоначальник заставил нас остаться на

ночь, упросив Христом Богом всё ему рассказать. За это время, правда, некоторые несознательные личности пытались ограбить нашу избушку, но та отбилась куриными ногами. Она вообще умеет за себя постоять, уж поверьте.

Старику-лешему в чащобе отсыпали полный мешок пряников с брестского базара. Он, правда, намекал на горячительное, но наша опытная старушка даже пива плеснуть ему не позволила, говорила, что он как выпьет, так до любого докопается, а потом ещё к степенным медведицам с любовью приставать будет. Ну его, короче, чаем с пряниками перетопчется.

По системе «зеркальной» видеосвязи я каждый день разговаривал с Олёнушкой, а один раз за стеклом даже появился царь!

Горох выслушал наш короткий доклад, искренне огорчился, что войны не будет, и пошёл кому хоть в думе морду набить со скуки. Что поделать, он государь у нас деятельный, экстремал по натуре, ему и день без приключений, так уже задница горит, душа размаху требует!

Спасённый нами от костра дьяк Груздев всю дорогу что-то писал себе в уголке, а перед самым Лукошкином, за полверсты, вдруг сиганул с крыльца и дёрнул вперёд такой отменной кавалерийской рысью, что мы с обалдевшей избушкой только пыль глотали.

Хорошо еремеевцы задержали его в воротах, когда он на последнем издыхании хрипел «слово и дело государево!», размахивая докладом в боярскую думу. Ну, о содержании доклада вы, я думаю, уже и сами догадались – Филимон Митрофанович топил нас с головой, выставляя себя любимого то мучеником, то героем, то жертвой грязного милицейского шантажа.

Будь моя воля, я бы этого козлобородого гада на месте все его бумаги съесть заставил! Но Баба-яга чин чином убрала наш «обвиняющий приговор» в сундук, а дьяку в качестве наказания пришлось идти во дворец в тех же немецких штанишках на лямках, заправив длинную рясу за пояс и оголив тощие волосатые ноги. Жёстко, согласен, но ведь заслужил!

И людям весело…

P.S.

– Оправдана как есть, по всем статьям, – гордо объявила нарядная бабка, возвращаясь к вечеру из царского терема.

– Ура-а!!! – хором грянули мы, ожидая её за богато накрытым азербайджанским столом. Мы – это я с Олёной, Митя с котом и Назим за печкой.

– Рассказывайте, бабушка, – попросила моя жена, пока Митяй

деловито разливал вишнёвую настойку по хрустальным стопочкам.

– Ох. Чего ж рассказывать. – Чуть кряхтя, Яга присела на табуреточку, перекрестилась, выпила и, наверное, целый час под стук ложек и вилок взахлёб делилась дли-и-инной историей своего короткого визита к царю Гороху в боярскую думу.

Как она там себя вела, как её слушали, как перебивали, какие вопросы каверзные подбрасывали, как под стеклом увеличительным подпись принца Йохана рассматривали, как с докладом из Германии сверяли, что голубиной почтой доставлен был, как отчёта за потраченные деньги требовали, как от описаний стран заграничных млели, как в недостатке патриотизму обвинить пытались обличительно и как надёжа-государь её потом при всех крепко обнял, аж рёбрышки захрустели, а матушка царица даже в щёчку при всех поцеловала.

Уже когда все сытые, довольные, чуть пьяные расходились спать, я шутливо шепнул главе нашего экспертного отдела:

– А вы заметили, что это первое дело, где мы ни разу напрямую не схлестнулись с Кощеем Бессмертным?

P.P.S.

– Милая, ты так и не рассказала, зачем ходила к лекарю? Ты что-то съела, отравилась, язва, гастрит, кто виноват?! Я же волнуюсь.

– А ты и не догадался? Эх, сыскной воевода. – Моя жена, зарумянившись, положила мою руку себе на живот. – И кто виноват, а?

У меня перехватило дыхание от счастья.

P.P.P.S.

Наутро меня разбудил не петух, а Митька, орущий в окно:

– Вставайте, Никита Иванович, вставайте, отец родной! Бабуленька-ягуленька говорит, чё вы там вчерась насчёт Кощея плели?

Я приподнялся на локте и, стараясь не задеть сонную жену, запустил в раскрытое окно тапкой. Судя по всему, попал.

– Ой, больно же… Так вот оно, видать, и накаркали!

Ну, начинается…

notes

Сноски

1

Это моя вина (*нем*). – *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Пьяк – по-польски пьяница, жаргонное, как у нас алкаш.